

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2021. Том 19, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая и прикладная лингвистика

- Зыкова И. В., Киосе М. И.* Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы 5
- Репнина Т. В.* Непрототипические раздельноформленные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) 20
- Мартыненко И. А.* Испаноязычная топонимия Экваториальной Гвинеи: структурно-семантический аспект 32
- Бутенко Ю. И., Николаева Н. С., Маргарян Т. Д.* Структурные модели терминологических словосочетаний для разметки корпуса научно-технических текстов 45
- Выренкова А. С., Смирнов И. Ю.* Автоматическое обнаружение и исправление деривационных ошибок в письменной речи на русском как иностранном 57

Психолингвистика. Исследования языка и речи

- Палкин А. Д.* Образ родины в русской и японской лингвокультурах 69
- Каменева В. А., Потапова Н. В.* Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в американском предвыборном дискурсе 84

Когнитивная лингвистика

- Савина Е. С.* Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа 98
- Калинин О. И.* Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках 110

<i>Янь Кай, Хуан Юньюй.</i> Семантика глаголов с приставкой <i>при-</i> в художественном тексте Н. В. Гоголя на фоне китайских переводов	122
--	-----

Переводоведение

<i>Тихонова О. В.</i> К проблеме корректности употребления термина «литература на алхамиадо»	135
<i>Соловьева Е. А.</i> Интерпретация дороги и связанных с ней реалий в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык	148

Рецензии

<i>Захаров В. П.</i> Рецензия на книгу: Тао Юань. Вопросы перевода текстов по гуманитарным и общественным наукам на основе параллельного корпуса русского и китайского языков. Пекин: Наука, 2018. 202 с.; 2-е изд., дополненное. Пекин: Наука, 2021. 212 с. (на кит. яз.)	165
Информация для авторов	169

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2021. Volume 19, № 3

CONTENTS

Theoretical and Applied Linguistics

- Zykova, Irina V., Kiose, Mariya I.* Creativity of Phraseology in Contrast: Cinematic Discourse vs Discourse of Children's Literature 5
- Repnina, Tatiana V.* Non-Prototypical Structurally Separate Conditional Constructions in Catalan (In Comparison with Spanish and French) 20
- Martynenko, Irina A.* Hispanic Toponymy of Equatorial Guinea: Structural and Semantic Aspect 32
- Butenko, Iuliia I., Nikolaeva, Natalia S., Margaryan, Tatiana D.* Structural Models of Terminological Word Combinations for Marking up a Corpus of Scientific and Technical Texts 45
- Vyrenkova, Anastasia S., Smirnov, Ivan Yu.* A New Approach to Automatic Detection and Correction of Derivational Errors in L2 Russian 57

Psycholinguistics. Language and Discourse Studies

- Palkin, Alexei D.* Image of Motherland in Russian and Japanese Linguocultures 69
- Kameneva, Veronika A., Potapova, Natalia V.* Authority-Based Strategy of (De)legitimization in American Electoral Discourse: A Case Study 84

Cognitive Linguistics

- Savina, Elena S.* Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry 98
- Kalinin, Oleg I.* Metaphor Power of Military Doctrines in Russian, Chinese and American English 110
- Yan Kai, Huang Yongyu.* Semantics of Verbs with the Prefix *npu-* in a Russian Literary Work by N. V. Gogol with Reference to Their Chinese Equivalents 122

Translation and Translation Studies

- Tikhonova, Oxana V.* Aljamiado Literature: The Problem of Definition 135

<i>Solovyeva, Evgeniya A.</i> Interpretation of the Road and Associated Realities in the First French Translation of Mikhail Lermontov's Novel "A Hero of Our Time"	148
---	-----

Reviews

<i>Zakharov, Victor P.</i> Tao Yuan. Research on Translation of Academic Texts in Humanities and Social Sciences Based on Russian-Chinese Parallel Corpus. Beijing, Science Publishing, 2018, 202 p.; 2 nd ed., revised. Beijing, Science Publishing, 2021, 212 p. (in Chin.)	165
--	-----

Instructions to Contributors	169
------------------------------	-----

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du language A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantsev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Oby (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы

И. В. Зыкова¹, М. И. Киосе²

¹ Институт языкознания РАН

Москва, Россия

² Московский государственный лингвистический университет

Москва, Россия

Аннотация

Статья содержит результаты контрастивного анализа феномена лингвокреативности на материале фразеологии в двух разных типах дискурса – в кинодискурсе и дискурсе детской литературы. В исследовании развивается параметрический подход к изучению лингвокреативности, в рамках которого параметр «фразеологизм» выделяется как один из универсальных и наиболее значимых показателей реализации креативных возможностей языковой системы в дискурсе. На базе двух выборок языкового материала, представляющих кинодискурс и дискурс детской литературы и совпадающих по объему, жанру, времени создания, возрастной направленности адресата и ключевой прагматической задаче, анализируются специфика активизации и лингвокреативная продуктивность параметра «фразеологизм». С опорой на понятие фразеологической креативности проводится разграничение некреативных и креативных употреблений фразеологических единиц. Изучение их соотношения в двух выборках показывает, что при одинаковой частотности фразеопотреблений в рассматриваемых типах дискурса основным свидетельством креативного использования фразеологизмов служит выбор определенных стратегий их модифицирования, по применению которых кинодискурс определяется как более лингвокреативный по сравнению с дискурсом детской литературы. Отдельно рассматривается вопрос о том, насколько (не)зависимо от других лингвокреативных явлений действует параметр «фразеологизм». В ходе обработки данных по сопряженности изучаемого параметра с другими параметрами лингвокреативности, проводимой в программе HETEROSTAT, устанавливаются фразеологические корреляционные профили лингвокреативности в дискурсе. Их сопоставление позволяет сделать вывод о том, что сопряженность параметров лингвокреативности значительно выше в дискурсе детской литературы. В ходе дальнейшего анализа особенностей сопряженности параметров в случаях креативного и некреативного введения фразеологизмов обнаружены различия в реализации двух основных функций «подключения» параметров – компенсирующей «недостаточную» креативность и стимулирующей креативность; при этом в кинодискурсе превалирует стимулирующая функция, а в дискурсе детской литературы наблюдается интегрированное проявление обеих функций. Выявленный факт такого рода «креативного компенсирования» и «креативного стимулирования» служит дальнейшему развитию представлений о взаимосвязи и взаимодействии двух разновидностей лингвокреативности – универсальной и дискурсивно обусловленной.

Ключевые слова

лингвокреативность, параметр лингвокреативности, фразеологизм, кинофильм, детский рассказ, модификация, лингвокреативная стратегия, фразеологический корреляционный профиль лингвокреативности

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Для цитирования

Зыкова И. В., Киосе М. И. Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 5–19. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-5-19

Creativity of Phraseology in Contrast: Cinematic Discourse vs Discourse of Children's Literature

Irina V. Zykova¹, Mariya I. Kiose²

¹ *Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

² *Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article features the results of contrastive analysis of phraseological creativity in two discourse types, cinematic discourse and discourse of children's literature. In the study, we develop the parametric approach to linguistic creativity, with the parameter of phraseology displaying both language and discourse specific character. Two compiled subcorpora of cinematic discourse and discourse of children's literature contingent in size, genre, creation period, addressee orientation and key pragmatic strategy, serve to explore the activity (frequency) distribution of phraseology as well as its creative language productivity. The Theory of Phraseological Creativity provides the criteria for demarcating creative and non-creative uses of phraseological units. Their further analysis in two subcorpora has shown that whilst their total activity in both discourses is similar, it is the cinematic discourse that demonstrates significant prevalence in phraseological modification, which evidences in favor of its higher discourse creativity potential. The study helped reveal the specificity in the phraseological modification strategies applied in cinematic discourse in contrast with discourse of children's literature. Furthermore, we addressed the problem of parametric contingency which brought forward other criteria in demarcating creative and non-creative uses of phraseology in discourse. To explore the linguistic creativity parametric contingency, we assessed the joint activity of parameters correlating with phraseology use. Following the procedures of parametric activity processing in HETEROSTAT software and vector-space modelling, we received two discourse-specific phraseological contingency profiles. Their contrastive analysis revealed higher contingency values in the discourse of children's literature. Moreover, it disclosed discourse-specific functional differences in creative and non-creative phraseology use in the discourse types contrasted. Whereas non-creative phraseological units in cinematic discourse displayed low correlation with other parameters of linguistic creativity, their creative uses displayed higher correlation. The same did not stand true for discourse of children's literature, which demonstrated high correlation in both cases. Consequently, we concluded that the stimulating function is more typical of linguistic creativity parameters activation contingent with the creative uses of phraseology. In discourse of children's literature apart from the stimulating function, the contingent parameters also display the compensatory function, with both functions stimulating the children's comprehension of phraseology and simultaneously enhancing discourse creativity. The results suffice to show that the distribution of two functions – compensatory and stimulating – is discourse-specific, which extends the knowledge about linguistic and discourse creativity.

Keywords

linguistic creativity, parameters of linguistic creativity, phraseological unit, film, story, modification, creative language strategy, phraseological contingency profile of linguistic creativity

Acknowledgements

The research is funded by grant № 19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

For citation

Zykova, Irina V., Kiose, Mariya I. Creativity of Phraseology in Contrast: Cinematic Discourse vs Discourse of Children's Literature. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 5–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-5-19

Введение

Исследование истории развития фразеологической теории позволяет проследить постепенную трансформацию взглядов на природу фразеологической единицы (далее – ФЕ) и специфику ее функционирования в дискурсе. Господствующий в структурализме постулат о структурно-семантической неизменчивости или структурно-семантической устойчивости фразеологизма с приходом новой антропологической парадигмы и развитием междисциплинарных направлений в филологии (когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, лингвофилософия и т. д.) сменяется постулатом о фразеологизме как о достаточно гибкой в функциональном плане языковой единице, для которой естественны разного

рода изменения в процессе коммуникации. Креативное использование фразеологического ресурса языка в разных типах дискурса становится одним из приоритетных направлений теоретической и прикладной лингвистики (см., например, [Гак, 2016; Телия, 1996; Мелерович, Мокиенко, 2001; Moon, 1998; Omazić, Parizoska, 2020; Wulff, 2008]). В филологическом дискурсе особую актуальность обретают вопросы эволюции фразеологической системы, одним из движущих факторов которой рассматривается нарушение языковых конвенций и фразеологической нормы, вопросы узуальной и окказиональной вариативности фразеологизмов, типологического разнообразия фразеологических модификаций, выявляемых на материале разных языков, дискурсов и социокоммуникативных практик (см., например, [Добровольский, 2007; Мед, 2007; Nikolaeva, 2020; Pamies-Betrán, 2017; Cserép, 2017; Nicolas, 1995]). Ранее не признаваемое у фразеологизма свойство креативности (ср., например, работы Н. Хомского и его сторонников) со временем становится одной из характерных особенностей его использования в живом речевом общении. В современную теорию фразеологии вводятся понятия «идиоматической креативности» [Langlotz, 2006] и «фразеологической креативности» [Зыкова, 2014], а стоящие за ними явления получают всестороннее осмысление в ходе изучения разного рода ненормативных (окказиональных, аномальных, креативных) употреблений ФЕ во многих современных исследованиях (см., например, [Архангельская, 2019; Гвишиани, 2020; Степанова, 2020]).

Несмотря на масштабность проводимых сегодня исследований немногочисленными являются контрастивно-дискурсивные исследования креативности фразеологии, позволяющие сравнить на единых теоретико-методологических основаниях специфику реализации креативных ресурсов фразеологической системы в разных типах дискурса. Настоящее исследование призвано восполнить эту исследовательскую лауну и направлено на контрастивное изучение особенностей реализации креативного потенциала фразеологизмов в двух разных типах дискурса – в кинодискурсе и детской литературе. В качестве материала были отобраны схожие по жанру, времени выхода, проблематике и объему языковой структуры произведения: две популярные кинокомедии «Семь няnek» (Р. Быков, 1962) и «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» (Э. Климов, 1964) общим объемом 54 357 знаков с пробелами и четыре детских юмористических рассказа «Райкины пленники» (Ю. Сотник, 1956), «Разноцветная история» (В. Железников, 1960), «А Воробьев стекло не выбивал» (Ю. Яковлев, 1972), «Дым в рюкзаке» (В. Медведев, 1974) общим объемом 50 186 знаков с пробелами.

Ключевые понятия и методология исследования

В своей работе мы опираемся на понятие фразеологической креативности, которое было разработано в исследовании [Зыкова, 2015] и под которым понимается «способность макрометафорических концептуальных моделей, реализуемая коллективным или индивидуальным сознанием, системно порождать фразеологические единицы» (создавая тем самым фразеологию как культурно-детерминированную подсистему языка) «и коммуникативно адаптировать фразеологические единицы к прагматическим задачам построения определенного дискурса посредством разного рода их модификаций или трансформаций» [Там же. С. 328]. Из данного определения следует, что фразеологическая креативность может быть двух основных видов – системной (или системно языковой) и дискурсивной. Данная трактовка фразеологической креативности входит в разрабатываемое нами представление о более общем понятии лингвистической креативности, базирующемся на проводимой в исследовании дифференциации двух ее типов – универсальной лингвокреативности и дискурсивно обусловленной лингвокреативности.

Как универсальное явление, лингвокреативность присуща всем существующим типам дискурса (художественному, рекламному, научному, эпистолярному и т. д.) и имеет общие (или универсальные) параметры оценки, позволяющие на единых основаниях распознавать в любом дискурсе ненормативное использование языка. Как дискурсивно обусловленное яв-

ление, лингвокреативность обладает определенной спецификой проявления общих (или универсальных) параметров в каждом конкретном типе дискурса и особыми формами реализации в нем креативного (= ненормативного, нестандартного, оригинального) функционирования языковых единиц [Зыкова, 2017; Зыкова, Киосе, 2020]. Изучение креативного потенциала фразеологических средств в кинодискурсе и дискурсе детской литературы проводится нами в рамках комплексного исследования лингвокреативности, основанного на ее анализе в разных дискурсах по одним и тем же установленным нами параметрам (см. подробнее в [Зыкова, Киосе, 2020]). В число таких параметров измерения лингвокреативности входит и параметр «фразеологизм». Представим основные результаты его контрастивно-дискурсивного изучения в следующем параграфе настоящей статьи.

Результаты исследования

Параметр «фразеологизм» является одним из наиболее значимых параметров лингвокреативности лексического уровня в двух анализируемых типах дискурса – кинодискурсе и дискурсе детской литературы. Сопоставление общего количества фразеопотреблений, которое представлено 247 случаями в кинодискурсе и 258 случаями в дискурсе детской литературе, свидетельствует о фактически одинаковой активности данного параметра, равноценной значимости фразеологии в создании образно-содержательного плана кинопроизведений и произведений детской литературы.

При этом вклад фразеологии в реализацию креативного ресурса языковой системы в рамках рассматриваемых кинокомедий и юмористических рассказов определяется, прежде всего, характером узуальных и модифицированных употреблений ФЕ и их соотношением в конкретном произведении. Дискурсивно-параметрический анализ позволяет разграничить **некреативные и креативные фразеопотребления** и установить их **соотношение**, по которому можно судить о том, какой из двух типов дискурса имеет более высокий титр креативности по данному параметру.

Согласно полученным данным, как в кинодискурсе, так и в дискурсе детской литературы использование фразеологизмов в их базовых формах и значениях количественно преобладает над их использованием в модифицированных формах. Ср., например, узуальное употребление:

(1) *Затянули играть в карты и ободрали как липку* (к/ф «Семь няnek»);

(2) *На носу лето, походы, а тут возись с такими...* (д/р «Райкины пленники»).

Примечательно, что если в кинокомедиях количественное преобладание узуальных фразеопотреблений является весьма незначительным, то в детских рассказах количество фразеологизмов в базовой форме и исходном значении почти в три раза превышает число модифицированных форм. Сводные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение узуальных и модифицированных форм фразеологизмов
в кинокомедиях и детских юмористических рассказах

Table 1

Usual and modified forms of phraseological units
in comedy films and humorous stories for children

Тип дискурса	Общее количество употреблений ФЕ	Количество узуальных использований ФЕ	Количество модификаций ФЕ	Повторяющееся ФЕ
Кинокомедии	247	128	108	11
Юмористические рассказы	258	191	67	18

Узуальные употребления, при которых фразеологизмы используются в их базовых формах и исходных значениях, квалифицируются в нашем исследовании как случаи нормативного и, соответственно, **некреативного функционирования** данных языковых единиц в двух типах дискурса. Несмотря на то что таких случаев подавляющее большинство, отдельного внимания заслуживает употребление группы ФЕ, маркирующих прямо или косвенно идеологию советской эпохи, ценностные культурные установки советского общества или господствующие принципы внутренней жизни страны советского периода и получивших название «советизмы», например: *на общественных началах, брать шефство, честное пионерское, честное комсомольское, наглядная агитация, светлая жизнь, брать <рекордную> высоту, производить чистку, вырывать кого-либо из наших рядов, царица полей* ('кукуруза'), *почтовый ящик* ('организация или производственное предприятие без обычного адреса с особым режимом допуска'). Характерной чертой обоих типов дискурса является установленный факт того, что при сохранении их базовой формы осуществляется обыгрывание их первичных значений, направленное на развитие многозначности и определенного подтекста, которые делают стоящее за тем или иным фразеологическим советизмом явление парадоксальным или абсурдным и, соответственно, смешным, ср., например:

(3) *Так Костя Иночкин перешел на нелегальное положение* (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!»);

(4) *Надо произвести чистку в кружке* (д/р «Райкины пленники»).

В контексте (3) под переходом на нелегальное положение имеется в виду «подпольное» положение на территории пионерского лагеря пионера шестого отряда Кости Иночкина, который по распоряжению начальника лагеря был выгнан из него с позором за нарушение категорического запрета переплывать реку и, соответственно, подрыв дисциплины. Обыгрывание исходного значения фразеологического советизма формирует аналогию, позволяющую уподобить жизнь детей в пионерском лагере жизни политзаключенных или законопреступников, что производит комический эффект. Подобного рода смысловое обыгрывание мы наблюдаем и в контексте (4), в котором под фразеологическим советизмом *производить чистку* подразумевается 'избавиться от неактивно работающих членов (кружка)'. Случаи расширения семантического плана фразеологических советизмов посредством окказиональных смыслов при сохранении их структуры малочисленны, но релевантны. Поскольку они служат источником формирования новых (оригинальных) образных представлений, то видится целесообразным относить их к лингвокреативным явлениям. Отметим, что в кинодискурсе в отличие от дискурса детской литературы креативность фразеологических советизмов усиливается за счет визуального и звукового рядов, вместе с которыми они образуют сложно устроенное полимодальное целое, в определенных случаях формирующее кинематографический троп.

Таким образом, с лингвокреативной точки зрения среди узуальных фразеопотреблений следует различать полностью узуальные и частично узуальные. Последние обладают определенной степенью лингвокреативности.

При анализе модифицированных форм ФЕ мы опираемся на подход к дискурсивному изучению фразеологической креативности, предложенный в [Зыкова, 2015]. Согласно данному подходу, к основным стратегиям модификации фразеологизмов в дискурсе относятся следующие: встраивание компонентов в базовую форму фразеологизмов; пре- и/или постпозиционное приращение компонентного состава; разбиение базовой формы фразеологизма, сопровождающееся заменой или опущением некоторых исходных компонентов; перекомпозиция, состоящая в намеренном изменении порядка следования компонентов в базовой форме ФЕ, и комбинирование, представляющее собой разного рода интегрирование двух и более фразеологизмов в одном сегменте дискурса.

В исследуемых произведениях применяются все основные стратегии трансформации базовых форм и значений ФЕ с небольшим расхождением в их релевантности в кинодискурсе и дискурсе детской литературы. Сводные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение количества основных стратегий модифицирования фразеологизмов
в кинокомедиях и детских юмористических рассказах

Table 2

Basic strategies of modifying phraseological units
in comedy films and humorous stories for children

Тип дискурса	Встраивание	Перекомпозиция	Приращение	Разбиение	Комбинирование	Одновременное использование нескольких стратегий
Кинокомедии	7	28	5	25	3	21
Юмористические рассказы	18	13	3	10	2	16

Так, в обоих типах дискурса наименее применяемыми являются стратегии приращения новых компонентов и комбинирования фразеологизмов, а лидирующую позицию по количеству созданных с их помощью модификаций занимают стратегии перекомпозиции и разбиения, а также случаи одновременного использования разных стратегий. Примечательно, что в исследуемых кинокомедиях базовые формы и значения фразеологизмов довольно редко модифицируются посредством встраивания новых компонентов, в то время как в юмористических рассказах эта стратегия является наиболее частотной.

Следует особо отметить, что применение любой стратегии повышает в определенной степени (незначительной или значительной) экспрессивность и образность ФЕ и делает сегмент дискурса, в котором она используется, в соответствующей степени салиентным. Однако не все используемые стратегии в равной мере способствуют тому обновлению ФЕ, которое повышает креативность созданной модификации и дискурса в целом. Так, стратегия перекомпозиции, трансформируя ФЕ с фиксированным порядком расположения структурных компонентов за счет изменения этого порядка, не привносит новизны в ее семантику, хотя и усиливает ее экспрессивность и образность, ср., например:

(5) *видеть своими глазами* > *Я эту Соньку своими глазами видел* (к/ф «Семь нянек»);

(6) *твердить как попугай* > *Я присел с закрытыми глазами на кирпич и, чтобы Мишка не узнал, чем я «дышу», стал как попугай, твердить <...>* (д/р «Дым в рюкзаке»).

Принимая во внимание данный факт, мы можем говорить о том, что с лингвокреативной точки зрения фразеопотребления, основанные на стратегии перекомпозиции, можно квалифицировать как частично модифицированные и, следовательно, слабо реализующие креативный потенциал языка в исследуемых дискурсах.

Применение других стратегий приводит к обновлению базовой формы и значения ФЕ. Созданные с их помощью фразеологические модификации обладают эвристической и прагматической ценностью и служат целям лингвоэстетической реализации категории комического, лежащей в основе рассматриваемых кинокомедий и юмористических рассказов, а следовательно, отличаются более существенным проявлением креативного ресурса языка. При этом наиболее заметными с точки зрения лингвокреативности являются фразеопотребления, модификация которых посредством разных стратегий сопровождается внедрением новаций, по-разному нарушающих внутреннюю (общепринятую) логику исходного образного представления. Это может, в свою очередь, вызывать социокоммуникативный диссонанс, а значит, потребовать дополнительных усилий для распознавания исходного образа, вовлекая реци-

пиента (зрителя/читателя) в языковую игру с автором произведения и усиливая комический эффект языковой единицы. В качестве примера приведем модификации, созданные посредством стратегии встраивания компонентов (контексты 7–8), стратегии разбиения базовой фразеологической формы (контексты 9–11) и стратегии приращения компонентного состава фразеологизмов (контексты 12–13):

(7) *заслуживать похвалу* > *Самодетельность часового завода заслуживает особой похвалы!* (к/ф «Семь нянек»): новый компонент *особой* имплицитно несет негативный смысл, который диссонирует с общей положительной коннотацией базовой формы фразеологизма, что актуализирует иронический подтекст данной модификации;

(8) *предаваться размышлениям* > *А я, убедившись, что Мишка ни с дымом, ни без дыма пока не может прочесть мои мысли, я, как всегда, но почему-то с ещё большим наслаждением, предался своим ничем не выдающимся размышлениям* (д/р «Дым в рюкзаке»): новые компоненты *ничем не выдающимся* передают самоироничное отношение героя к своим мыслям, их нелестную оценку, что контрастирует с возвышенно-формальным характером базовой формы ФЕ и производит комический эффект;

(9) *Собака – друг человека* > *Часы – друг человека!* (к/ф «Семь нянек»): разбиение базовой формы фразеологизма сопровождается заменой анималистического компонента *собака* на вещный компонент *часы*, придавая новому образному представлению характер катахрезы, благодаря которому модификация обретает шуточный оттенок;

(10) *законченный болван [негодяй]* > *А он тоже был законченный фантазер* (рассказ «Разноцветная история»): разбиение базовой формы фразеологизма основано на нарушении сочетаемости компонентов и сопровождается заменой компонента с негативным значением на компонент с амбивалентной оценкой, что придает модификации характер шутки;

(11) *Баба-яга – костяная нога* > *Ну какой телефон, она по вокзалам ночует. Любка – костяная ножка* (к/ф «Семь нянек»): разбиение базовой формы фольклорного фразеологизма сопровождается заменой имени сказочного персонажа на краткую форму женского имени *Любовь*, образованную посредством диминутивного суффикса негативной оценки, и использованием краткой формы субстантивного компонента с тем же диминутивным суффиксом, что позволяет сохранить исходную рифмированность компонентов данного фразеологизма и делает речь персонажа комичной;

(12) *катиться под гору* > *И покатился под гору... пока милиционер не остановил* (к/ф «Семь нянек»): постпозиционное приращение новых компонентов дефразеологизирует базовую форму языковой единицы и делает буквальный ее прочтение, за счет чего достигается комический эффект;

(13) *быть выше кого-либо* > *Римский цензор требовал мести – мой друг хотел справедливости, поэтому был выше цензора на целую голову* (рассказ «А Воробьев стекло не выбивал»): постпозиционное приращение новых компонентов приводит к столкновению образного и буквального значений фразеологизма и к неожиданной «разрядке» возвышенно-формального характера исходной ФЕ, что способствует восприятию модификации как шутки.

Особый интерес представляют модифицированные формы фразеологизмов, образованные посредством одновременного применения разных стратегий. Примерами таких случаев являются следующие контексты:

(14) *Неужели ты думаешь, что мне Иночкина так легко от сердца оторвать?* (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»);

(15) *Нет, какая жестокость! Сыпать, как говорится, соль на мои незажившие раны!* (д/р «Дым в рюкзаке»).

Интеграцию стратегий перекомпозиции и приращения компонентов *так легко* можно обнаружить в контексте (14), ср. модификацию с базовой формой: *оторвать от сердца* (разг. 'с болью, жалостью отказаться от чего-л. очень дорогого' [БСПП]). В контексте (15) используется стратегия комбинирования двух фразеологизмов *сыпать соль на раны* ('напомина-

ниями заставлять переживать вновь что-либо неприятное для собеседника') и *как говорится* (разг. 'как принято говорить' [ФСРЛЯ]), а также стратегия разбиения фразеологизма *сыпать соль на раны* и стратегия встраивания, расширяющая его форму за счет новых компонентов *мои незажившие* и оживляющая его образную основу с помощью новых субъективно-оценочных смыслов. В рассматриваемых контекстах модифицированные фразеологизмы придают утрированно иронический оттенок речи персонажей и позволяют воспринимать представленную в них ситуацию в комическом ключе. Стоит отдельно отметить, что одновременное применение разных стратегий модифицирования фразеологизмов способствует повышению степени лингвокреативности того сегмента дискурса, в построении которого они участвуют.

Таким образом, все новые формы фразеологизмов, образованные в кинодискурсе и дискурсе детской литературы посредством основных стратегий, представляют собой случаи отступления от фразеологической нормы и свидетельствуют о реализации креативного потенциала языковой системы, которая может быть более или менее значительной, сильно или слабо проявленной, а следовательно, более или менее релевантной.

Анализ показал, что обновление формы может иметь и весьма радикальный характер, как, например, в следующем контексте:

(16) *А то что ж, на часовом заводе без часов* (к/ф «Семь нянек»).

Созданное в кинофильме выражение *на часовом заводе без часов* восходит к фразеологизму *сапожник без сапог*, обновление базовой формы которого осуществляется посредством замены всех знаменательных компонентов и расширения компонентного состава и может быть оценено как максимальное. Однако распознавание данной модификации является возможным благодаря сохранению ключевой идеи об алогичности ситуации, передаваемой во фразеологизме-источнике: производитель определенной вещи сам не является ее обладателем. Оставленный автором такого рода смысловой «ключ» к разгадке «зашифрованного» в модификации фразеологизма свидетельствует о применении им определенной разновидности языковой игры.

Представляется важным также указать, что помимо основных стратегий модифицирования ФЕ были установлены и другие способы их окказиональных трансформаций. Среди этих способов стоит отметить нарушение валентности (контекст 17), намеренные грамматические искажения или ошибки (контекст 18) и комбинаторные новации (контекст 19):

(17) *скоростижно скончаться* (говорится о ком-либо) > «4 июля сего года, – сочинялось в моей голове, – *скоростижно скончались ботинки* Валентина Громова (правый и левый) <...>» (д/р «Дым в рюкзаке»);

(18) *номер не пройдет* (используется в единственном числе) > *Пусть знает, что со мной его номера не пройдут* (к/ф «Семь нянек»);

(19) *снимать кино* > *А, может, это с папиной биографии кино сделано!* (к/ф «Семь нянек»).

Применение данных способов является крайне редким в двух рассматриваемых типах дискурса и может отличаться существенным (контекст 17) или крайне слабо выраженным (контексты 18 и 19) проявлением лингвокреативности, т. е. более близкими к исходной форме и значению.

Стоит отдельно отметить выявленное в процессе исследования специфическое креативное преобразование базовой формы и значения ФЕ, характерное только для кинодискурса. Это преобразование осуществляется посредством постановки или инсценировки ФЕ в кинофильме (см. подробнее в [Зыкова, 2020]). Одним из примеров такого рода креативного преобразования является фразеологизм *портить кровь (кому-либо)*, легший в основу создания весьма развернутой кинематографической тропеической структуры в кинокомедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!». В рамках этой структуры базовая форма и значение фразеологизма *портить кровь (кому-либо)* подвергается разного рода трансформациям (ср.: *Если б я ему хоть каплю крови испортил, тут бы такое началось; У товарища Дыни-*

на *вся кровь испорчена!*) и комбинируется с ФЕ *кровный враг* и *кровный брат* (*Иночкин! Ты был для меня кровным врагом. А сейчас стал кровным братом!*), в которых компонент *кровный* является производным от существительного *кровь*, а также с существующими и выдуманскими медицинскими терминами с компонентом *кровь*, например: *переливание крови, группа крови, редкая группа крови, тридцать третья группа крови*. Вся кинематографическая тропеическая структура в целом представляет собой оригинальный художественный полимодальный комплекс с высокой эвристической и прагматической ценностью, в котором лингвистическая креативность служит источником мультимодальной креативности.

Внимания также заслуживает и тот факт, что ряд придуманных в анализируемых комедийных фильмах выражений вошли в общеязыковой узус, стали воспроизводимыми языковыми единицами и, обретя таким образом статус фразеологических неологизмов, пополнили фразеологический фонд русского языка. К ним относятся, например, следующие выражения из кинокомедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!»: *честно работать на макаронной фабрике; (а че это вы здесь делаете?) кино-то давно кончилось; «бодры» надо говорить бодрее (а «веселы» – веселее); что ни день – сто грамм, что ни день – сто грамм <а то и сто пятьдесят>*. Подобного рода фразеологические новации представляют собой случаи закрепления лингвокреативности на уровне языковой системы, в то время как все описанные выше случаи указывают на лингвокреативную реализацию – часто окказиональную – определенной прагматической установки на уровне построения дискурса.

Полученные результаты сравнения частоты активизации параметра «фразеологизм» в кинодискурсе и дискурсе детской литературы, соотношения нормативного и ненормативного использования фразеологизмов в них, а также стратегий и объема их модифицированности, приводящей в определенной степени к дискурсивному обновлению их формы и содержания, обеспечивают сведениями о специфике (не)креативного действия рассматриваемого параметра безотносительно других лингвокреативных явлений в данных дискурсах. Однако, согласно полученным данным, использование ФЕ может сопровождаться использованием других способов реализации креативного потенциала языковой системы, что в целом может влиять на общий показатель лингвокреативности кинокомедий и детских юмористических рассказов. Приведем в качестве примера использование фразеологизмов *скоропостижно скончаться* и *на всякий случай* в следующих контекстах:

(20) *4 июля сего года, – сочинялось в моей голове, – скоропостижно скончались ботинки Валентина Громова (правый и левый)* (д/р «Дым в рюкзаке»);

(21) *Галя на всякий случай подальше отодвинулась от меня* (д/р «Разноцветная история»).

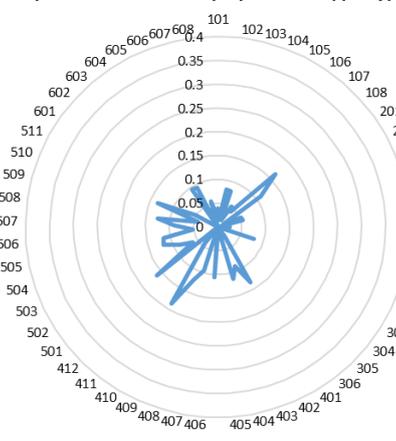
Так, в контексте (20) помимо использования фразеологизма *скоропостижно скончались* обнаруживаются такие проявления лингвокреативности, как смена регистров коммуникации (использование форм высокого официального регистра в *сего года*), смена лингвосемiotического кода (использование числа), новация в использовании имени собственного (речь идет о ребенке, но он называется полным именем), лексико-парадигматическая новация (креативное использование антонимов *левый* и *правый*), стилистический троп (олицетворение в *ботинки скончались*), независимая автосемантия (введение в прямую речь авторского пояснения, а также введение пояснительной конструкции в скобках *правый и левый*). В контексте (21) помимо ввода ФЕ *на всякий случай* активность иных явлений лингвокреативности не обнаруживается.

Таким образом, возникает вопрос о том, связана ли определенная (креативная или некреативная) активизация параметра «фразеологизм» с другими лингвокреативными явлениями, и если да, то насколько. Мы предполагаем, что большая или меньшая сопряженность этого параметра с другими параметрами лингвокреативности имеет дискурсивно специфический характер, т. е. является характерной особенностью каждого типа дискурса. Можно также предположить, что в случае некреативной активизации параметра «фразеологизм» в том или ином дискурсе «подключаются» другие лингвокреативные явления, которые повышают лин-

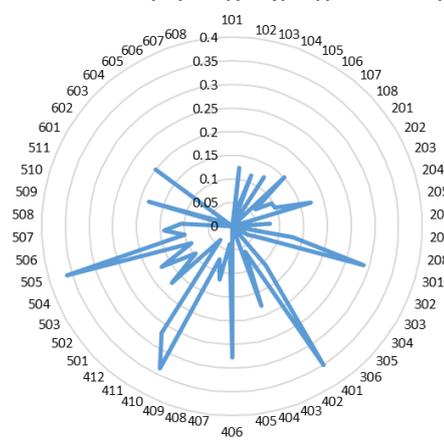
гвокреативность этого дискурса и таким образом компенсируют «недостаточную» креативность параметра «фразеологизм», т. е. выступают в своего рода компенсирующей функции. И наоборот, в случае креативной активизации параметра «фразеологизм» подключение других параметров будет минимальным, так как лингвокреативный потенциал дискурса в этом случае и так достаточно высокий.

Для проверки этих предположений была проанализирована сопряженность параметра «фразеологизм» с другими выделенными в нашей работе параметрами лингвокреативности лексического уровня, а также фонологическими, морфологическими, словообразовательными, лексическими, синтаксическими и графическими (см. подробнее о параметрах в [Зыкова, Киосе 2020]). С целью определенной обработки результатов они получили числовые коды. Так, параметры фонологического уровня имеют коды 101–108, параметры морфологического уровня – 201–208, словообразовательного – 301–306, лексического – 401–413, синтаксического – 501–510, графического – 601–606. Статистический анализ активности параметров и сопряженности каждого параметра с каждым был проведен с помощью программы HETEROSTAT [Киосе, Ефремов, 2020], позволяющей получить результаты обработки файлов в условиях различающегося количества показателей параметров для каждого примера и возможного повтора параметра в каждом примере. Сопряженность параметров устанавливалась с помощью вычисления коэффициента корреляции Пирсона. Совокупность показателей сопряженности позволила реконструировать фразеологические корреляционные профили лингвокреативности в дискурсе, под которыми мы понимаем векторные модели (о векторном моделировании текстов и дискурсов см., например, в [Жеребцова, Чижик, 2020; Жеребцова, Чижик, Садохин, 2021; Киосе, 2020]), демонстрирующие характерное для дискурса распределение сопряженности параметра «фразеологизм» со всеми параметрами лингвокреативности (см. рисунок).

Фразеологический профиль кинодискурса

Фразеологический профиль дискурса детской литературы

Фразеологические корреляционные профили лингвокреативности
в кинокомедиях и детских юмористических рассказах
Phraseological correlative profiles of linguistic creativity
in comedy films and humorous stories for children

Диаграммы демонстрируют визуально очевидное различие в сопряженности параметров лингвокреативности двух дискурсов. В кинодискурсе параметр «фразеологизм» не имеет высокой сопряженности с какими-либо другими параметрами. Самые высокие коэффициенты корреляции обнаруживаются для параметров 108 («повтор интонационной конструкции») с показателем 0,16, и 410 («стилистический троп») с показателем 0,19. При этом критический показатель для установления значимости r -Пирсона для данной выборки при $p = 0,01$ состав-

ляет 0,03. Вместе с тем мы видим, что даже такие низкие показатели сопряженности оказываются значимыми для моделирования условий реализации дискурсивной лингвокреативности. В то же время для дискурса детской литературы характерна гораздо более высокая сопряженность параметра «фразеологизм» с другими параметрами; например, с параметрами 401 («смена регистров коммуникации») она равна 0,35; 410 («стилистический троп») – 0,34; 505 («параллельные конструкции или параллелизмы») – 0,36 и т. д.

Полученные результаты свидетельствуют о неодинаковой значимости корреляции параметров лингвокреативности в дискурсе. Если в дискурсе детской литературы (предположительно, ввиду потенциальной сложности восприятия фразеологизмов детьми) их введение «поддерживается» другими параметрами лингвокреативности, то в кинодискурсе ФЕ является относительно самостоятельным и самодостаточным средством лингвокреативности.

При этом в ходе исследования была выявлена особая, характерная для кинодискурса специфика сопряженности параметров в случаях креативных фразеопотреблений в анализируемых произведениях. Так, в контексте (22) использование параметра «фразеологизм» совместно с параметром «синтаксическая фигура» (антитеза), очевидно, привлекает большее внимание к модифицированному фразеологизму (частичная модификация с помощью стратегии перекомпозиции):

(22) *топчаться на месте > У всех привес, а третий отряд на месте топчется* (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!»).

Сходная ситуация обнаруживается и в других контекстах. Например, в контексте (23) сопряженность модифицированной формы фразеологизма *поставить вопрос* с несколькими параметрами (лексико-парадигматическая новация (зд. антонимы), параллельные конструкции или параллелизмы, синтаксическая активность служебных частей речи) также стимулирует раскрытие его креативного потенциала в кинодискурсе:

(23) *поставить вопрос > Я, конечно, эту смену отработаю, а там резко вопрос поставлю: либо я, либо он* (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!»).

Выводы

Сделанные наблюдения свидетельствуют в пользу того, что интенсификация лингвокреативного потенциала ФЕ в кинодискурсе с помощью введения других параметров лингвокреативности происходит в тех случаях, когда фразеологизмы выступают средством дискурсивной, а не универсальной лингвокреативности. Судя по всему, именно для привлечения к ним дополнительного внимания они синхронизируются с другими параметрами. Для дискурса детской литературы характерна иная ситуация. Использование любого фразеологизма представляет определенную сложность для его восприятия ребенком, поэтому даже в случаях дискурсивно некреативного введения ФЕ их лингвокреативный потенциал поддерживается другими параметрами.

Таким образом, высказанное ранее предположение о воздействии исключительно компенсирующей функции параметров лингвокреативности (или, условно говоря, о «недостаточной» креативности параметра «фразеологизм»), подтвердилось лишь частично, причем в большей степени в отношении дискурса детской литературы. Результаты, полученные на материале кинодискурса, доказывают, что в случае «недостаточной» креативности параметра «фразеологизм» ее компенсирования за счет других параметров лингвокреативности не происходит. При этом наблюдается обратная ситуация – именно при креативном использовании параметра «фразеологизм» в кинопроизведениях фиксируется повышенная активность и других параметров лингвокреативности, что, очевидно, указывает на выполнение ими стимулирующей функции, способствуя привлечению внимания зрителя к модифицированной (креативной) форме фразеологизма, которая требует в ряде случаев ее распознавания как одного из основных вербальных средств выражения комического в определенном сегменте кинокомедии, конкурирующих в известном смысле с другими невербальными формами креативно-

сти. В дискурсе детской литературы такой корреляции не происходит – введение сопряженных параметров лингвокреативности выполняет одновременно компенсирующую и стимулирующую функции.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим основные результаты. Исследование специфики активизации и лингвокреативной продуктивности параметра «фразеологизм», обусловленной характером узуального и модифицированного функционирования фразеологизмов в кинокомедиях и детских юмористических рассказах, позволило разграничить некреативные и креативные фразеопотребления. Некреативными являются употребления фразеологизмов в их базовой форме и исходном значении. К креативным фразеопотреблениям относятся 1) случаи частично узуального и модифицированного использования ФЕ, основанного на применении основных и дополнительных стратегий трансформации их базовых форм, 2) случаи кинематографической постановки фразеологизмов, а также 3) фразеологические неологизмы.

Некреативные фразеопотребления в кинопроизведениях составляют 41 % и в произведениях детской литературы – 72 %; креативные фразеопотребления в кинопроизведениях составляют 59 % и в произведениях детской литературы – 28 %.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что активизация параметра «фразеологизм» способствует более значительному повышению степени лингвокреативности в кинодискурсе по сравнению с дискурсом детской литературы. Анализ сопряженности параметров в случае креативных и некреативных употреблений фразеологизмов в дискурсах показал, что «подключение» иных параметров выполняет две основные функции – компенсацию креативности, если она «недостаточна», и стимулирование креативности. При этом данные функции имеют неодинаковое распределение в дискурсах: преимущественно стимулирующее свойственно кинодискурсу, а комплексное (стимулирующее и компенсирующее) – дискурсу детской литературы.

Список литературы

- Архангельская Ю. В.** Камерные новации Л. Н. Толстого: на пути в узус // Тр. Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 19. Материалы междунар. науч. конф. «Вторые Григорьевские чтения: Неология как проблема лингвистической поэтики» / Гл. ред. А. М. Молдован. М.: Изд-во Нестор-История, 2019. С. 99–105.
- Гак В. Г.** Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. М.: Либроком, 2016. 408 с.
- Гвишиани Н. Б.** К вопросу о метафоризации и «реметафоризации» фразеологизмов-идиом (на материале английского языка) // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сб. науч. статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 181–193.
- Добровольский Д. О.** Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // Русский язык в научном освещении, 2007. Вып. 2 (14). С. 18–47.
- Жеребцова Ю. А., Чижик А. В.** Сравнение моделей векторного представления текстов в задаче создания чат-бота // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 16–34. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-16-34
- Жеребцова Ю. А., Чижик А. В., Садохин А. П.** Автоматические методы детекции культурных смещений в социальных сетях (на материале диалогов из Telegram) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72

- Зыкова И. В.** Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. 52 с.
- Зыкова И. В.** Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.
- Зыкова И. В.** Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
- Зыкова И. В.** Лингвокреативное мышление и поэтика кинодискурса: к теории лингвоэстетического воздействия // Когнитивные исследования языка: Когнитивные доминанты языкового сознания: Коллект. монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2020. Вып. 4 (43). С. 267–300.
- Зыкова И. В., Киосе М. И.** Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40. DOI 10.20916/1812-3228-2020-2-26-40
- Киосе М. И.** Векторные модели лингвокреативности как инструмент оценки вариативности дискурса // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сб. науч. ст. к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 113–129.
- Киосе М. И., Ефремов А. А.** HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчета параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Гос. номер регистрации: 2020661240. 2020
- Мед Н. Г.** Возможности фразеологического моделирования (на материале испанского языка) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4, ч. 2. С. 140–143.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М.** Фразеологизмы в русской речи. Словарь: около 1000 единиц. 2-е изд., стереотип. М.: Русские словари, Астрель, 2001. 856 с.
- Степанова А. А.** Лингвокреативность фразеологических единиц в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сб. науч. ст. к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 181–193.
- Телия В. Н.** Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Cserép, A.** Idiom variation and decomposability. Part II: Variation in the noun phrase // Yearbook of Phraseology. Berlin: De Gruyter, 2017, vol. 8, p. 123–144.
- Langlotz, A.** Idiomatic creativity: a cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. 340 p.
- Moon, R.** Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 338 p.
- Nicolas, T.** Semantics of idiom modification. In: Idioms: Structural and Psychological Perspectives / M. Everaert, E. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995, p. 233–252.
- Nikolaeva, J.** La fraseologia nella traduzione russa del *Visconte dimezzato* di Italo Calvino (1952): verso un'analisi bidirezionale. In: Si dice in molti modi: Fraseologia e traduzioni nel *Visconte dimezzato* di Italo Calvino / a cura di Sabine E. Koesters Gensini e Andrea Berardini. Roma: Sapienza Università Editrice, 2020, p. 645–665.
- Omazić, M., Parizoska, J.** (eds.) Reproducibility and Variation of Figurative Expressions: Theoretical Aspects and Applications. Bialystok, University of Bialystok Publishing House, 2020. 143 p.
- Pamies-Betrán, A.** Grammatical metaphor and functional idiomaticity. *Yearbook of Phraseology*, 2017, vol. 8, p. 59–93.

Wulff, S. Rethinking Idiomaticity: A Usage-Based Approach. London, New York, Continuum, 2008, 240 p.

References

- Arkhangelskaya, Y. V.** Personal Innovations of L. N. Tolstoy: On the Way to Language. *The works of V. V. Vinogradov's Institute of Russian Language*. Moldovan, A. M. (ed.). Moscow, Nestor-Istoria publ., 2019, iss. 19, p. 99–105. (in Russ.)
- Cserép, A.** Idiom variation and decomposability. Part II: Variation in the noun phrase. *Yearbook of Phraseology*. Berlin: De Gruyter, 2017, vol. 8, p. 123–144.
- Dobrovolskij, D. O.** Lexico-Syntactic Variance in Phraseology: Attribute Incorporation into Idiom. *Russian Language in Scientific Light*, 2007, vol. 2(14), p. 18–47. (in Russ.)
- Gak, V. G.** Linguistic Modifications: Types of Linguistic Modifications. Factors and Spheres of Linguistic Modifications Realizations. Moscow, LIBROKOM, 2016, 408 p. (in Russ.)
- Gvishiani, N. B.** To the Question of Metaphorization and Remetaphorization of Idiomatic Phraseologisms (Based of the English Language). In: Zykova, I. V., Krasnykh V. V. (eds.) Language, culture, creativity: articles commemorating 90-jubilee of V. N. Teliya. Moscow, Gnosis, 2020, p. 181–193. (in Russ.)
- Kiose, M. I.** Vector Models of Linguistic Creativity in the Instrumental Study of Discourse Variance. In: Zykova, I. V., Krasnykh V. V. (eds.) Language, culture, creativity: articles commemorating 90-jubilee of V. N. Teliya. Moscow, Gnosis, 2020, p. 113–129. (in Russ.)
- Kiose, M. I., Efremov, A. A.** HETEROSTAT. Software for Comprehensive Parametrical Discourse Analysis. Registration Date: 21.09.2020. Registration Number: 2020661240. 2020.
- Langlotz, A.** Idiomatic creativity: a cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006, 340 p.
- Med, N. G.** Possibilities of Phraseological Modelling (Based on Spanish). *Saint-Petersburg University Vestnik*. Series 9. Philology. Eastern Culture Studies. Media Studies, 2007, iss. 42, p. 140–143. (in Russ.)
- Melerovich, A. M., Mokienko V. M.** Phraseologisms in Russian Spoken Language. Dictionary: appr. 1000 units, 2nd ed. Moscow, Russian Dictionaries, Astrel Publ., 2001. 856 p.
- Moon, R.** Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998, 338 p.
- Nicolas, T.** Semantics of Idiom Modification. In: M. Everaert, E. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995, p. 233–252.
- Nikolaeva, J.** La Fraseologia nella Traduzione Russa del *Visconte dimezzato* di Italo Calvino (1952): verso un'Analisi Bidirezionale. In: *Si Dice in Molti Modi: Fraseologia e Traduzioni nel Visconte dimezzato* di Italo Calvino a Cura di Sabine E. Koesters Gensini e Andrea Berardini. Roma: Sapienza Università Editrice, 2020, p. 645–665.
- Omazić, M., Parizoska, J.** (eds.) Reproducibility and Variation of Figurative Expressions: Theoretical Aspects and Applications. Bialystok: University of Bialystok Publishing House, 2020, 143 p.
- Pamies-Betrán, A.** Grammatical metaphor and functional idiomaticity. *Yearbook of Phraseology*, 2017, vol. 8, p. 59–93.
- Stepanova, A. A.** Linguocreativity of Phraseological Units in Epistolary Discourse of M. I. Tsveytayaeva. In: Zykova, I. V., Krasnykh V. V. (eds.) Language, culture, creativity: articles commemorating 90-jubilee of V. N. Teliya. Moscow, Gnosis, 2020, p. 181–193. (in Russ.)
- Teliya, V. N.** Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, 288 p.

- Wulff, S.** Rethinking Idiomaticity: A Usage-Based Approach. London, New York: Continuum, 2008, 240 p.
- Zherebtsova, Y. A., Chizhik, A. V.** Text Vectorization Methods for Retrieval-Based Chatbot. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 16–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-16-34
- Zherebtsova, Yulia A., Chizhik, Anna V., Sadokhin, Aleksandr P.** Automatic Methods for Detecting Cultural Bias in Social Media (Based on Telegram's Dialogs). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, p. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72
- Zykova, I. V.** The Role of Conceptosphere of Culture in the Formation of Phraseologisms as Cultural and Linguistic Signs: Doctoral Thesis Annotation. Moscow, RAS Institute of Linguistics, 2014, 52 p. (in Russ.)
- Zykova, I. V.** Conceptosphere of Culture and Phraseology: Theory and Methods in Linguocultural Studies. Moscow, LENAND, 2015, 380 p. (in Russ.)
- Zykova, I. V.** Metalanguage of Linguoculturology: Constants and Variants. Moscow, Gnosis, 2017, 752 p. (in Russ.)
- Zykova, I. V.** Linguocultural Thought and Cinematic Discourse Poetics: to the Theory of Linguo-aesthetic Pragmatics. *Cognitive Studies of Language*, 2020, iss. 4(43), p. 267–300. (in Russ.)
- Zykova, I. V., Kiose, M. I.** Linguistic Creativity Parametrization in Contrasting Discourse Types: Cinematic Discourse vs. Discourse of Children's Literature. *Issues in Cognitive Linguistics*, vol. 2, p. 26–40. (in Russ.) DOI 10.20916/1812-3228-2020-2-26-40

Материал поступил в редакцию

Date of submission

01.03.2021

Сведения об авторах / Information about the Authors

Зыкова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Irina V. Zykova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

irina_zykova@iling-ran.ru

ORCID 0000-0002-0430-7769

Киосе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

Mariya I. Kiose, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading researcher, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

maria_kiose@mail.ru

ORCID 0000-0001-7215-0604

Непрототипические раздельнооформленные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским)

Т. В. Репнина

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена непрототипическим раздельнооформленным условным конструкциям (НРУК) в каталанском языке в сопоставлении с испанским и французским. НРУК представляют собой два (или более) отдельных предложения, одно из которых выражает условие, а другое – следствие, при этом условные союзы отсутствуют. Исследуемая тема представляется актуальной, условные конструкции вызывают значительный интерес у современных ученых, однако НРУК до настоящего времени оставались малоизученными, а на материале каталанского языка они практически не рассматривались, чем и определяется новизна настоящего исследования. Следует отличать прототипические условные конструкции с условным союзом *si* (если) от непрототипических, цельнооформленные от раздельнооформленных. Возможны непрототипические раздельнооформленные условные конструкции с вопросом в препозиции, выражающим условие, и императивом, выражающим следствие, а также конструкции с императивом в препозиции (глаголы со значением «предполагать»), выражающим условие, и вопросом в постпозиции, выражающим следствие. В НРУК возможно употребление различных наклонений глагола: императива, индикатива, конъюнктива и кондиционала; императив может содержаться как в условии, так и в следствии. Существуют также НРУК, не содержащие императива. Возможны вставки между первым предложением, выражающим условие, и вторым, выражающим следствие. Как и в прототипических УК, в НРУК условие и следствие являются мыслью или высказыванием одного и того же лица, хотя в некоторых случаях вопрос задает другое лицо. В НРУК отсутствуют условные подчинительные союзы (в противном случае конструкция становится прототипической), при этом следствие может вводиться маркерами со значением «тогда». В исследовании использованы следующие методы: выборки из генеральной совокупности, анализа, синтеза, описательный, сопоставительный, классификационный, трансформационный. В работе рассматривались тексты каталанских авторов, а также их переводы на испанский и французский, велась работа с информантами – носителями рассматриваемых языков.

Ключевые слова

условие, следствие, условные конструкции, раздельнооформленные, каталанский язык, испанский язык, французский язык

Благодарности

Выражаю благодарность Arnau Barios, Iñaki Martínez Pereda за помощь при переводе примеров на каталанский и испанский языки, а также Amélie Cailliez, Marthe Foulon и Gaël-André Bastien за помощь в переводе примеров на французский

Для цитирования

Репнина Т. В. Непрототипические раздельнооформленные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 20–31. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-20-31

Non-Prototypical Structurally Separate Conditional Constructions in Catalan (In Comparison with Spanish and French)

Tatiana V. Repnina

*Institute for Linguistic Studies RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to non-prototypical structurally separate conditional constructions (NSCC) in Catalan in comparison with Spanish and French. These represent two (or more) separate sentences, one of which expresses condition and the other – consequence without conditional conjunctions. The relevance and novelty of this study follows from the fact that NSCCs have not received sufficient attention yet which is particularly true for Catalan. There is no consensus in specialist literature as regards the terms used to describe this kind of constructions or define their scope. The list of terms for NSCCs in Russian linguistics is too long, and includes the following: “non-prototypical constructions”, “conditional constructions formed as a “syntactic unity”, “supraphrasal unity”, among others. The paper states that it’s necessary to distinguish prototypical conditional constructions from the constructions with conditional conjunction “si”, on one hand, and non-prototypical constructions, on the other. And integral conditional constructions should be distinguished from structurally separate constructions (also referred to as formally separate). There are also non-prototypical structurally separate conditional constructions with interrogative words expressing condition in the protasis and imperatives constructions expressing consequence in the apodosis, constructions with imperatives (verbs like ‘suppose’) expressing condition in the protasis and interrogative sentences expressing consequence in the apodosis. NSCCs can use different moods: imperative, indicative, subjunctive, and conditional. Imperative forms are compatible both with semantics of conditions and consequences. There are also NSCCs without imperatives. And besides that, between the first sentence expressing the condition and the second sentence expressing the consequence filler utterances can occur. As typically in prototypical conditional constructions, in NSCC the condition and the consequence expressed also belong to the same subject of speech (speaker), though in some rare cases may be inserted, as a link between the first and the second sentences of the construction, an interrogative sentence asked by another subject. NSCCs don’t allow the use of subordinating conjunctions, the opposite being a clear sign of prototypical constructions, but the consequence can be introduced with markers meaning ‘then’. The study is based on the texts by Catalan authors, excerpts from Catalan journals and their translations into Spanish and French; texts generated by the author’s informers, native speakers have also been used.

Keywords

condition, consequence, conditional constructions, structurally separate, Catalan, Spanish, French

Acknowledgements

The author would like to express her gratitude to Arnau Barios, Iñaki Martínez Pereda for their assistance in translating examples into Catalan and Spanish, and to Amelie Cailliez, Marthe Foulon, and Gaël-André Bastien for their assistance in translating examples into French.

For citation

Repnina, Tatiana V. Non-Prototypical Structurally Separate Conditional Constructions in Catalan (In Comparison with Spanish and French). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 20–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-20-31

Введение

Статья посвящена **непрототипическим раздельноформленным условным конструкциям (НРУК)** (в каталанском языке в сопоставлении с испанским и французским), которые представляют собой два (или более) отдельных предложения, одно из которых выражает условие, а другое – следствие, при этом условные союзы отсутствуют (пример 1).

(1 CAT) Ha escrit (PRF IND) l’article? Deixi-me'l (IMP) llegir¹. *Вы написали статью? Дайте мне ее прочитать.*

(1 ES) Ha escrito (PRF IND) el artículo? Déjemelo (IMP) leer.

(1 FR) Vous avez écrit (PRF IND) l’article ? Laissez-moi (IMP) le lire.

Термин **«раздельноформленные конструкции»** заимствован нами у Б. Я. Островского, изучающего условные конструкции в языке дари. Следует отметить, что исследователь рас-

¹ Примеры без указания источника получены от информантов.

смаатривает данное понятие в более узком смысле, чем мы: под ними Островский понимает УК, состоящие из двух предложений или из двух частей сложносочиненного предложения. Первая часть раздельнооформленной УК передает условие и содержит одно из модальных слов и оборотов, переводимых на русский язык как «предположительно», «допустим», «берем, что», «предположим, (что)». Вторая ее часть передает следствие; иногда она содержит корреляты типа «в том случае», «тогда» [Островский, 1998. С. 198].

Непрототипические условные конструкции следует отличать от прототипических (пример 2). Под последними мы вслед за Е. Е. Корди понимаем «сложноподчиненные предложения (ССП) с придаточными (ПП), вводимыми условными союзами» [Корди, 1998. С. 275]. Например:

(2 CAT) Si en Mateu venia (IMPF IND) amb la Griselda estaven (IMPF IND) cohibits i no li podien (IMPF IND) donar consells [Rodoreda, 2015. P. 89]. *Если Матеу приходил вдруг со своей Грисельдой, оба помалкивали, с советами не лезли.*

(2 ES) Si el Mateu venia (IMPF IND) con la Griselda se sentían (IMPF IND) cohibidos y no le podían (IMPF IND) dar consejos [Rodoreda, 1987. P. 31].

(2 FR) Si Mateu venait (IMPF IND) avec Griselda ils étaient (I MPF IND) tout gênés et finis (PART PAST) les conseils [Rodoreda, 2015. P. 93].

Под непрототипическими УК мы, также вслед за Е. Е. Корди, понимаем «все конструкции, имеющие условное значение, кроме СПП с условными ПП» [Корди, 1998. С. 276]. Раздельнооформленные УК с условным союзом *si* («если») и другими условными союзами мы относим к прототипическим.

В научной литературе нет еще единого мнения ни относительно термина, обозначающего рассматриваемые нами конструкции, ни относительно объема данного понятия.

М. Е. Боскова, анализирующая условные конструкции, выраженные бессоюзным сложным предложением, на материале русского языка упоминая высказывания с вопросом в препозиции и императивом, либо индикативом в постпозиции, оперирует понятием «**синтаксическое целое**» [Боскова, 1970. С. 106].

Значительный вклад в исследование раздельнооформленных условных конструкций внесла монография Петербургской типологической школы «Типология условных конструкций» [1998]. В. С. Храковский в статье «Теоретический анализ условных конструкций» рассматривает на материале русского языка высказывания типа «Вы едете? Я вас подожду» как образующие **сверхфразовое единство** и относит УК данного типа к периферийным [Храковский, 1998b. С. 11–13].

Для нас актуально и понятие «сверхфразовое единство», под которым мы понимаем «отрезок речи в форме последовательности двух или более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы в смысловые блоки» [Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998. С. 435]. В. С. Храковский подчеркивает, что «никакого формального показателя связи между частями УК в этом случае нет» [Храковский, 1998a. С. 102–103].

Как отмечает Н. Ю. Киселева, исследующая условные конструкции на материале английского языка, в таких УК части (условие и следствие) синтаксически независимы друг от друга [Киселева, 2005. С. 10]. Однако, на наш взгляд, следует помнить, что при этом они ставятся во вполне определенном порядке и представляют собой «синтаксическое целое». Таким образом, речь может идти только о формальной независимости.

В ряде работ обращается внимание на возможность синонимической трансформации различных типов условных конструкций.

Прототипическую условную конструкцию с союзом «если» можно преобразовать в раздельнооформленную непрототипическую без употребления союза, а также в цельнооформленную непрототипическую условно-побудительную конструкцию с очень близким коммуникативным содержанием, что видно по следующим примерам [Nueva gramática de la lengua española, 2010. P. 900; Salvador, 2002. P. 2983; Martí, Saldanya, 2012. P. 632].

(3 ES) Si busca (PRS IND) pareja, consulte (IMP) nuestro portal [Nueva gramática de la lengua española, 2010. P. 900]. *Если Вы ищете пару, обратитесь на наш портал.*

(4 ES) ¿Busca (PRS IND) pareja? Consulte (IMP) nuestro portal. [Nueva gramática de la lengua española, 2010. P. 900]. *Вы ищете пару? Обратитесь на наш портал.*

(5 ES) Consulte (IMP) nuestro portal y encontrará (FUT IND) pareja. [Nueva gramática de la lengua española, 2010. P. 900]. *Обратитесь на наш портал, и вы найдете пару.*

Исследуемая тема вызывает значительный интерес у современных романистов, поскольку НРУК не получили достаточного внимания в прошлом, а на материале каталанского языка они практически не рассматривались. В. С. Храковский объясняет это упущение особенностями их формализма: условные конструкции, оформленные, в частности, как сверхфразовые единства, а также и другие непрототипические УК не имеют формальных показателей, которые обязательны для прототипических УК [Храковский, 1998b. С. 14].

Отметим, что некоторые аспекты условных конструкций уже были рассмотрены нами ранее: в рамках статьи, посвященной монопредикативным вопросительным условным конструкциям [Репнина, 2018], а также позднее в работе, посвященной цельнооформленным непрототипическим условно-побудительным конструкциям [Репнина, 2021].

В корпусе, приведенном в конце статьи М. О'Нейл и М. Касановас, можно обнаружить несколько примеров интересующих нас раздельнооформленных конструкций, однако авторами они в качестве специфических не рассматриваются [O'Neill, Casanovas, 1997. P. 277]. **Цель** нашей статьи состоит в том, чтобы восполнить этот пробел, то есть выявить и описать основные типы непрототипических раздельнооформленных условных конструкций. Тем самым настоящее исследование вносит вклад в изучение условных конструкций в романских языках.

Были использованы следующие **методы**: выборки из генеральной совокупности, описательный, сопоставительный, классификационный, трансформационный, анализа, синтеза.

1. НРУК с вопросом в препозиции, выражающим условие

В Грамматике института каталанских исследований отмечается, что конструкция, содержащая вопрос в первом предложении, за которым во втором следует императив, обращенный к тому же лицу, может иметь условное значение [Grammàtica de la llengua catalana, 2016. P. 1152].

К. Р. Сандфельд также указывает на то, что «вопросительное предложение часто занимает место условного придаточного» [Sandfeld, 1965. P. 357]. В современном языковом материале эта неоднозначность проявляется так (см. полужирный шрифт):

(6 CAT) Abans del confinament, l'exposició "The Catalan language: 10 milions European voices" ha visitat (PRF IND) Brussel·les, Cambridge i Lisboa. **Vols (PRS IND) ajudar-nos a fer-la arribar a moltes més ciutats? Fes (IMP) un donatiu a www.plataforma-llengua.cat/unpetitgest** [La Corbella. 2019/20. P. 30]. *До самоизоляции выставка «Каталанский язык: 10 миллионов европейских голосов» была проведена в Брюсселе, Кембридже и Лиссабоне. Ты хочешь помочь нам сделать так, чтобы она побывала и во многих других городах? Сделай пожертвование на сайте www.plataforma-llengua.cat/unpetitgest.*

(6 ES) Antes del confinamiento, la exposición "The Catalan language: 10 milions European voices" ha visitado (PRF IND) Bruselas, Cambridge y Lisboa. ¿Quieres (PRS IND) ayudarnos a hacerla llegar a muchas más ciudades? Haz (IMP) un donativo a www.plataforma-llengua.cat/unpetitgest.

(6 FR) Avant le confinement, l'exposition "La langue catalane : 10 millions de voix européennes" est passée (PRF IND) à Bruxelles, Cambridge et Lisbonne. Veux-tu (PRS IND) nous aider à l'organiser dans beaucoup plus de villes ? Fais (IMP) un don sur www.plataforma-llengua.cat/unpetitgest.

Для конструкций данного типа в романских языках специфично широкое употребление модальных глаголов со значением «хотеть» (кат. voler, исп. querer, фр. vouloir) в препозиции.

Возможно обращение к адресату (в данном случае к читателям журналов) как на «ты» (см. предыдущие примеры), так и на «вы»:

(7 CAT) Voleu (PRS IND) conèixer la història que hi ha darrere el centenar d'intervencions? Agafeu (IMP) el telèfon mòbil i escanegeu (IMP) els codis QR [Time out. Barcelona, 2021. P. 36]. *Вы хотите знать историю, которая стоит за сотнями [подобных] вмешательств? Возьмите мобильный телефон и отсканируйте коды QR.*

(7 ES) ¿Queréis (PRS IND) conocer la historia que hay (PRS IND) detrás del centenar de intervenciones? Coged (IMP) el teléfono móvil y escanead (IMP) los códigos QR.

(7 FR) Voulez-vous (PRS IND) connaître l'histoire qui est (PRS IND) derrière des centaines d'interventions ? Prenez (IMP) le téléphone portable et scannez (IMP) les codes QR.

Другой чертой конструкций данного типа, в отличие от прототипических УК и аналогично невопросительным непрототипическим условно-побудительным конструкциям, является невозможность поменять местами условие и следствие.

(8 CAT) ¿Us entristeixen (PRS IND) ? **Doncs** no en parlem (IMP) més [Pla, 2014. P. 166]. *Они Вас огорчают? Тогда (стало быть, значит) не будем об этом больше говорить.*

(8 ES) ¿Le entristecen (PRS IND)? **Pues** no hablemos (IMP) más. [Pla, 2016. P. 181].

(8 FR) Elles vous attristent (PRS IND) ? **Alors**, n'en parlons (IMP) plus [Pla, 2013. P. 160].

Следствие в них может вводиться маркерами *doncs* (кат. «значит, стало быть»), *pues* (исп. «значит, стало быть»), *entonces* (исп. «значит; стало быть»), *alors* (фр. «тогда») и т. д.

В конструкциях с вопросом в препозиции и императивом, выражающим следствие, условие может быть как утвердительным (пример 9), так и отрицательным (пример 10).

(9 CAT) T'animes (PRS IND) a promoure un consum responsable i sostenible, posant (GER) l'accent en els aspectes lingüístics?

Entra (IMP) a l'aplicació i digues-hi (IMP) la teva! [La Corbella, 2020–2021. P. 42]. *Ты воодушевился продвижением ответственного и долговременного потребления, делая акцент на его лингвистических аспектах?*

Зайди в приложение и выскажи свое (мнение)!

(9 ES) ¿Te animas (PRS IND) a promover una costumbre responsable y sostenible, poniendo (GER) el acento en los aspectos lingüísticos?

¡Entra (IMP) en la aplicación y di (IMP) la tuya!

(9 FR) T'enthousiasmes-tu (PRS IND) à promouvoir une consommation durable et responsable reposant sur l'accent en linguistique ?

Entre (IMP) dans l'application et donne (IMP) ton opinion !

(10 CAT) I tu, ja has signat (PRF IND) la petició? Pots (PRS IND) fer-ho a www.som10milions.cat [La Corbella, 2020. P. 32]. *А ты уже подписал петицию? Ты можешь сделать это на сайте www.som10milions.cat*

(10 ES) ¿Y tu ya has firmado (PRF IND) la petición? Puedes (PRS IND) hacerlo en www.som10milions.cat

(10 FR) Et toi, as-tu déjà signé la pétition ? Fais-le (IMP) sur www.som10milions.cat.

В примере 9 условие утвердительное, и при восстановлении прототипической условной конструкции (Если ты воодушевился... зайди в приложение...) оно остается утвердительным. Однако в примере 10 вопрос, выражающий условие, не содержит отрицания, но при восстановлении прототипической условной конструкции (Если ты еще **не** подписал петицию, ты можешь сделать это на сайте), условие трансформируется в отрицательное. Заметим, что в примере 10 следствие передается сочетанием модального глагола со значением «мочь» с инфинитивом.

2. НРУК с императивом в препозиции

В роли условного придаточного может выступать и побудительное предложение:

(11 CAT) Vine (IMP) al jutjat! Faràs (FUT IND) pràctica de la carrera, llegiràs (FUT IND) papers, veuràs (FUT IND) coses que t'interessaran (FUT IND)... [Pla, 2014. P. 40]. *Иди в суд (по-*

работай в суде)! Ты пройдешь стажировку, будешь читать документы, увидишь то, что тебя интересует...

(11 ES) ¡Ven (IMP) al juzgado ! Harás (FUT IND) prácticas en la carrera , leerás (FUT IND) papeles, verás (FUT IND) cosas que te interesarán... [Pla, 2016. P. 40].

(11 FR) Passe (IMP) au tribunal ! Tu pourras (FUT IND) faire un stage, consulter des documents, assister à des choses qui t'intéresseront (PRS IND) [Pla, 2013. P. 28].

Как показывает этот пример, НРУК не обязательно содержат вопрос в первом предложении, а второе не обязательно включает маркер («тогда»).

3. НРУК со вставками

Н. А. Добронравин и М. А. Смирнова, исследовавшие условные конструкции в языке хауса, выделяют особый подтип **разорванных конструкций**, мотивируя это тем, что они разделяются на две части вопросительным предложением [Добронравин, Смирнова, 1998. С. 394].

Подобные предложения со вставками могут быть как прототипическими, то есть с условным союзом, так и непрототипическими, без условного союза (ср. [Grevisse, Goosse, 2008. P. 1511]).

Рассматриваемые конструкции в нашей терминологии называются раздельнооформленными, причем добавляться между двумя предложениями, обозначающими условие и следствие, могут различные виды вставок, например, реплики другого говорящего, как в (12, 13). Обратим внимание на употребление модального глагола со значением «желать, хотеть» в составе диалогического единства следующем примере.

(12 CAT) – Es (PRS IND) aixó, Tommy? Vols (PRS IND) provocar la ruïna d'una família sencera?

– No, Frank, és (PRS IND) clar que no...

– Doncs torna (IMP) a casa i escriu (IMP) la punyetera novel·leta! [Sánchez Piñol, 2005. P. 20].

– *Это так, Томми? Ты хочешь вызвать разорение целой семьи?*

– *Нет, Франк, конечно, нет...*

– *Тогда (значит) отправляйся домой и пиши этот проклятый роман!*

(12 ES) –¿Quieres (PRS IND) provocar la ruina de una familia entera? ¿Es eso, Tommy?

– No, Frank, claro que no...

– ¡Entonces vuelve (IMP) a casa y escribe (IMP) la puñetera novela! [Sánchez Piñol, 2015. P. 19].

(12 FR) – Tu veux (PRS IND) provoquer la ruine d'une famille entière ? C'est ça, Tommy ?

– Non, Frank, bien sûr que non...

– Alors rentre (IMP) chez toi et écris (IMP) ce foutu roman ! [Sánchez Piñol, 2007. P. 16].

(13 CAT) – Si guanyés (IMPF CONJ) la loteria...

– Què faries (PRS COND) ?

– Me n'aniria (PRS COND) de viatge.

– *Если бы я выиграла в лотерею...*

– *Что бы ты сделала?*

– *Отправилась бы в путешествие.*

(13 ES) – Si ganara (IMPF CONJ) la lotería...

– ¿Qué harías (PRS COND)?

– Me iría (PRS COND) de viaje.

(13 FR) – Ah, si je gagnais (IMPF IND) au loto...

– Tu ferais (PRS COND) quoi ?

– Je partirais (PRS COND) en voyage.

В примере 13 условие вводится подчинительным союзом *si* («если»), а значит, вся эта последовательность реплик двух коммуникантов представляет собой одну прототипическую УК, между первой и второй частью которой, т. е. между условием и следствием, вставлено

вопросительное предложение, которое принадлежит ситуативному адресату первого коммуниканта.

4. Употребление времен и наклонений глагола в НРУК

Одна и та же НРУК допускает употребление различных времен и наклонений в различных романских языках. Рассмотрим материал каталанского, испанского и французского языков.

(14 CAT) Que puc (PRS IND) encendre una cigarreta? ... Em traurá (FUT IND) els nervis... [Porcel, 2009. P. 265]. *Я могу прикурить сигарету? ... Это успокоит мои нервы.*

(14 ES) ¿ Puedo (PRS IND) encender un cigarrillo ? ... Me tranquilizará (FUT IND) ... [Porcel, 2008. P. 274].

(14 FR) Je peux (PRS IND) prendre une cigarette ? ... Ça me calmera (FUT IND) les nerfs... [Porcel, 2010. P. 240].

В примере 14 в первом предложении во всех языках употребляется презенс индикатива, тогда как во втором – футурум индикатива. Однако во французском возможно также употребление перифрастического ближайшего будущего времени:

(15 CAT) – Que potser están (PRS IND) tristos ? – va dir (PAST PERIFR IND) alegre – . Els cantaré (FUT IND) una cançó irlandesa [Sánchez Piñol, 2005. P. 46]. *Вам грустно? – спросил он. – Ну что ж, я спою Вам ирландскую песню.*

(15 ES) – ¿Están (PRS IND) ustedes tristes? – dijo (PAST SIMPLE IND) – . Muy bien, pues les cantaré (FUT IND) una canción irlandesa [Sánchez Piñol, 2015. P. 38].

(15 FR) – Vous êtes (PRS IND) tristes ? demanda-t-il (PAST SIMPLE IND). – Très bien, je vais vous chanter (FUT PERIFR IND) une chanson irlandaise [Sánchez Piñol, 2007. P. 35]. Отметим параллельно употребление модального глагола со значением «мочь» в примерах 14 и 16.

В примерах 16 и 17, в отличие от 14 и 15 во втором предложении, употребляется презенс кондиционала.

(16 CAT) Podem (PRS IND) negar-li una companyia amiga? No seria (PRS COND) huma [Sánchez Piñol, 2005. P. 169]. *Можем ли мы отказать ему в дружеской компании? Это было бы не по-человечески.*

(16 ES) ¿Podemos (PRS IND) negarle una compañía amiga? No sería (PRS COND) humano [Sánchez Piñol, 2015. P. 127].

(16 FR) Pouvons-nous (PRS IND) lui refuser une compagnie amicale ? Cela ne serait (PRS COND) pas humain [Sánchez Piñol, 2007. P. 130].

В примерах 14 и 16 во французском в отличие от каталанского и испанского присутствует указательное местоимение *cela/ça* (это), необходимое в качестве формального подлежащего, так как во французском языке отсутствие подлежащего возможно только в императиве.

Раздельнооформленные условные конструкции следует отличать от синтаксической последовательности, состоящей из вопроса и его продолжения, не связанных друг с другом условными отношениями. Проверить это можно с помощью метода воссоздания прототипической условной конструкции. Как правило, все непрототипические УК поддаются такой трансформации:

(16a CAT) Si li neguessis una companyia amicable, això no seria humà. *Если бы мы отказали ему в дружеской компании, это было бы не по-человечески.*

(16a ES) Si le (negaras o negases) una compañía amigable, no sería humano.

(16a FR) Si vous lui refusiez (IMPF IND) une compagnie amicale, cela ne serait (PRS COND) pas humain.

Однако последовательность предложений, выделенных полужирным шрифтом в примере 17, не позволяет выполнить такую трансформацию:

(17 CAT) Tinc (PRS IND) la collecció completa de les obres del Doctor Flag. Tota menys un número de Fabril del 1899 que està (PRS IND) exhaurit. **Vostè no el deu (PRS IND) tenir, per casualitat? Pagaría (PRS COND) un preu raonable** [Sánchez Piñol, 2005. P. 29]. *У меня есть полная коллекция произведений Доктора Флага. Вся, за исключением номера за апрель 1899,*

которого уже нет в наличии. **Вы его случайно не видели? Я заплатил бы за него приличную сумму.**

(17 ES) Tengo (PRS IND) la colección completa de las obras del Doctor Flag. Toda excepto un número de abril de 1899 que está (PRS IND) agotado. **¿Usted no lo habrá visto (PFR FUT IND), por casualidad? Pagaría (PRS COND) un precio razonable...** [Sánchez Piñol, 2015. P. 25].

(17 FR) J'ai (PRS IND) la collection complète des œuvres du docteur Flag. Entière à l'exception d'un numéro d'avril 1899 qui est épuisé (PRS IND PASS). **Vous ne l'auriez pas vu (PRF COND), par hasard ? Je paierais (PRS COND) un prix raisonnable** [Sánchez Piñol, 2007. P. 23].

Таким образом, в примере 17 наблюдается эллипсис условия «если бы Вы дали мне этот номер» / «если бы я его нашел» / «если бы он где-то продавался» и т. п., а его место занимает вопрос «Вы его случайно не видели?»

(17a CAT). Si jo trobés (IMPF CONJ) aquest número, jo pagaria (PRS COND) un preu raonable per ell. *Если бы я нашел этот номер, я бы заплатил за него приличную сумму.*

(17a ES). Si (encontrara o encontrase) (IMPF CONJ) ese número, pagaría (PRS COND) un precio razonable por el.

(17a FR) Si je trouvais (IMPF IND) ce numéro, je paierais (PRS COND) un prix raisonnable pour lui.

На самом деле, в примере 17 содержится два условия, при этом одно из них, выраженное эксплицитно («Вы случайно его не видели»), является псевдоусловием, тогда как истинное имплицитно («Если бы я нашел этот номер»). Эта формально-семантическая асимметрия и объясняет невозможность воссоздания прототипической УК. (Невозможно сказать «*Если бы Вы увидели его случайно, я заплатил бы за него приличную сумму»).

Возможны условные конструкции и с псевдоследствием. Рассмотрим его примеры в 18 и 18a:

(18 CAT) Que tens (PRS IND) gana? El sopar és (PRS IND) a la nevera. *Вы голодны? Ужин в холодильнике.*

(18 ES) Tienes (PRS IND) hambre? La cena está (PRS IND) en el frigorífico.

(18 FR) Vous avez (PRS IND) faim ? Le dîner est (PRS IND) dans le réfrigérateur.

(18a CAT) Si tens (PRS IND) gana, menja (IMP): el sopar és (PRS IND) a la nevera. *Если Вы голодны, то поешьте: ужин в холодильнике.*

(18a ES) Si tienes (PRS IND) hambre, come (IMP): la cena está (PRS IND) en el frigorífico.

(18a FR) Si vous avez (PRS IND) faim, mangez (IMP) : le dîner est (PRS IND) dans le réfrigérateur.

В примере 18 формальное следствие (ужин в холодильнике) семантически является ложным. Истинное следствие «поешьте» в нем опущено, а в примере 18a выражено эксплицитно.

Как отмечает Х. Кронинг, приводя высказывание, близкое к примеру 18, в данном типе конструкций «условие», выражаемое в протазисе, не связано с содержанием, обозначенном в аподозисе, но связано с иллокутивным актом, совершенным в высказывании аподозиса, чтобы обеспечить «успех» данного речевого акта [Kronning, 2009. P. 99].

5. НРУК с вопросом в постпозиции

Возможны непрототипические раздельнооформленные условные конструкции с вопросом в постпозиции, иллюстрируемые следующей группой типовых примеров:

(19 CAT) **Suposem** (IMP) que hagués vingut (PQP CONJ). Què li diria (PRS COND)? *Предположим, он пришел бы. Что бы Вы сказали ему?*

(19 ES) **Supongamos** (IMP) que hubiera venido (PQP CONJ). ¿Qué le diría (PRS COND)?

(19 FR) **Supposons** (IMP) qu'il soit venu (PRF CONJ). Qu'est-ce qu'on lui aurait dit (PRF COND)?

(20 CAT) **Admetem** (IMP) que el coneixes (PRS IND). En aquest cas, com es diu (PRS IND)? *Допустим, ты его знаешь. В таком случае как его зовут?*

(20 ES) **Admitamos** (IMP) que lo conoces (PRS IND). En tal caso, ¿cómo se llama (PRS IND) ?

(20 FR) **Admettons** (IMP) que tu le connais (PRS IND). Dans ce cas, comment s'appelle-t-il (PRS IND) ?

В таких конструкциях в их первой части высказывается предположение, содержащее условие, а во второй задается вопрос, который станет актуален в случае реализации сформулированного условия. В конструкциях данного типа нельзя поменять порядок следования условия и следствия, если они выражены сложноподчиненным побудительным и вопросительным предложениями.

Однако, как показывает пример 21, границы между цельнооформленными и раздельнооформленными конструкциями все-таки проницаемы. В примере 21 в первой части предложения на каталанском и испанском вместо императива употребляется деепричастный (герундиальный) оборот, и это значит, что эти конструкции стали цельнооформленными.

(21 CAT) **Suposant** (GER) que existeixin (PRS CONJ) optimistes i pessimistes absoluts – les coses absolutes només existeixen (PRS IND) en el pensament – , els primers deuen (PRS IND) sentir i sentir-se prevalentment en l'espai; els segons, en el temps [Pla, 2014. P. 381]. *Предположим, что существуют абсолютные оптимисты и пессимисты – абсолютные вещи существуют только в сознании, – первые должны воспринимать [мир] и ощущать себя преимущественно в пространстве, а вторые – во времени.*

(21 ES) **Suponiendo** (GER) que existan (PRS CONJ) optimistas y pesimistas absolutos – las cosas absolutas sólo existen (PRS IND) en el pensamiento – , los primeros deben (PRS IND) de sentir y sentirse preferentemente en el espacio; los segundos, en el tiempo [Pla, 2016. P. 409].

(21 FR) **Supposons** (IMP) qu'il existe (PRS CONJ) des optimistes et des pessimistes absolus – [étant ²] entendu que les absolus n'existent (PRS IND) que dans la pensée –, les premiers doivent (PRS IND) sentir et se sentir de préférence dans l'espace ; et les seconds dans le temps [Pla, 2013. P. 381].

Т. И. Алиева обращает внимание на то, что во французском языке высказывания со сложным союзом «à supposer que» и формой 1 лица мн. числа глагола «supposer» (предполагать) могут приобретать в зависимости от контекста условное значение с оттенком уступки и модальным значением предположения [Алиева, 2003. С. 63–64].

Выводы

1. Непрототипические раздельнооформленные условные конструкции могут включать в свой состав вопросительное предложение, выражающее условие и находящееся в препозиции к следствию. Однако если такая конструкция содержит императив, то он может входить как в состав предложения, выражающего условие, так и в состав предложения, выражающего следствие. Сам же вопрос в этом случае может выражать либо условие, либо следствие.

2. Существуют невопросительные НРУК.

3. НРУК допускают употребление глагола в различных временах и наклонениях: императива, индикатива, конъюнктива и кондиционала, при этом императив может содержаться как в части с условием, так и в части со следствием.

4. Существуют НРУК, не содержащие императива.

5. Возможны вставки между первым предложением конструкции, выражающим условие, и вторым, выражающим следствие. В этом случае формируется диалогическое единство.

6. Как и в прототипических УК, в НРУК условие и следствие являются логическими формами выражения мысли одного и того же лица (адресанта) в конкретной ситуации общения.

7. НРУК не допускает употребления, по своей сути, условных подчинительных союзов: в противном случае конструкция становится прототипической. Однако следствие может вводиться различными лексемами со значением «тогда».

² Данный компонент во французском переводе переменный.

Список источников / Sources

- La Corbella.** La revista dels qui estimen la llengua catalana. Barcelona: L'ONG del català. 36 hivern 2020-21. (in Catalan). URL: https://www.plataforma-llengua.cat/media/upload/arxius/lacorbella/Corbella-36-AF_web.pdf (accessed: 27.03.2021)
- La Corbella.** La revista dels qui estimen la llengua catalana. Barcelona: L'ONG del català. 35 estiu 2020. (in Catalan). URL: <https://www.plataforma-llengua.cat/media/upload/arxius/lacorbella/Corbella-35-Versi%C3%B3Web.pdf> (accessed: 27.03.2021)
- La Corbella.** La revista dels qui estimen la llengua catalana. Barcelona: L'ONG del català. 33 estiu 2019. (in Catalan). URL: https://www.plataforma-llengua.cat/media/upload/pdf/corbella-33_1562754517.pdf (accessed: 27.03.2021)
- Pla, J.** El cuaderno gris. España: Ediciones Destino, 2016, 847 p. Traducción de Dionisio Ridruejo (Translation from Catalan to Spanish).
- Pla, J.** El quadern gris. Barcelona, Edicions Destino, 2014, 763 p. (in Catalan).
- Pla, J.** Le cahier gris. France: Gallimard, 2013. 812 p. Journal traduit du catalan par Serge Mestre (Translation from Catalan into French).
- Porcel, B.** Cada castell i totes les ombres. Barcelona, Edicions 62, 2009, 415 p. (in Catalan).
- Porcel, B.** Cada castillo y todas las sombras. Barcelona, Ediciones Destino, 2008, 421 p. (Translation from Catalan into Spanish).
- Porcel, B.** Quelques châteaux et toutes les ombres. France: ACTES SUD, 2010. 368 p. (Translation from Catalan into French).
- Rodoreda, M.** La plaça del Diamant. Barcelona: Club editor jove, 2015, 267 p. (in Catalan).
- Rodoreda, M.** La place du diamant. France: Gallimard, 2015, 272 p. (Translation from Catalan into French).
- Rodoreda, M.** La plaza del diamante. Barcelona: Ediciones Orbis, 1987, 98 p. (Translation from Catalan in Spanish).
- Sánchez Piñol, A.** Pandora al Congo. Barcelona: La Campana, 2005, 592 p. (in Catalan).
- Sánchez Piñol, A.** Pandora en el Congo. Madrid: Santillana Ediciones Generales, 2015, 436 p. Traducción de Xavier Theros (Translation from Catalan into Spanish).
- Sánchez Piñol, A.** Pandore au Congo. France: ACTES SUD, 2007, 447 p. Traduit du catalan par Marianne Million (Translation from Catalan into French).
- Time out. Barcelona.** # 613 març. 2021. (in Catalan). URL: https://digitalarchive.timeout.com/TO_PDF_Download/Europe/Spain/Barcelona/2021/March/TOB_613a.pdf (accessed: 27.03.2021)

Список литературы

- Алиева Т. И.** Эксплицитные и имплицитные средства выражения условной модальности в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 130 с.
- Боскова М. Е.** Место бессоюзных сложных предложений с условно-следственной связью между частями среди условно-следственных конструкций // Учен. зап. Даугавпилс. пед. ин-т. Т. XXI. Серия филологическая. Выпуск 8. Рига: Звайгзне, 1970. С. 105–114.
- Добронравин Н. А., Смирнова М. А.** Условные конструкции в языке хауса // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 379–397.
- Киселёва Н. Ю.** Семантический и прагматический анализ функционирования условных конструкций в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 19 с.
- Корди Е. Е.** Условные конструкции во французском языке // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 275–296.
- Островский Б. Я.** Условные конструкции в языке дари // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 183–201.
- Репнина Т. В.** Монопредикативные вопросительные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 102–115.

- Репнина Т. В.** Цельнооформленные непрототипические условно-побудительные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 142–150.
- Храковский В. С.** Анкета для описания условных конструкций // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 97–128.
- Храковский В. С.** Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Grammàtica de la llengua catalana. Institut d'Estudis Catalans. Barcelona, 2016, 1439 p.
- Grevisse, M., Goosse, A.** Le bon usage. Grammaire française. Bruxelles, Editions De Boeck Université, 2008, 1601 p.
- Kronning, H.** Polyphonie, constructions conditionnelles et discours rapporté, Langue française, 2009, vol. 164, no. 4, p. 97–111.
- Martí X., Saldanya, M.** Les construccions condicionals de Curial e Güelfa. 2012, p. 631–648. URL: https://www.researchgate.net/publication/300462973_Les_construccions_condicionals_de_Curial_e_Guelfa (дата обращения 27.03.2021).
- Nueva gramática de la lengua española. Manual by Real Academia Española de Asociación de Academias de la Lengua Española. Nueva Revista de Filología Hispánica. Madrid, Espasa Libros, 2010, 993 p.
- O'Neill, M., Casanovas, M.** The use of imperative in Catalan and English. Advertisements: A pragmatic analysis. *Barcelona English Language and Literature Studies*, 8, 1997, p. 261–280.
- Salvador, V.** Les construccions condicionals i les concessives. *Gramàtica del català contemporani*, vol. 3, Barcelona: Empúries, 2002, p. 2977–3025.
- Sandfeld, K. R.** Syntaxe du français contemporain. Les propositions subordonnées. Genève, Librairie Droz, 1965, 490 p.

References

- Aliyeva, T. I.** Explicit and implicit conditional modality vehicles in modern French. Thesis for a Candidate Degree in philological Sciences, Moscow, 2003, 130 p. (in Russ.)
- Boscova, M. E.** The place of asyndetic composite sentence with conditional-consequential connection between parts of condition-consequence constructions. *Transactions. Daugavpilski pedagogic institute*, vol. XXI, Philological serie, iss. 8. Riga, Zvaygvne, 1970, p. 105–115. (in Russ.)
- Dobronravin, N. A., Smirnova, M. A.** Conditional constructions in Hausa. In: Typology of Conditional Constructions. Saint Petersburg, Science, 1998, p. 389–397. (in Russ.)
- Kiseliova, N. Yu.** Semantic and pragmatic analysis of the functioning of conditional constructions in modern English. Thesis for a Candidate Degree in philological Sciences abstract. Kemerovo, 2005, 19 p. (in Russ.)
- Kordi, E. E.** Conditional constructions in French. In: Typology of Conditional Constructions. St. Petersburg, Science, 1998, p. 275–296. (in Russ.)
- Ostrovsky, B. Ya.** Conditional constructions in Dari. In: Typology of Conditional Constructions. Saint Petersburg, Science, 1998, p. 198–201. (in Russ.)
- Repnina, T. V.** One-predicate interrogative conditional constructions in Catalan (in comparison with Spanish and French). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 102–115. (in Russ.)
- Repnina, T. V.** Integral nonprototypical conditional and imperative constructions in Catalan (in comparison with Spanish and French). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [*Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*], 2021, vol. 27, no. 1, p. 142–150. (in Russ.) DOI 10.18287/2542-0445-2021-27-1-142-150

- Khrakovsky, V. S.** Questionnaire on conditional constructions. In: Typology of Conditional Constructions. St. Petersburg, Science, 1998, p. 97–128. (in Russ.)
- Khrakovsky, V. S.** Theoretical conditional constructions analysis (semantics, calculation, typology). In: Typology of Conditional Constructions. St. Petersburg, Science, 1998, p. 7–96 (in Russ.)
- Linguistics. Large Encyclopaedical Dictionary. Head editor V. N. Yartseva. Moscow, Big Russian encyclopedia, 1998, 685 p. (in Russ.)
- Catalan language grammar. Institute for Catalan studies. Barcelona, 2016, 1439 p. (in Catalan).
- Grevisse, M., Goosse, A.** The correct usage. French language grammar. Brussels, Editions De Boeck Université, 2008, 1601 p. (in French)
- Kronning, H.** Polyphony conditional constructions and reported speech. *French language*, 2009, vol. 164, no. 4, p. 97–111. (in French)
- Martí, X., Saldanya, M.** Conditional constructions in Curial and Güelfa. 2012, p. 631–648. (in Catalan).
- Spanish language new grammar. Manual by Real Spanish Academy – Spanish language Academies Association. Spanish philology New review. Madrid: Espasa Libros, 2010, 993 p. (in Spanish).
- O'Neill, M., Casanovas, M.** The use of imperative in Catalan and English. Advertisements: A pragmatic analysis. *Barcelona English Language and Literature Studies*, 8, 1997, p. 261–280.
- Salvador, V.** Conditional and concessive constructions. *Modern Catalan grammar*, vol. 3, Barcelona, Empuries, 2002, p. 2977–3025. (in Catalan).
- Sandfeld, K. R.** Modern French syntax. Subordinate clauses. Geneva, Librairie Droz, 1965, 490 p. (in French).

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
27.03.2021*

Сведения об авторе / Information about the Author

Репнина Татьяна Владимировна, аспирант Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Tatiana V. Repnina, PhD student at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation)

lumenna@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4347-7939

УДК 81'373.21
DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-32-44

Испаноязычная топонимия Экваториальной Гвинеи: структурно-семантический аспект

И. А. Мартыненко

*Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Россия*

Аннотация

Статья представляет собой первую попытку лингвистического описания и систематизации испаноязычных топонимов Экваториальной Гвинеи. С помощью современных электронных систем выявлены и структурированы географические имена региона испанского происхождения. Наряду с указанием исторических предпосылок для образования в государстве топонимов данного типа автор уделяет внимание и языковой ситуации в стране, делая акцент на том, что топонимия Экваториальной Гвинеи как языковой пласт подробному изучению ранее не подвергалась. После обретения независимости в 1968 г. постколониальная внутрисоциальная политика страны во многом была сосредоточена на возвращении к африканским корням, что выразилось, в частности, в замене в 1970-х гг. европоцентричных колониальных названий объектов африканскими в рамках так называемой кампании подлинности. Однако, несмотря на эти усилия, современный топонимический корпус Экваториальной Гвинеи 2020-х гг. по-прежнему содержит большое количество испаноязычных названий, часто гибридных по своему происхождению и демонстрирующих продолжение контактов с языками местных африканских племен в виде включения различных элементов из них. Выводя процент присутствия испанских топонимов от общего числа географических единиц региона, автор характеризует с лингвопрагматической точки зрения местные гидронимы, оронимы, инсулонимы, лимнонимы и другие виды единиц как на макро-, так и на микроуровне. Приводятся многочисленные примеры по каждой из выделяемых групп. Отмечается, что дескриптивные топонимы с испанским компонентом, несмотря на тенденцию в других ареалах распространения испаноязычной топонимической лексики, не являются в Экваториальной Гвинее самой многочисленной группой. Делаются предположения относительно этимологии некоторых единиц. Констатируется, что на сегодняшний день карты некоторых даже крупных городов Экваториальной Гвинеи труднодоступны. Спутниковые системы определяют населенные пункты, дома и дороги, однако названия улиц и объектов на них не нанесены. Статья вносит вклад в топонимические изыскания в регионе и является первым шагом к созданию топонимического словаря Экваториальной Гвинеи.

Ключевые слова

Экваториальная Гвинея, топонимика, испанский, автохтонный, гибрид

Для цитирования

Мартыненко И. А. Испаноязычная топонимия Экваториальной Гвинеи: структурно-семантический аспект // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 32–44. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-32-44

Hispanic Toponymy of Equatorial Guinea: Structural and Semantic Aspect

Irina A. Martynenko

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Equatorial Guinea is the only Spanish speaking country on the African continent with Spanish being one of the official languages. The linguistic situation in the region has been closely studied by Russian and foreign linguists, howev-

© И. А. Мартыненко, 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3

er, toponymy as a whole linguistic layer has never been covered in numerous works on the functioning of the Spanish language in this state. The article presents the first attempt at a linguistic description of the Hispanic place names of Equatorial Guinea. By means of modern electronic systems, Hispanic geographical names of the region have been identified and structured. Along with indicating the historical prerequisites for the formation of toponyms of this type in this African state, the author pays attention to the linguistic situation in the country. Since gaining independence in 1968, the country's domestic policy has largely focused on returning to African roots and replacing in the 1970s colonial geonames by African geonames at the expense of the so-called "authenticity" campaign. However, despite such renaming and the end of the era of Spanish political dominance in the region, the toponymic corpus of Equatorial Guinea in the 2020s contains a large number of Hispanic names, often showing linguistic contacts as blended names with elements from the languages of local African tribes. Calculating the percentage of Spanish toponominations from the total number of geographical units of the region, the author characterizes from a linguopragmatic point of view local hydronyms, oronyms, insulonyms, limnonyms and other units, both at the macro and micro levels. Numerous examples are given for each of the identified groups. It is noted that descriptive toponyms with a Spanish component, contrary to the tendency common for Spanish conquerors in other regions of the world, is not the most numerous group in Equatorial Guinea. Assumptions are made regarding the etymology of some units. The article contributes to toponymic research in the region and is the first step towards the creation of a toponymic dictionary for Equatorial Guinea.

Keywords

Equatorial Guinea, toponymy, place name, Spanish, autochthonous, Hispanic, blended name

For citation

Martynenko, Irina A. Hispanic Toponymy of Equatorial Guinea: Structural and Semantic Aspect. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 32–44. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-32-44

1. Введение

Экваториальная Гвинея – единственная страна на африканском континенте, в которой испанский язык является официальным. Более 85 % населения способны использовать его для общения, приема и передачи информации, он является основным языком обучения на всех уровнях образования. Языковая ситуация в регионе подробно изучалась и продолжает изучаться отечественными и зарубежными лингвистами, однако топонимия как объект, представляющий собой обширный языковой пласт, ранее не находилась в центре внимания исследователей функционирования испанского языка в данном государстве. Информация по этимологии географических названий страны по этой причине крайне скудна: на данный момент не существует ни одного топонимического словаря Экваториальной Гвинеи, веб-сайты не содержат данных о происхождении названий географических объектов. Цель данной статьи состоит в том, чтобы положить начало топонимическим изысканиям в данном регионе посредством выявления испаноязычных геономинаций Экваториальной Гвинеи и описания их с лингвопрагматической точки зрения.

2. Материалы и методы исследования

С помощью системы GeoNames мы получили список из 4416 топонимических единиц региона, который включает разноязычные ойконимы, гидронимы, оронимы, дримонимы и урбанонимы. Из этого числа методом сплошной выборки были выявлены испаноязычные географические названия. Кроме того, для получения более полного представления о современном состоянии номенклатуры страны была использована система GoogleMaps, которая позволила выявить большое количество годонимов. Однако ход работы был осложнен двумя факторами:

1) GeoNames не содержит достоверной информации о переименованиях географических объектов (игнорируя тем самым процесс их постколониальной коррекции), показывая как актуальные по факту уже несуществующие ныне названия;

2) системы испанского и португальского языков близки, ввиду чего существует вероятность принять португальскую единицу языка за испанскую, поскольку исторически именно португальцам принадлежит звание европейских первопроходцев на данной территории,

именно португальцы дали здесь первые европейские названия географическим объектам вместо африканских.

В связи с этим материал исследования потребовал особо тщательной проверки каждой выявленной предположительно испаноязычной номинации места.

3. Результаты исследования

3.1. Языковая ситуация в Экваториальной Гвинее

Последние полвека языковая ситуация в Экваториальной Гвинее обращает на себя достаточно пристальное внимание ученых. Данной проблематикой в разное время занимались и занимаются американские, европейские и российские специалисты: см., например, [Борисова, 2020; Найденова, 2014; Наумов, 2017; Сапрыкина, Найденова, 2017; Сон, 2009; Bibang, 2002; Casado Fresnillo, 1998; Castillo Barril, 1966; Chirilă, 2015; Eneme, 2019; Gomashie, 2019; González Echeagaray, 1951; Granados, 1986; Granda, 1986–1987; Granda Gutiérrez, 1984; Granda Gutiérrez, 1988; Lipski, 2004; Lipski, 2014; Mohamadou, 2008; Morgades, 2005; Nguen, 2007; Nguen, 2015; Nistal, 2007; Nsue, 1986; Quilis, 1988; Quilis, Casado, 1992; Quilis, Casado, 1995; Rosique, 2006; Schlumpf, 2016; Sundiata, 2018; Ueda, 2006; Vuskovich, 2013] и др.¹

После приобретения республикой независимости официальными языками стали два европейских языка: испанский и французский, поскольку ни один из языков многочисленных местных племен не способен выполнять роль языка межплеменного общения (лингва франка).

Французский язык был принят в качестве официального языка Экваториальной Гвинеи в 1988 году для укрепления экономических связей с другими франкоязычными странами Африки. Знаковых культурно-исторических предпосылок для этого не было, поскольку на нем говорят менее 10 % населения, проживающего в основном в городах, граничащих с франкоязычными государствами. Однако сейчас французский язык становится все популярнее в Экваториальной Гвинее ввиду потока мигрантов из Камеруна, Габона и других франкоговорящих стран Западной Африки.

Помимо целого ряда автохтонных языков, в основном принадлежащих к западной группе семьи банту, а также официальных европейских языков – испанского и французского – на территории страны функционируют и креольские языки, возникшие на основе английского и португальского [Найденова, 2014. С. 136]. Так, например, известно, что в городе с испанским названием *Río Campo* говорят на испанском, французском и португальском пиджинах, а также на фанг, бубе и аннобонском (Fá d'ambô).

Однако Г. Симонс и Ч. Фенниг утверждают, что первое место среди всех языков, функционирующих в Экваториальной Гвинее, сегодня занимает испанский язык². К этому же мнению склоняется Дж. Липски, который пишет, что по сравнению с большинством других стран Западной и Центральной Африки в Экваториальной Гвинее проживает много граждан, хорошо владеющих языком своей основной бывшей метрополии, что в значительной степени связано с усилиями по внедрению испанской системы образования.

В колониальный период образование находилось в основном в руках миссионерских групп, особенно ордена кларетингов, но испанские государственные школы также сыграли значительную роль во внедрении испанского языка. В результате на Фернандо-По почти все уроженцы острова довольно свободно говорят по-испански. На острове Аннобон, несмотря

¹ Например, Larre Muñoz, M. La situación del español en Guinea Ecuatorial: Diagnóstico y Tratamiento. *Humanitas*. 2013. URL: <http://humanitasguineae.blogspot.com/2013/06/la-situacion-del-espanol-en-guinea.html> (accessed: 11.01.2021); Manso A., Bibang, J. El español en Guinea Ecuatorial. In: La enseñanza del español en África Subsahariana. Edited by Javier Serrano Avilés. Madrid: Instituto Cervantes, 2014. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/eeas/capitulo13.htm> (accessed on 11.01.2021); Molina, I. El español en Guinea Ecuatorial: aspectos sociolingüísticos, 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/273999158_El_espanol_en_Guinea_Ecuatorial_aspectos_sociolingüísticos (accessed on 11.01.2021).

² Simons, G. F., Fennig, C. D. *Ethnologue: Languages of the World*, 21st ed. Dallas: SIL International, 2018. URL: <http://www.ethnologue.com> (accessed on 11.01. 2021).

на его почти полную изоляцию от остальной части страны и остального мира, почти все жители также довольно хорошо говорят на испанском, но в повседневном общении он используется редко, поскольку аннобонцы предпочитают в этом случае фа д'амбу, креольский язык португальского происхождения, родственные диалектам Сан-Томе и Принсипи [Lipski, 2014. P. 117].

3.2. Административное деление Экваториальной Гвинеи

На сегодняшний день территория Экваториальной Гвинеи состоит из двух частей: островной (острова Биоко, Кориско и ряд более мелких островов) и континентальной (Рио-Муни), при этом материковая часть страны расположена севернее экватора, а островная – южнее.

Согласно статье 3 Конституции Экваториальной Гвинеи, страна разделена в административных и экономических целях на регионы, провинции, округа и муниципалитеты. Провинции служат административными единицами первого уровня. Муниципалитеты подразделяются на сельские советы и кварталы. Многие субмуниципальные образования сгруппированы в городские округа, которые остаются в подчинении муниципалитетов и отличаются от собственно округов.

3.3. Автохтонные топонимы

Отражение политики деколонизации на топонимии региона сегодня заключается в том, что топонимикон Экваториальной Гвинеи опирается главным образом на автохтонные имена. Примерами могут служить современные названия таких крупных городов, как *Malabo*, *Bata*, *Aconibe*, *Mongomo* и многие другие. Однако не стоит забывать, что многие из них были переименованы в период деколонизации в рамках упомянутой выше кампании «подлинности». Примерами могут служить остров *Bioco* (бывш. *Fernando Pó*), города *Cogo* (бывш. *Puerto Iradier*, названный изначально в честь испанского путешественника-первопроходца баскского происхождения Мануэля Ирадьеры) и *Riaba* (бывш. *Concepción*) или столица государства, город *Malabo* (бывш. *Santa Isabel*, *Port Clarence*). Теперь город назван в честь Малабо – вождя народа буби, лидера восстания против испанских колонизаторов. *Малабо* на языке племени буби означает «сильный», «крепкий», «неприступный, как гора». Город *Niefang*, который во время испанского присутствия назывался *Sevilla de Niefang*, то есть включал в состав названия разнородные языковые компоненты, также стал объектом культурно-исторического значения: традиционно он представлял собой западную границу территории, занимаемой племенем фанг. Его название означает именно это: «предел для фанг». Западнее располагались районы прибрежных племен банту. Примечателен в этом перечне и пример переименования реки *Río Campo*, которая стала называться *Ntem*.

Нельзя сказать, что тенденция переименования топонимов на испанский язык с годами окончательно исчерпала себя. Так, город *Oyala* в 2017 г. переименован в *Ciudad de la Paz*. Город активно застраивается и, согласно плану, в скором времени будет функционировать вместо Малабо в качестве национальной столицы.

3.4. Появление испанских географических имен в государстве

Изучаемую территорию европейцы начали осваивать в XV веке. В начале 1472 г. португальская экспедиция открыла в Гвинейском заливе остров, который был назван ими по имени впервые высадившегося на него моряка: *Фернандо-По* (от порт. *Fernão do Pó*). У советского географа И. П. Магидовича этот факт описан с некоторыми языковыми вариациями в имени моряка: «В том же году моряк Фернан да По проследил берег от устья Нигера далее к востоку до вулкана Камерун, у 4° с. ш., а против него обнаружил гористый остров с вершиной около 3008 м, носящий ныне его имя... В 1472–1473 гг. португальцы открыли также о-ва Гвинейского залива – Принсипи, Сан-Томе (у самого экватора) и о. Аннобон» [Магидович, 1982. С. 250].

Остров Аннобон был открыт португальцами 1 января 1473 г. и в силу этого факта получил соответствующее наименование *Ano Bom* (порт. do ano bom – ‘новогодний’), от которого были образованы производные топонимы на испанском *Annobón* и автохтонных *Êmbô / Ambô* языках [Найденова, 2014. С. 137].

По испано-португальским договорам 1777–1778 гг.³ острова и часть территории на континенте, известная как Рио-Муни, перешли к Испании.

В 1827 г. британские завоеватели заложили на Фернандо-По город, дав ему свое название – Кларенс (затем, в 1843–1973 гг., он назывался Санта-Исабель, а с 1973 г. по настоящее время – Малабо), но в 1833 г. они были вынуждены покинуть остров.

С XIX века Испания начала отправлять экспедиции в Гвинейский залив. Большинство участников экспедиции были военными и религиозными деятелями. Первые должны были гарантировать испанский суверенитет на новых территориях, последние отвечали за евангелизацию язычников и распространение испанского языка. Представители обеих групп, которым позже помогли чиновники, купцы и землевладельцы, стирали на местности следы британской топонимии. Администрация меняла названия заведений, улиц, площадей, портов и городов, таким образом *Clarence City* и *West Bay* сменили свои названия на *Santa Isabel* и *San Carlos*. Подверглась переименованию на испанский язык и коренная топонимия: города *Niefang*, *Añisok* и *Sampaka* были переименованы в *Sevilla de Niefang*, *Valladolid de los Bimbiles* и *Zaragoza*. Изменился и принцип идентификации людей по именам. Стало обязательным использование личного христианского имени, предшествовавшего фамилии на банту, а на о. Аннобон местные фамилии были заменены испанскими – по названиям испанских городов и регионов, таких как *Sagunto*, *Avilés*, *Zaragoza*⁴.

В этой связи стоит отметить, что сегодня личные имена экваториальных гвинейцев могут представлять собой как отражение европейского присутствия в регионе (например, *Juan Tomás Ávila Laurel*, *Juan Simeón Esono*, *Edward Thaddeus Barleycorn Barber*, *Gregorio Manuel Salvador*, *Álvaro Cervera*), так и сращение испанских и автохтонных имен (напр., *Justo Bolekia Boleká*, *María Nsué Angüe*, *David García Mitogo*, *Anselmo Eyegue*, *Cruz Melchor Eya Nchama*, *Malabo Lopelo Melaka*, *José Bokung*).

В 1841 году испанцы обосновались на побережье острова, в 1856 г. на Рио-Муни. Парижский договор 1900 г. окончательно определил границы испанских владений в Гвинейском заливе. В 1926 г. была образована колония, называвшаяся Испанская Гвинея. В 1959 г. колония получила статус заморских территорий Испании уже под названием Экваториальный регион Испании. В 1964 г. была создана колония Экваториальная Гвинея с автономным правительственным советом и генеральной ассамблеей⁵.

3.5. Топонимы-гибриды с испанским компонентом

Ввиду того что за право господства над территорией современной Экваториальной Гвинеи боролись в разное время Португалия, Испания и Великобритания, топонимический корпус этой страны отражает в настоящее время результаты языковых контактов как трех европейских стран между собой, так и с местными африканскими этносами.

Однако характерно, что большая часть результатов этих контактов сохранилась в составе гибридных форм топонимаций, пополненных лексемами из различных автохтонных языков страны: буби, банту, фанг и др., например: *Ciudad Nueva Oyala*, *Ciudad de Ela Nguema*, *Distrito de Nsork*, *Santiago de Baney*, *San Antonio de Ureca*, *Ciudad de Riaba*, *Aba Grande*. Также мы отмечаем присутствие португалоязычных и англоязычных композитов: *Punta da Sagre*, *Monte Alén National Park*, *Punta Owen*, *Cape Vidal*, *San Carlos Bay*.

³ Договоры в Сан-Ильдефонсо (1777 г.) и Эль-Пардо (1778 г.) о разделе территорий.

⁴ Manso A., Bibang, J. El español en Guinea Ecuatorial. In: La enseñanza del español en África Subsahariana. Edited by Javier Serrano Avilés. Madrid: Instituto Cervantes, 2014. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/eeas/capitulo13.htm> (accessed on 11.01.2021).

⁵ Экваториальная Гвинея // Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4941066>.

3.6. Испаноязычные топонимы

Топонимический корпус Экваториальной Гвинеи поражает не только многообразием автохтонных единиц, но и количеством оставшихся после массового переименования испаноязычных геономинаций.

По нашим оценкам, **испаноязычным компонентом обладают сегодня около 44 % топонимов страны**, то есть около половины от общего числа. Чисто испанские географические названия, без иноязычных примесей, составляют около 11 %.

Рассмотрим специфику испаноязычной топонимии Экваториальной Гвинеи в рамках основных топонимических классов.

Гидронимы

Экваториальная Гвинея обладает густой речной сетью. Для потамонимов региона свойственно употребление лексем *río* (исп. «река») и *arroyo* (исп. «ручей») в качестве опорных формантов гибридных названий: *Río Moaba*, *Río Mitong*, *Río Mbía*, *Río Mba*, *Río Omebiche*, *Río Puputu*, *Arroyo Onen*, *Arroyo Olem*, *Arroyo Nsié*, *Arroyo Nseneg*, *Arroyo Mvogolo*, *Arroyo Gumbe* и т. д. При этом компонент *Río* зафиксирован на картах как со значком ударения, так и без (см., например, *Río Mvuba*, *Río Momo*, *Río Mitemele*, *Río Utamboni*), из чего можно сделать вывод о свободном отношении местного управления к орфографической норме испанского языка в географической номенклатуре.

Гибриды с опорным элементом *cascada* (исп. «водопад») раскрывают гетерогенность языков местных племен, лексемизмы из которых выступают вторым компонентом в гидронимических именах:

Cascada Ngong, *Cascada Ngom*, *Cascada Nfolo*, *Cascada Ncoromba*, *Cascada Miveñ*, *Cascada Miván*, *Cascada Minguo*, *Cascada Melong*, *Cascada Mandoc*, *Gran Cascada Yibulob*, *Cascada Evoarncara*, *Cascada Enue*, *Cascada Dum*, *Cascada Cuakigui*, *Cascada Coaekuiguiné*, *Cascada Cam*, *Cascadas Bonsoc*, *Cascada Binyini*, *Cascada Bicón*, *Cascada Bibeñ*, *Cascada Ayabigumbe*, *Cascadas Asoc-dum*, *Cascadas Asoc-Bisón*, *Cascada Anvam*, *Cascada Alar*.

Оронимы

Принцип гибридизации характерен и для формирования **оронимии** страны. Здесь опорными элементами часто выступают испанские лексемизмы *monte* (исп. «гора»), *ladera* (исп. «горный склон») и *pico* (исп. «вершина горы, пик»): *Monte Bombanyoko*, *Monte Mitra*, *Monte Ocucu*, *Monte Bata*, *Monte Laja*, *Monte Bolaa*, *Monte Basuala*, *Monte Basaoco*, *Monte Alen*, *Monte Ébano*, *Monte Cusuzua*, *Monte Caleo*, *Monte Cacinca*, *Monte Boloco*, *Monte Bobá*, *Monte Batete*, *Pico Biaó*, *Pico Quioveo*, *Laderas de Moca*.

Однако многие оронимы выражены и чисто испанскими географическими компонентами с теми же или другими композитами, причем в некоторых случаях создаются поэтические образы: *Pico Lago* (исп. «озеро у вершины»), *Pico del Centro* (исп. «центральная вершина»), *Pico Surcado* (исп. «бороздчатая вершина»), *Pico Misterio* (исп. «таинственный пик»), *Las Siete Montañas* (исп. «семь гор»), *Cerros de los Loros* (исп. «холмы попугаев»), *Monte Mitra* (исп. «гора в форме митры»).

Оронимической аллюзией является и название фермы *Montes de Oca* (исп. «гусиные горы»).

Для **инсулонимов** региона типично употребление родовых компонентов *isla(s)* (исп. «остров(-а)»), *islote(s)*, *isleta* (исп. «маленький остров»): *Islotes Pongüe*, *Islote Leva*, *Isla de Elobey Grande*, *Isla de Elobey Chico*, *Isla Santarem*, *Islote Mbañe*, *Islas Evongue*, *Isla Ngande*, *Isla del Paso*, *Isla Escobar*, *Punta de la Isleta*, *Punta de Islote*.

Рельеф местности описывается с помощью испаноязычных компонентов *punta* (исп. «мыс») и *cabo* (исп. «мыс»), чаще в составе гибридных двух-, реже трехчленных сочетаний: *Punta Belobi*, *Punta Penvadu*, *Punta Uloba*, *Punta Epeyilate*, *Punta Jesusa*, *Cabo Bata*, *Punta Epole*, *Punta Endembe*, *Punta Elatande*, *Cabo San Juan*, *Cabo Dos Puntas*, *Cabo Campo*.

Некоторые **пелагонимы** формируются с помощью испаноязычной лексемы *ensenada* (исп. «бухта»): *Ensenada Alicia*, *Ensenada de Gravina*, другие –элементом *bahía* (исп. «бухта»): *Bahía de Bata*, *Bahía de A Jabal*, *Bahía Ate*, *Bahía de Riaba*, *Bahía de Anganchi*, *Bahía de Aval*.

Для гибридизированных **лимнонимов** ожидаемо характерно наличие испаноязычного компонента *lago* (исп. «озеро, пруд»): *Lago Atoc*, *Lago de Biaó*, *Lago Mazafín*, *Lago Loreto*, *Lago Ucati*, *Lago Bodungüe*, *Lago Abela*, *Lago A Pot*, однако чисто испанских названий озер нами обнаружено не было.

Испаноязычные **дримонимы** региона можно найти в системе охраняемых природных территорий, на которых располагается три национальных парка (*Altos de Nsor*, *Monte Alen*, *Río Campo*) и два научных резервата (*Crater Luba*, *Monte Temelón*).

Для современной испаноязычной топонимии региона, хоть и не в таких объемах, как на некоторых других завоеванных испанцами землях (см., например, [Чеснокова, Мартыненко, 2019. С. 180]), характерно присутствие **топонимов-мигрантов**, калькирующих названия крупных испанских городов: *Madrid*, *Cádiz*, *Zaragoza*, *Toledo*. Для сравнения отметим, что Лиссабон и Лондон как столицы колониальных государств-конкурентов также отмечены на карте Экваториальной Гвинеи в виде ойконимов *Lisboa* и *London*.

Многие мелкие семейные фермерские хозяйства названы по именам или фамилиям хозяев, и эта группа составляет целый пласт в **урбанонимии** региона: *González*, *Suárez*, *Sandoval y Chamorro*, *Martín y Compañía*, *Martínez e Hijos*, *López*, *Juan Jover*, *Hermanos Ligero*, *F. Henríquez*, *Alvarez*, *Villa Mercedes*, *Valentín*, *Santos Antúnez*, *Sánchez Tirado y Compañía*, *Rodríguez*, *P. González*, *Pérez y Compañía*, *Pablo*, *Navarro*, *Muñoz y Gala*, *M. Flores*, *Martínez*, *Martín*, *Márquez*, *López Cruz*, *L. Díez Latorre*, *Izaguirre*, *Hermanos García*, *Hermanos Fernández*, *Gómez*, *F. Cuaresma*, *Ernesto*, *Díaz*, *David y Campo*, *Cuervo y Martín*, *Cruz y Escriva*, *Compañía López*, *Casa Juana*, *Boloco y Hermanos*, *B. Gómez*, *A. Sánchez*, *Antonio Díaz*, *Álvaro*, *Alonso*, *Aguirre*, *A. Fernández y Compañía*, *Torres Quevedo* и др.

Личные имена в качестве названий ферм – местная традиция, однако данный вид топонимов ею не ограничивается. Так, испаноязычные названия некоторых ферм являются отсылкой к античной тематике: *Salomón*, *Sansón*, *Palmira*.

Во многом об истории страны и о выдающихся личностях, уважаемых в регионе, можно судить по названиям улиц столицы и других населенных пунктов. Говоря о **годонимах** Экваториальной Гвинеи как подвиде урбанонимов, необходимо отметить, что они представлены или на испанском языке (например, *Avenida de las Naciones Unidas*, *Avenida de los Parques de África*), или в виде испано-африканских гибридов с опорным компонентом *calle* (исп. «улица») (например, *Calle del Botuku Lubá*).

Примечательно, что в столице названия многих улиц отражают историю борьбы за обретение независимости: *Avenida de la Independencia* (исп. «Проспект независимости»), *Avenida de la Libertad* (исп. «Проспект свободы»), *Calle de Acacio Mañé* (в честь Акасио Манье, одного из первых лидеров борьбы за независимость Экваториальной Гвинеи). В этой связи заметим, что памятник в честь обретения страной независимости также носит испаноязычное название: это светящаяся башня *Torre de la Libertad* (исп. «башня свободы»), открытая в городе Бата 12 октября 2011 года.

Многие годонимы представляют собой коммеморативные единицы, прославляющие африканских политических деятелей:

Avenida del 3 de Agosto (исп. «Проспект 3 августа»); 3 августа 1979 года к власти в стране пришел Теодоро Обианг Нгема Мбасого – человек, остающийся и по сей день действующим главой этого африканского государства;

Calle de Enrique Nvó – в честь учителя, фермера и лидера движения за независимость Экваториальной Гвинеи;

Calle del Presidente Nasser – в честь Гамалея Абделя Насера Хусейна, египетского революционера, военного, государственного и политического деятеля, второго президента Египта (1956–1970);

Avenida de Hasan II – в честь Мулая Хасана Алауи, короля Марокко с 1961 по 1999 гг.;

Calle del Rey Boncoro – в честь Бонкоро I Бодипо, короля народа бенга в заливе Кориско;

Calle del Rey Malabo – в честь короля острова Биоко с 1904 по 1937 г. В 1937 году, со смертью короля Малабо I, который умер в тюрьме при отбывании пожизненного заключения за убийство представителей испанских колониальных властей 19 апреля того же года, политическое влияние администрации буби, а также традиционная роль племенного короля исчезли.

Испаноязычные **дромонимы** опираются на компоненты *carretera* (исп. «шоссе») или *autopista* (исп. «автострада»): *Carretera del Puerto Nuevo*, *Carretera del Aeropuerto*, *Autopista de Malabo*, *Carretera Malabo*, *Carretera Bata-Cogo* и др.⁶

Испаноязычные **зоо- и фитотопонимы**, несмотря на присутствие на карте, не отображают всего необычайно богатого мира флоры и фауны страны. Применительно к данному аспекту нами обнаружены река *Río Iris* (исп. «река ирисов»), ферма *Begoña* (исп. «бегония»), река *Río Loro* (исп. «река попугаев»), ручей *Arroyo Lobo* (исп. «волчий ручей»), ручей *Arroyo Vaca* (исп. «коровий ручей»), река *Río Tiburones* (исп. «акуля река»), река *Río Lobo* (исп. «волчья река»), мыс *Punta Mosquitos* (исп. «комариный мыс»), ферма *Ratón* (исп. «крыса»), холмы *Cerros de los Loros* (исп. «холмы попугаев»), населенный пункт *Barrio Las Palmas* (исп. «район пальм»), остров *Isla Tortuga* (исп. «черепаший остров»), район столицы государства *Caracolas* (исп. «большие морские раковины»), улица в г. Малабо *Paseo de Cocoteros* (исп. «проезд кокосовых пальм»).

По семантической структуре на карте государства выделяются единицы религиозного и описательного характера, а также эмоционально маркированные имена.

Для **религиозно-культурных** испаноязычных топонимов Экваториальной Гвинеи, как и для подобных испанских географических названий в других частях света, как правило, типично присутствие элемента *San*, *Santo(-a)*. Об этом говорят названия населенных пунктов, гор, мысов, ферм, площадей:

San Antonio de Palé, *Santiago de Baney*, *Punta Santiago*, *San Antonio de Ureca*, *San Fernando*, *Gran Caldera Volcanica de San Carlos*, *Cabo San Juan*, *Macizo Santa Mina*, *Pico de Santa Isabel*, *San Carlos*, *Monte Santiago*, *San Pedro*, *San Joaquín de Ndyiacom*, *San Carlos Bay*, *Santa María*, *Santa Cruz*, *San Juan*, *Pico de San Joaquín*, *Pico de San Carlos*, *Plaza de San Fernando*, *Santa Cruz de la Montaña* и многие другие.

Однако испаноязычные религиозные топонимы исследуемого региона образовывались и по другим моделям. Так, несколько имен сформировались при помощи лексемы *concepción* (исп. «святое зачатие»): гора *Pico de la Concepción*, мыс *Punta Concepción*, населенный пункт *Balachá de Concepción*. Несмотря на неоднократное переименование столицы, один из ее районов и сегодня называется *Los Ángeles* (исп. «ангель»).

Мы предполагаем, что название горы *Monte Mitra* также можно отнести к группе религиозных топонимов Экваториальной Гвинеи. *Mitra* в переводе с испанского – «митра, головной убор в христианском богослужбном облачении». Католическая митра по форме напоминает остроконечную вершину. Вполне вероятно, что при виде горы у имятворцев возникли соответствующие ассоциации.

Озеро *Lago Claret*, по нашему предположению, – это религиозная аллюзия на орден кларетинцев. Кларетинцы, или кларетины (лат. *Congregatio Missionariorum Filiarum Immaculati Cordis Beatae Mariae Virginis*, CMF) – конгрегация миссионеров-сыновей Непорочного Сердца Блаженной Девы Марии – монашеская конгрегация Римско-католической церкви, основанная в 1849 г. в Каталонии. Конгрегация названа по имени основателя. Им был католический святой Антоний Мария Кларет (1807–1870). Официально кларетинцы были утверждены Ватиканом в 1870 году. Организация функционирует и по сей день. Так, в 2014 году в кон-

⁶ Считаем необходимым заметить, что на сегодняшний день карты некоторых даже крупных городов Экваториальной Гвинеи еще труднодоступны. Спутниковые системы помогают определить населенные пункты, дома и дороги, однако названия улиц и объектов на них не нанесены.

грегации состояли 3056 монаха, из них 2182 священника. Кларетинцам сегодня принадлежат 478 обителей в 56 странах ⁷.

Мы склонны считать ойконом *Calatrava* также религиозно-культурным топонимом, отталкиваясь о того факта, что Орден Калатравы – католический военный орден, существующий с XII века на территории Испании. Это первый католический орден на испанской земле, основанный цистерцианцами в Кастилии в 1157 году и утвержденный папой Александром III в 1164 году. Калатрава, имя мавританского замка на южной окраине Кастилии, отвоеванного кастильским королем Альфонсом VII в 1147 г., по нашему мнению, представляет собой топоним-мигрант на экваторо-гвинейской земле. Религиозными репликами также являются название города *Belén* (исп. «Вифлеем»), наименование фермы *Pascual* (исп. «пасхальная»), названия мысов *Punta de la Cruz* (исп. «крестовый мыс»), *Punta Salvador* (исп. «мыс Спасителя»).

Отметим, что в отличие от других колоний Испанской империи, где в благодарность миссионерам на карте оставлено много топонимов, их прославляющих (см., например, [Чеснокова, Мартыненко, 2019, С. 175]), религиозная топонимия Экваториальной Гвинеи не содержит коммеморативных единиц в память о священнослужителях. Это связано с недоверием местных племен к миссиям, таким, как, например Хуанола (исп. *Juanola*) 1888 г. или Валеро и Беренгер (исп. *Valero y Berenguer*) 1892 г. [Cabré, 2015. P. 73].

Дескриптивные топонимы, или топонимы-описания, с испанским компонентом, вопреки частой для испанских географических имен тенденции, не являются в Экваториальной Гвинее самой многочисленной группой. Однако всё же находим на карте единицы данного типа: хоронимы *Centro Sur* (исп. «центр юга»), *Bioko Norte* (исп. + фанг «северный Биоко»), *Bioko Sur* (исп. + фанг «южный Биоко»), ойконимы *Casablanca* (исп. «белый дом»), *Cono* (исп. «конус»), *Agua* (исп. «вода»), потамонимы *Río Campo* (исп. «река в поле»), *Río Carbonera* (исп. «угольная река»), *Arroyo Lomo* (исп. «ручей через горный хребет»), *Arroyo Pura* (исп. «чистый ручей»), *Río Aguas Negras* (исп. «река с черными водами»), *Arroyo Molo* (исп. «ручей с плотиной»), *Arroyo Nava* (исп. «ручей через долину»), инсулонимы *Cabo Dos Puntas* (исп. «двухконечный мыс»), *Punta del Paso* (исп. «мыс-переход»), *Punta del Palmar* (исп. «мыс с пальмовой рощей»), *Punta Negra* (исп. «черный мыс»), *Punta Corona* (исп. «мыс короны»), *Punta Guesa* (исп. «широкий мыс»), *Punta Cañones* (исп. «мыс каньонов»), *Punta del Frontón* (исп. «мыс на первой линии»), *Puerto Viejo Pier* (исп. + англ. «пирс в старом порту»), названия ферм *Estrada* (исп. «проселочная дорога»), *Del Pino* (исп. «у сосны»), *Las Coronas* (исп. «короны»), *La Hoz* (исп. «ущелье»), *Los Arcos* (исп. «арки»), *Del Pozo* (исп. «у колодца»).

Эмоционально окрашенные единицы говорят о том, что испанцы, прибывая в эти места, были полны надежд и радостных ожиданий. Об этом свидетельствуют название города *Esperanza* (исп. «надежда»), района столицы государства *Paraíso* (исп. «рай»), ручья *Arroyo Beso* (исп. «ручей поцелуя»), фермы *La Milagrosa* (исп. «чудесная»), фермы *Buena Esperanza* (исп. «добрая надежда»), фермы *Progreso* (исп. «прогресс»). Наличие мыса *Punta Soledad* (исп. «мыс одиночества») не влияет на общую тенденцию.

3.7. Трансформированные топонимы

В целом подчеркнем неискаженность состояния испаноязычных топоформантов, в котором они сохранились здесь в подавляющем большинстве до наших дней, в отличие от других колонизированных испанцами регионов (см., например, [Мартыненко, 2019, С. 162]). Географические названия сохранили не только свои морфологические формы, но и особенности испанской орфографической нормы (тильда, знак ударения). Однако у ряда единиц мы всё же обнаружили ошибки разного рода: *Arroyo Vien* (вместо *Bien* или *Bueno*), *Arroyo Tore* (вме-

⁷ The Hierarchy of the Catholic Church. URL: <http://www.catholic-hierarchy.org/diocese/dqcmf.html>; <http://www.claret.org/en/>.

сто *Torre*), *Arroyo Pura* (вместо *Puro*), *Hotel Bahia* (без значка ударения), *Baie Campo* (вместо *Bahía*) и др.

3.8. Оттопонимические дериваты

Местные жители называются в испанском языке обобщающим *катойконимом* *ecuato-guineanos*⁸. Также в регионе приняты к употреблению катойконимы *playero*, *fernandino* и *criollo*. Плайерос – это проживающие вдоль побережья этнические группы комбе/ндове, бухеба, бенга, бапуко, баленге и др. Фернандинос и креольос – потомки освобожденных рабов (креолов), проникшие на территорию полуострова Пунта-Фернанда; из их числа в конце XIX – начала XX вв. сформировалась гвинейская буржуазия. На острове Биоко доминируют представители этнической группы буби.

4. Выводы

За неполные 550 лет карта региона, известного сегодня как Экваториальная Гвинея, претерпевала постоянные изменения. Господство сменяющих друг друга европейских государств-колонизаторов сопровождалось фиксацией португальских, испанских и английских топонимов. После обретения независимости в 1968 г. внутригосударственная политика страны во многом была сосредоточена на возвращении к африканским корням и замене в 1970-х гг. названий объектов, данных во время колонизации страны, «подлинными», африканскими в ходе так называемой кампании «подлинности». Несмотря на указанные обстоятельства, топонимический корпус Экваториальной Гвинеи в 2020-х гг. содержит большое количество испаноязычных имен, часто демонстрирующих историю языковых контактов в виде гибридов с элементами из языков местных африканских племен. В силу особенностей климата и географического ландшафта, самую многочисленную группу испаноязычных топонимов региона составляют гидронимы (чаще гибриды с опорным композитом *Río* или *Arroyo*). К местным топонимическим особенностям относятся отсутствие религиозно-культурных топонимов в честь миссионеров, эмотивные единицы с мелиоративной коннотацией, испаноязычные названия ферм по именам владельцев и др. Отдельного изучения и описания требуют гидронимы Экваториальной Гвинеи ввиду фиксации ими исторических фактов, событий и имен выдающихся личностей. Данная статья представляет собой лишь начало долгого пути изучения топонимии этого активно развивающегося в экономическом аспекте государства. Создание топонимического словаря Экваториальной Гвинеи стало бы полезным для воссоздания исторических данных, дальнейшего развития национальной самоидентичности экваториальных гвинейцев и понимания общих империалистических тенденций государств-колонизаторов.

Список литературы

- Борисова А. А.** Функционирование английского и испанского языков в Тропической Африке (на примере Нигерии и Экваториальной Гвинеи): Дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2020. 250 с.
- Магидович И. П., Магидович В. И.** Очерки по истории географических открытий. В 5 т. М.: Просвещение, 1982. Т. 1. 288 с.
- Мартыненко И. А.** Топонимика Марианских островов: отражение колониального прошлого и современные тенденции развития // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 159–170.
- Найденова Н. С.** Испанский язык в Экваториальной Гвинее: социолингвистическое исследование // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 3. С. 136–144.

⁸ Русскоязычная калька *экваторгвинейцы* на данный момент не слишком популярна в качестве литературной и публицистической нормы, хотя нам она представляется очень удобной для функционирования в языке, благозвучной и должным образом именующей жителей данной местности.

- Наумов И. И.** Особенности национального варианта испанского языка в Экваториальной Гвинее: ВКР. СПб.: СПбГУ, 2017. 56 с.
- Сапрыкина О. А., Найденова Н. С.** Романские языки в Тропической Африке и постколониальный художественный дискурс: Монография. М.: Инфра-М, 2017. 106 с.
- Сон Л. П.** К проблеме типологии языковой вариативности испанского языка в эпоху глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 3. С. 201–206.
- Чеснокова О. С., Мартыненко И. А.** Испаноязычная топонимия Филиппин: структура и прагматика // Acta onomastica. 2019. № 2. С. 171–185.
- Bibang, J.** El Español Guineano – Interferencias, Guineanismos. Malabo, Centro Cultural Hispanoguineano, 2002, 64 p.
- Cabré, Y. A.** In the footsteps of Spanish colonialism in Morocco and Equatorial Guinea. The handling of cultural diversity and the socio-political influence of transnational migration. *African studies*, 2015, vol. 59, 271 p.
- Casado Fresnillo, C.** El léxico español de Guinea Ecuatorial como crisol de continentes. In: La lengua y la literatura española en África – Madrid: Ministerio de Educación y Cultura y Melilla: V Centenario de Melilla, 1998, p. 69–95.
- Castillo Barril, M.** La Influencia de Las Lenguas Nativas en el Español de la Guinea Ecuatorial. Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1966, 29 p.
- Chirilă, E. M.** Identidad Lingüística en Guinea Ecuatorial: Diglosia y Actitudes Lingüísticas ante el Español. Master's dissertation. Universitat Bergensis, Bergen, Norway, 2015, 122 p.
- Eneme Asumu, A.** ¿Cómo utilizamos la lengua española en Guinea Ecuatorial? *El Patio*. Centro Cultural Hispano Guineano, 2002, no. 75, p. 29–33.
- Gomashie, G. A.** Language Vitality of Spanish in Equatorial Guinea: Language Use and Attitudes. *Humanities*, 2019, no. 8(1), p. 33.
- González Echegaray, C.** Notas sobre el Español en África Ecuatorial. *Revista de Filología Española*, 1951, no. 35, p. 106–118.
- Granados, V.** Guinea: Del 'Falar Guinéu' al Español Ecuatoguineano. *Epos*. 1986, no. 2, p. 125–137.
- Granda Gutiérrez, G.** Perfil lingüístico de Guinea Ecuatorial. In: Homenaje a Luis Flórez: Estudios de Historia Cultural, Dialectología, Geografía Lingüística, Sociolingüística, Fonética, Gramática y Lexicografía. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1984, p. 119–195.
- Lipski, J. M.** The Spanish of Equatorial Guinea. *Arizona Journal of Hispanic Cultural Studies*, 2004, vol. 8, p. 115–130.
- Lipski, J. M.** ¿Existe un Dialecto "Ecuatoguineano" del Español? *Revista Iberoamericana*, 2014, no. 80, p. 865–882.
- Mohamadou, A.** Acercamiento al "Español frangolés", El Español Funcional de Guinea Ecuatorial. *CAUCE, Revista Internacional de Filología y su Didáctica*, 2008, no. 31, p. 213–29.
- Morgades, T.** Breve apunte sobre el español en Guinea Ecuatorial. In: El Español en el Mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2005. Madrid, Instituto Cervantes, 2005, p. 255–262.
- Nguen, I.** La creación semántica y léxica en el español de Guinea Ecuatorial. Tesis doctoral. Madrid, Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, 2007, 434 p.
- Nguen, I.** Las cuestiones del género y del número de los neologismos léxicos en el español de Guinea Ecuatorial. *Tonos Digital*, 2015, no. 28, p. 1–22.
- Nistal, G.** El caso del español en Guinea Ecuatorial. In: El Español en el Mundo: Anuario del Instituto Cervantes 2007. Madrid, Instituto Cervantes, 2007, p. 73–76.
- Nsue, C.** Guineanismos o Español de Guinea Ecuatorial. *Muntu*, 1986, no. 4–5, p. 265–268.
- Quilis, A., Casado Fresnillo, C.** La lengua española en Guinea Ecuatorial. Madrid, Universidad Nacional de Educación a Distancia, 1995, 694 p.
- Quilis, A., Casado-Fresnillo, C.** Fonología y Fonética de la Lengua Española Hablada en Guinea Ecuatorial. *Revue de Linguistique Romane*, 1992, no. 56, p. 71–89.

- Quilis, A.** Nuevos datos sobre la actitud de los ecuatoguineanos ante la lengua español. *Nueva Revista de Filología Hispánica*, 1988, no. 36, p. 719–731.
- Rosique, G. N.** El caso del español en Guinea Ecuatorial. In: *Enciclopedia del español en el mundo: anuario del Instituto Cervantes 2006–2007*. 2006, p. 73–76.
- Schlumpf, S.** Hacia el Reconocimiento del Español de Guinea Ecuatorial. *Estudios de Lingüística del Español*, 2016, № 37, p. 217–233.
- Sundiata, I. K.** Equatorial Guinea. Colonialism, state terror, and the search for stability. London and New York: Routledge, 2018, 182 p.
- Ueda, H.** Un estudio comparativo del léxico de Guinea Ecuatorial: Resultado de encuestas y clasificación. *La situación actual del español en África*. Actas del II Congreso Internacional de Hispanistas en África. Madrid, SIAL, 2006, p. 479–495.
- Vuskovich, M.** A Contrastive analysis of Spanish and Fang: an L2 approach to Equatorial Guinean Spanish as spoken in Bata city. Doctoral thesis. Washington, D. C., Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University, 2013, 226 p.

References

- Bibang, J.** El Español Guineano – Interferencias, Guineanismos. Malabo, Centro Cultural Hispanoguineano, 2002, 64 p.
- Borisova, A. A.** Functioning of English and Spanish in Tropical Africa (on the example of Nigeria and Equatorial Guinea). Doctoral thesis. Moscow, RUDN, 2020, 250 p. (In Russ.)
- Cabré, Y. A.** In the footsteps of Spanish colonialism in Morocco and Equatorial Guinea. The handling of cultural diversity and the socio-political influence of transnational migration. *African studies*, 2015, vol. 59, 271 p.
- Casado Fresnillo, C.** El léxico español de Guinea Ecuatorial como crisol de continentes. In: *La lengua y la literatura española en África – Madrid: Ministerio de Educación y Cultura y Melilla: V Centenario de Melilla*, 1998, p. 69–95.
- Castillo Barril, M.** La Influencia de Las Lenguas Nativas en el Español de la Guinea Ecuatorial. Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1966, 29 p.
- Chesnokova, O. S., Martynenko, I. A.** Hispanic place names of the Philippines: structure and pragmatics. *Acta onomastica*, 2019, no. 2, p. 171–185. (In Russ.)
- Chirilă, E. M.** Identidad Lingüística en Guinea Ecuatorial: Diglosia y Actitudes Lingüísticas ante el Español. Master's dissertation. Universitat Bergensis, Bergen, Norway, 2015, 122 p.
- Eneme Asumu, A.** ¿Cómo utilizamos la lengua española en Guinea Ecuatorial? *El Patio*. Centro Cultural Hispano Guineano, 2002, no. 75, p. 29–33.
- Gomashie, G. A.** Language Vitality of Spanish in Equatorial Guinea: Language Use and Attitudes. *Humanities*, 2019, no. 8(1), p. 33.
- González Echegaray, C.** Notas sobre el Español en África Ecuatorial. *Revista de Filología Española*, 1951, no. 35, p. 106–118.
- Granados, V.** Guinea: Del 'Falar Guinéu' al Español Ecuatoguineano. *Epos*. 1986, no. 2, p. 125–137.
- Granda Gutiérrez, G.** Perfil lingüístico de Guinea Ecuatorial. In: *Homenaje a Luis Flórez: Estudios de Historia Cultural, Dialectología, Geografía Lingüística, Sociolingüística, Fonética, Gramática y Lexicografía*. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1984, p. 119–195.
- Lipski, J. M.** The Spanish of Equatorial Guinea. *Arizona Journal of Hispanic Cultural Studies*, 2004, vol. 8, p. 115–130.
- Lipski, J. M.** ¿Existe un Dialecto "Ecuatoguineano" del Español? *Revista Iberoamericana*, 2014, no. 80, p. 865–882.
- Magidovich, I. P., Magidovich, V. I.** Essays on the history of geographical discoveries. In 5 vol. Vol. 1. Moscow: Education, 1982, 288 p. (in Russ.)
- Martynenko, I. A.** Toponymy of the Mariana Islands: Reflection of the Colonial Past and Modern Development Trends. *Political Linguistics*, 2019, no. 5(77), p. 159–170. (in Russ.)

- Mohamadou, A.** Acercamiento al “Espaguifrangles”, El Español Funcional de Guinea Ecuatorial. *CAUCE, Revista Internacional de Filología y su Didáctica*, 2008, no. 31, p. 213–29.
- Morgades, T.** Breve apunte sobre el español en Guinea Ecuatorial. In: *El Español en el Mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2005*. Madrid, Instituto Cervantes, 2005, p. 255–262.
- Naumov, I. I.** Features of the national variant of the Spanish language in Equatorial Guinea. Bachelor’s degree qualification work. Saint Petersburg, 2017, 56 p. (In Russ.)
- Naydenova, N. S.** Spanish in Equatorial Guinea: sociolinguistic research. *Bulletin of RUDN University*, 2014, no. 3, p. 136–144. (In Russ.)
- Nguen, I.** La creación semántica y léxica en el español de Guinea Ecuatorial. Tesis doctoral. Madrid, Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, 2007, 434 p.
- Nguen, I.** Las cuestiones del género y del número de los neologismos léxicos en el español de Guinea Ecuatorial. *Tonos Digital*, 2015, no. 28, p. 1–22.
- Nistal, G.** El caso del español en Guinea Ecuatorial. In: *El Español en el Mundo: Anuario del Instituto Cervantes 2007*. Madrid, Instituto Cervantes, 2007, p. 73–76.
- Nsue, C.** Guineanisms o Español de Guinea Ecuatorial. *Muntu*, 1986, no. 4–5, p. 265–268.
- Quilis, A., Casado Fresnillo, C.** La lengua española en Guinea Ecuatorial. Madrid, Universidad Nacional de Educación a Distancia, 1995, 694 p.
- Quilis, A., Casado-Fresnillo, C.** Fonología y Fonética de la Lengua Española Hablada en Guinea Ecuatorial. *Revue de Linguistique Romane*, 1992, no. 56, p. 71–89.
- Quilis, A.** Nuevos datos sobre la actitud de los ecuatoguineanos ante la lengua español. *Nueva Revista de Filología Hispánica*, 1988, no. 36, p. 719–731.
- Rosique, G. N.** El caso del español en Guinea Ecuatorial. In: *Enciclopedia del español en el mundo: anuario del Instituto Cervantes 2006–2007*. 2006, p. 73–76.
- Saprykina, O. A., Naydenova, N. S.** Roman languages in Tropical Africa and postcolonial artistic discourse: monograph. Moscow, Infra-M, 2017, 106 p. (In Russ.)
- Schlumpf, S.** Hacia el Reconocimiento del Español de Guinea Ecuatorial. *Estudios de Lingüística del Español*, 2016, № 37, p. 217–233.
- Son, L. P.** On typology of language variation of the Spanish language in the epoch of globalization. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history*, 2009, no. 3, p. 201–206. (In Russ.)
- Sundiata, I. K.** Equatorial Guinea. Colonialism, state terror, and the search for stability. London and New York: Routledge, 2018, 182 p.
- Ueda, H.** Un estudio comparativo del léxico de Guinea Ecuatorial: Resultado de encuestas y clasificación. *La situación actual del español en África. Actas del II Congreso Internacional de Hispanistas en África*. Madrid, SIAL, 2006, p. 479–495.
- Vuskovich, M.** A Contrastive analysis of Spanish and Fang: an L2 approach to Equatorial Guinean Spanish as spoken in Bata city. Doctoral thesis. Washington, D. C., Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University, 2013, 226 p.

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
26.01.2021*

Сведения об авторе / Information about the Author

Мартыненко Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия)

Irina A. Martynenko, PhD in Philology, associate professor, English language Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation)

irineta@rambler.ru

ORCID 0000-0002-9798-3378

Структурные модели терминологических словосочетаний для разметки корпуса научно-технических текстов

Ю. И. Бутенко^{1,2}, Н. С. Николаева¹, Т. Д. Маргарян¹

¹ *Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
Москва, Россия*

² *Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

Аннотация

В статье представлены структурные модели терминологических словосочетаний из предметной области «Сварка» как основа для создания автоматизированных средств разметки корпусов научно-технических текстов. Обозначено место корпусов научно-технических текстов в корпусной лингвистике и перспективы дальнейших научных исследований на их основе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания корпусов научно-технических текстов в целом и средств автоматической разметки терминов в частности. Обосновано, что в настоящее время основной проблемой при создании корпусов научно-технических текстов является автоматическая разметка терминологических словосочетаний. Проведен анализ современного состояния терминосистемы предметной области «Сварка». Представлены результаты анализа двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентных терминологических словосочетаний предметной области «Сварка», а также созданы и проиллюстрированы примерами их структурные модели. Обоснована необходимость исчисления всех возможных структурных моделей терминологических сочетаний. Усложнение структуры терминологического словосочетания чаще всего связано с усложнением структуры постпозитивного определения в зависимости от выражаемых им видовых особенностей. Новизна исследования видится в обеспечении теоретического базиса для формирования базы данных структурных моделей терминологических словосочетаний как основы надкорпусной базы данных о структуре многокомпонентных терминов для повышения качества автоматической разметки корпусов научно-технических текстов; также предложен подход к автоматической разметке многокомпонентных терминов на основе структурных моделей терминологических словосочетаний. Результат полезен также для обработки терминов-кандидатов при проведении корпусных исследований при последующем использовании корпусов научно-технических текстов.

Ключевые слова

термин, терминологическое словосочетание, структурная модель, разметка, корпус научно-технических текстов

Для цитирования

Бутенко Ю. И., Николаева Н. С., Маргарян Т. Д. Структурные модели терминологических словосочетаний для разметки корпуса научно-технических текстов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 45–56. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-45-56

Structural Models of Terminological Word Combinations for Marking up a Corpus of Scientific and Technical Texts

Iuliia I. Butenko^{1,2}, Natalia S. Nikolaeva¹, Tatiana D. Margaryan¹

¹ *Bauman Moscow State Technical University
Moscow, Russian Federation*

² *Peoples Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article presents structural models of terminological phrases from the subject area “Welding” as the basis for creating automated tools to mark up the corpus of scientific and technical texts. The place of scientific and technical corpora in corpus linguistics and the prospects for their further research are outlined. The relevance of the research stems from the need to create corpora of scientific and technical texts in general and to provide tools for automatic detection of terms in particular. It is substantiated that the main problem in designing such corpora is the automatic markup of terminological phrases. The analysis of the current state of the term system of the subject area “Welding” has been carried out. The results of the analysis of two-, three-, four- and five-component terminological phrases of “Welding” and their structural models are presented and illustrated by examples. The necessity of listing all possible structural models of terminological combinations has been substantiated too. It has been established that the addition of a new component to the basic terminological combination most often occurs with introduction of one more postpositional attribute whose function is to add some specific feature to the basic meaning. The novelty of the study is seen in providing a theoretical approach for the formation of a database of structural models of terminological phrases which may be used as a core of a supersource database on the structure of the multicomponent scientific and technical terms. An approach to automatic markup of multicomponent terms is proposed too. It will be also helpful in future corpus research for identification of candidate word combinations as scientific and technical terms.

Keywords

term, terminological phrase, structural model, markup, corpus of scientific and technical texts

For citation

Butenko, Iuliia I., Nikolaeva, Natalia S., Margaryan, Tatiana D. Structural Models of Terminological Word Combinations for Marking up a Corpus of Scientific and Technical Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 45–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-45-56

Введение

При проведении лингвистических исследований ручной сбор иллюстративного материала традиционно является трудоемким и дорогостоящим этапом работы. Использование электронных ресурсов, в частности электронных корпусов текстов, позволяет существенно сократить время на сбор информации или создание выборок для проведения исследования.

Сферы применения корпусов текстов включают автоматизированное извлечение информации, обучение на основе данных, текстовые поиски в крупномасштабных коллекциях текстов с использованием методов обработки естественного языка, автоматическую классификацию текстов, преподавание языков для специальных целей, проведение лингвистических исследований [Нагель, 2008. С. 53].

Корпус всегда проектируется для конкретной цели. На сегодняшний день существует множество корпусов русского языка, подробный обзор которых проведен в [Захаров, 2015. С. 20–65; Захаров, Богданова, 2020]. Распространенными являются корпуса, содержащие тексты художественной литературы, однако наличия корпусов, основанных исключительно на литературно-художественных произведениях, недостаточно для эффективного применения корпусной лингвистики в области лингвистических исследований.

В настоящее время в МГТУ им. Н. Э. Баумана ведутся исследования по разработке подходов, методов, алгоритмов и программных средств создания двунаправленного параллельного корпуса научно-технических текстов. Обработка текстов в параллельном корпусе осуществляется в два этапа: сначала размечают тексты на языке оригинала и на языке перевода каж-

дый отдельно, а затем устанавливают переводные соответствия между элементами этих текстов [Butenko, Garazha, 2021].

Тексты корпусов обычно размечаются для удобства пользования, т. е. текстам и содержащимся в них языковым единицам приписываются специальные метки. Размеченные корпуса обеспечивают специализированными поисковыми системами, реализующими грамматические и лексические виды поиска [Кружков, 2015. С. 141]. В зависимости от целей создания корпуса в него включают дополнительные виды разметки [Лесников, 2019. С. 28]. Для корпуса научно-технических текстов наибольшую значимость приобретает терминологическая разметка, так как именно термины выступают основным средством передачи информации.

Работа с корпусами научно-технических текстов требует особого инструментария для выявления устойчивых терминологических сочетаний. Среди наиболее распространенных методов выявления многокомпонентных терминов в текстах используют метод выявления устойчивых сочетаний, а также статистический и гибридный методы. В основе метода автоматического выявления устойчивых сочетаний лежит использование грамматики лексико-синтаксических шаблонов, представляющих собой структурные модели лингвистических конструкций. Статистический подход заключается в нахождении n -грамм по заданным частотным характеристикам. Гибридный подход для выделения терминологических сочетаний, объединяющий лингвистический и статистический методы, заключается в предварительном описании моделей, по которым могут быть построены термины, для последующего поиска их в корпусе. Внутри множеств однотипных синтаксических конструкций выполняется ранжирование в соответствии с той или иной статистической мерой [Захаров, Хохлова, 2012. С. 223].

Стоит отметить, что в настоящее время лексико-грамматические шаблоны многокомпонентных терминов создаются исследователями для каждого специализированного корпуса отдельно; существуют, например, шаблоны для корпусной лингвистики [Захаров, Хохлова, 2014. С. 187], информационной безопасности [Loukachevich, Dobrov, 2018. P. 185–187], нанотехнологии [Морев, 2012. С. 115–122] и др. В такой ситуации возникает необходимость в разработке специализированной технологии, позволяющей последовательно обрабатывать коллекции текстов разных предметных областей и фиксировать каждую модель многокомпонентного терминологического словосочетания в отдельной базе данных. М. Г. Кружков [2015. С. 152] предлагает использовать для обозначения таких специализированных баз данных термин «надкорпусные базы данных». Они позволяют, с одной стороны, использовать уже созданную базу структурных моделей терминологических словосочетаний, а с другой стороны, дополнять их новыми структурными моделями терминов с минимальными временными и человеческими затратами.

Целью статьи является описание русскоязычных структурных моделей терминологических сочетаний предметной области «Сварка» как основы надкорпусной базы данных о структуре терминов для автоматической разметки специализированных корпусов научно-технических текстов, а также разработка пробного подхода к автоматической разметке многокомпонентных терминов на ее основе.

Терминосистема предметной области «Сварка»

Зачатки современных терминологий зародились еще в древности. Являясь вербализованными результатами речемыслительной деятельности человека, термины проявляются как многофункциональные образования. Во-первых, с исторической точки зрения они представляют собой элементы когниции, т. е. отражают знания, зафиксированные в определенный момент развития той или иной отрасли. Во-вторых, термины могут способствовать развитию данной предметной области, иногда опережая ее состояние и вызывая теоретические и практические изыскания. В-третьих, выходя довольно часто за рамки языка для специальных це-

лей, термины представляют собой понятийные единицы для передачи знаний и опыта, накопленных в данной предметной сфере и вовне.

В условиях научно-технического прогресса отраслевые терминологии и терминосистемы представляют собой постоянно изменяющиеся информационные базы. Каждая вновь появляющаяся в настоящее время предметная область предполагает необходимость своей номинации. В связи с этим возникает существенный вопрос о том, являются ли принципы зарождения и развития терминов, формирования их структуры, а также их группировки в терминологии, хаотичными, т. е. специфичными для каждой терминологии, или же эти процессы подчиняются неким общим принципам, основополагающим законам [Николаева, 2011].

Для выявления устойчивых терминологических сочетаний и рассмотрения уже устоявшихся структурных моделей с последующей возможностью их разметки в корпусах научно-технических текстов была выбрана терминосистема предметной области «Сварка», которая является уже достаточно хорошо исследованной. Работы по упорядочению и унификации сварочной терминологии проводились почти на всем протяжении XX в. Первой попыткой ее систематизации стал «Бюллетень комиссии технической терминологии» под редакцией академика С. А. Чаплыгина и Д. С. Лотте, изданный в 1937 г. [Чаплыгин, Лотте, 1937]. Отвечая на вопрос о необходимости введения «основополагающего» закона, Д. С. Лотте ввел позднее понятие *правильноориентирующие термины*, т. е. те, семантика которых не вступает в противоречие с характером обозначаемого ими понятия [Лотте, 1961].

В 1960-е годы начался следующий этап в работе по унификации сварочной терминологии: появляется «Англо-русский словарь по сварочному производству» В. Т. Золотых и «Словарь-справочник по сварке» Т. В. Кулика, а в 1984 г. была проведена унификация имевшихся на то время терминов, результатом чего стал ГОСТ 2601-84 «Сварка металлов. Термины и определения основных понятий». В этом и последующих стандартах закреплялись термины, наиболее приемлемые по семантической полноте и формальной структуре; в нем же отмечались недопустимые для употребления термины.

Формальная структура термина как фактор эффективности разметки корпуса

подавляющее большинство терминов имеет формальную структуру лексических единиц того естественного языка, в сфере которого они функционируют и образуются [Лейчик, 1994. С. 169]. Ситуация осложняется, однако, тем, что сферы функционирования и образования не совпадают в случае заимствования термина или образования терминосочетаний на основе компонентов из разных языков. Термин может быть однокомпонентным и состоять из ключевого слова или представлять собой терминологическую группу, в состав которой входит ключевое слово или ядро группы, одно или несколько левых определений и одно или несколько правых или предложных определений, которые уточняют или модифицируют смысл терминологической единицы.

Наиболее сложное явление в процессе автоматической разметки терминов в корпусе научно-технических текстов представляют многокомпонентные термины – терминологические словосочетания, образованные лексическим и синтаксическим способами, то есть словосочетания, образованные по определенным моделям. Способ образования терминов в виде цепочки слов часто используется на практике [Лейчик, 1994. С. 169].

В основе анализа терминологических словосочетаний лежит вычленение исходного терминологического словосочетания и определение последовательности присоединения к нему остальных элементов. Исходным терминологическим словосочетанием, как правило, является двухкомпонентное субстантивное терминологическое словосочетание, которое в рамках трех-, четырехкомпонентного терминологического словосочетания характеризуется более тесными структурно-семантическими отношениями [Циткина, 1988. С. 84].

Таким образом, при создании системы автоматической разметки корпуса научно-технических текстов необходимо установить все возможные структурные модели русских многокомпонентных терминов на примере предметной области «Сварка».

Структурные модели русскоязычных терминологических единиц

При рассмотрении терминосистемы «Сварка» следует отметить присутствие **однокомпонентных** терминов, семантическое наполнение которых определяется наличием различных префиксов (заварка, наварка, подварка, приварка, проварка, сварка). Их малое количество в основном массиве свидетельствует о невысокой продуктивности данной модели терминообразования.

Более продуктивным способом номинации является образование составных терминов, состоящих из двух, трех и более компонентов. Скорее всего, данное явление связано с увеличением семантической дифференциации терминов и их мотивированности, что обусловлено развитием каждой отдельной предметной области сварки [Николаева, 2011].

Двухкомпонентные термины-словосочетания являются наиболее распространенным видом элементов исследуемой понятийной области в процентном отношении. Анализ их структуры показал наличие моделей, характерных для русского языка в целом и для русскоязычных терминологий и терминосистем в частности.

Чаще всего в данной понятийной области встречается атрибутивная модель, созданная по принципу «прилагательное (в функции препозитивного определения) + существительное». Преобладание такой модели обусловлено самой понятийной областью, в которой описывается способ защиты, материал или процесс, с помощью которого и происходит соединение материалов, т. е. сварка. Во всех схемах ядерным компонентом является термин «сварка» как родовой термин данной терминосистемы.

Характерной особенностью данной модели является различие в структуре определяющих элементов [Гринев-Гриневиц, 2020]. Большая их часть является простыми прилагательными. Но в массиве можно выделить существенную часть сложных прилагательных, имеющих в составе усеченные основы суффиксальных прилагательных (газовый – *газопрессовая сварка*, *газоэлектрическая сварка*; вибрационный – *вибродуговая сварка*; высокий – *высокочастотная сварка*; электрический – *электрохимическая сварка*, *электромеханическая сварка*, *электрошлаковая сварка*; электронный – *электроннолучевая сварка*). Следует отметить наличие сложных прилагательных, имеющих в составе основу числительного (*двухдуговая сварка*, *двухэлектродная сварка*; *многодуговая сварка*, *многоимпульсная сварка*, *многоэлектродная сварка*). Словообразовательные модели определяющих элементов двухкомпонентных словосочетаний включают и осново-, и словосложение, которые могут осуществляться как при помощи интерфикса -о- (аргон + о + дуга – *аргонодуговая сварка*; ацетилен + о + кислород – *ацетиленокислородная сварка*; импульсный (окончание отбрасывается, так как не является словообразующим) + о + дуга – *импульсно-дуговая сварка*; магнитный (окончание отбрасывается, так как не является словообразующим) + о + импульс – *магнитно-импульсная сварка*), так и с нулевым интерфиксом (*сварка-пайка*).

Другая модель с определением в качестве определяющего элемента строится по схеме «причастие + существительное» (*защищенная сварка*, *механизированная сварка*). Она является гораздо менее продуктивной, чем предыдущая и, возможно, может быть рассмотрена как ее разновидность, являясь также атрибутивным словосочетанием.

• Модель, образованная по схеме «существительное + существительное в творительном падеже» (*сварка взрывом*, *сварка трением*, *сварка лазером* (двухкомпонентная номинация, полученная при элиминации элемента «лучом» в трехкомпонентной – *сварка лучом лазера*), *сварка оплавлением*) встречается намного реже. Кроме того, эволюция терминологии пока-

зывает, что подобные термины преобразуются в синонимичные в соответствии с первой моделью. Так, например, *сварка лазером* в настоящее время заменена на *лазерную сварку*.

Трехкомпонентные терминологические словосочетания встречаются реже двухкомпонентных. Перечислим наиболее продуктивные структурные модели.

- «Прилагательное + прилагательное + существительное (ядерный элемент)»: *автоматическая точечная сварка, конденсаторная ударная сварка, точечная контактная сварка, лазерная гибридная сварка, электрическая контактная сварка*.

В качестве атрибутивного элемента в подобной конструкции может выступать, как и в двухкомпонентных образованиях, причастие (*комбинированная термитная сварка*).

- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + существительное в творительном падеже»: *газовая сварка плавлением, холодная сварка давлением, термитная сварка давлением, термитная сварка плавлением, стыковая сварка оплавлением, стыковая сварка сопротивлением, точечная сварка пистолетом*, где последний элемент, хотя формально и соответствует данной схеме, но семантически отличается – вместо процесса обозначен инструмент.

- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + наречие»: *кузнечная сварка вилку, кузнечная сварка внахлест, кузнечная сварка встык, кузнечная сварка вразруб, кузнечная сварка врасцеп*.

Менее продуктивными моделями являются:

- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + существительное в винительном падеже»: *высокочастотная сварка пластмасс*; хотя, возможно, данная структурная модель станет более популярной при разработке технологий сварки трудносвариваемых металлов, разнородных металлов и неметаллических материалов;

- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + существительное в предложном падеже»: *диффузионная сварка в вакууме, кузнечная сварка в штампе*.

По материалам лексикографических источников **четырёхкомпонентные** терминологические словосочетания встречаются чаще **трехкомпонентных**. Но практика применения стандартных рекомендованных терминов показывает, что в научных текстах по данной предметной области нередко элиминируется первый – родовой – компонент, что превращает словосочетания в **трехкомпонентные** варианты полных стандартных терминов: *дуговая сварка голой проволокой – сварка голой проволокой: дуговая сварка штучными электродами – сварка штучными электродами*.

Наиболее продуктивной структурной моделью является модель «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + прилагательное + существительное в творительном падеже» (*аргонодуговая сварка вольфрамовым электродом, аргонодуговая сварка неплавящимся электродом, аргонодуговая сварка металлическим электродом, аргонодуговая сварка плавящимся электродом*).

Другие выявленные структуры являются гораздо менее продуктивными и их встречаемость в общем массиве немногочисленна.

- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + прилагательное + существительное в творительном падеже (с предлогом «с»)»: *дуговая сварка с магнитным флюсом, газоэлектрическая сварка с магнитным флюсом, кузнечная сварка с контактным нагревом*.

- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + прилагательное + существительное в предложном падеже»: *газопрессовая сварка в пластическом состоянии*.

- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + существительное в предложном падеже + существительное в родительном падеже»: *дуговая сварка в среде гелия*.

- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + существительное в творительном падеже (с предлогом) + существительное в родительном падеже»: *контактная сварка с накоплением энергии*.

- «Прилагательное + прилагательное + существительное (ядерный элемент) + существительное в творительном падеже (с предлогом)»: *автоматическая дуговая сварка под флюсом.*
- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + существительное в творительном падеже + существительное в творительном падеже (с предлогом)»: *стыковая сварка оплавлением с осадкой.*
- «Прилагательное + существительное (ядерный элемент) + распространенное обособляемое определение, выраженное причастным оборотом»: *кузнечная сварка, выполняемая вручную.*

При анализе структуры выявленных **пятикомпонентных** терминологических словосочетаний прослеживаются следующие модели:

- «прилагательное + прилагательное + существительное (ядерный элемент) + (прилагательное + существительное в творительном падеже)»: *автоматическая дуговая сварка покрытым электродом;*
- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + (существительное в творительном падеже (с предлогом) + прилагательное + существительное в творительном падеже)»: *газопрессовая сварка с нагревом ацетиленокислородным пламенем;*
- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + (существительное в творительном падеже (с предлогом) + прилагательное + существительное в родительном падеже)»: *газовая сварка с расплавлением свариваемых кромок;*
- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + (прилагательное + прилагательное + существительное в творительном падеже)»: *дуговая сварка газообразующей электродной проволокой;*
- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + (прилагательное + существительное в творительном падеже (с предлогом) + существительное в родительном падеже)»: *дуговая сварка с поперечными колебаниями электрода, точечная сварка с интенсивным охлаждением электродов, многоточечная сварка с поочередным зажатием электродов;*
- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + (существительное в творительном падеже + существительное в родительном падеже + существительное в родительном падеже)»: *дуговая сварка методом опирания электрода;*
- «прилагательное + существительное (ядерный элемент) + (распространенное обособляемое определение, выраженное трехкомпонентным причастным оборотом)»: *кузнечная сварка, выполняемая под молотом или прессом.*

Подход к автоматическому выделению терминов-кандидатов на основе структурных моделей

Предлагаемый подход к автоматической разметке терминов на основе надкорпусной базы структурных моделей терминологических словосочетаний состоит из пяти основных этапов. В качестве примера рассмотрим терминологическую разметку для следующего фрагмента текста:

Дуговая сварка неплавящимся электродом в защитной атмосфере инертного газа – метод дуговой сварки, который используется для сварки алюминия, магния и их сплавов, нержавеющей стали, никеля, меди, бронзы, титана, циркония и других ферромагнитных металлов.

На **первом этапе** производится автоматический морфологический анализ текста, то есть каждому слову приписывается часть речи, род, число, падеж и др. В качестве примера ниже представлен морфологический анализ, выполненный при помощи инструментов сайта www.textovod.ru. Результат анализа имеет следующий вид:

Дуговая ^{ПРИЛ жр,ед,им} сварка ^{СУЩ,неод,жр ед,им} неплавящимся ^{ПРИЛ мр,ед,тв} электродом ^{СУЩ,неод,мр ед,тв}
в ^{ПР} защитной ^{ПРИЛ,кач жр,ед,тв} атмосфере ^{СУЩ,неод,жр ед,пр} инертного ^{ПРИЛ,кач мр,ед,рд} газа ^{СУЩ,неод,жр,sg,гео}

ед,им — ЗНР метод СУЩ,неод,мр ед,им дуговой ПРИЛ мр,ед,им сварки СУЩ,неод,жр ед,рд ЗНР который ПРИЛ,мест-п,субст?,Анаф мр,ед,им используется ГЛ,несов,неперех ед,зл,наст,изъяв для ПР сварки СУЩ,неод,жр ед,рд алюминия СУЩ,неод,мр ед,рд ЗНР магния СУЩ,неод,мр ед,рд и СОЮЗ их МС,зл,Анаф мн,рд сплавов СУЩ,неод,мр мн,рд ЗНР нержавеющей ПРИЛ жр,ед,рд стали ГЛ,сов,неперех мн,прош,изъяв ЗНР никеля СУЩ,неод,мр ед,рд ЗНР меди СУЩ,неод,жр ед,рд ЗНР бронзы СУЩ,неод,жр ед,рд ЗНР титана СУЩ,неод,мр ед,рд ЗНР циркония СУЩ,неод,мр ед,рд и СОЮЗ других ПРИЛ,мест-п,субст? мн,рд неферромагнитных ПРИЛ мн,рд металлов СУЩ,неод,мр мн,рд ЗНР

На **втором этапе** из размеченного текста необходимо убрать части речи (см. зачеркнутые единицы), которые не входят в состав терминологических словосочетаний, такие как глаголы, местоимения, междометия и т. д. (в том числе знаки препинания):

Дуговая ПРИЛ жр,ед,им сварка СУЩ,неод,жр ед,им ~~неплавящимся~~ ПРИЛ мр,ед,тв электродом СУЩ,неод,мр ед,тв в ПР защитной ПРИЛ,кач жр,ед,тв атмосфере СУЩ,неод,жр ед,пр инертного ПРИЛ,кач мр,ед,рд газа СУЩ,неод,жр,sg,geo ед,им — ЗНР метод СУЩ,неод,мр ед,им дуговой ПРИЛ мр,ед,им сварки СУЩ,неод,жр ед,рд ЗНР ~~который~~ ПРИЛ,мест-п,субст?,Анаф мр,ед,им ~~не используется~~ ГЛ,несов,неперех ед,зл,наст,изъяв для ПР сварки СУЩ,неод,жр ед,рд алюминия СУЩ,неод,мр ед,рд ЗНР магния СУЩ,неод,мр ед,рд и СОЮЗ их МС,зл,Анаф мн,рд сплавов СУЩ,неод,мр мн,рд ЗНР нержавеющей ПРИЛ жр,ед,рд ~~стали~~ ГЛ,сов,неперех мн,прош,изъяв ЗНР никеля СУЩ,неод,мр ед,рд ЗНР меди СУЩ,неод,жр ед,рд ; ЗНР бронзы СУЩ,неод,жр ед,рд ; ЗНР титана СУЩ,неод,мр ед,рд ; ЗНР циркония СУЩ,неод,мр ед,рд и СОЮЗ других ПРИЛ,мест-п,субст? мн,рд неферромагнитных ПРИЛ мн,рд металлов СУЩ,неод,мр мн,рд ЗНР

После удаления любого из элементов, не входящих в состав терминологического словосочетания, следующая цепочка слов начинается с новой строки. В результате обработки рассматриваемого фрагмента текста на втором этапе получаем следующий список терминов-кандидатов:

Дуговая ПРИЛ жр,ед,им сварка СУЩ,неод,жр ед,им неплавящимся ПРИЛ мр,ед,тв электродом СУЩ,неод,мр ед,тв в ПР защитной ПРИЛ,кач жр,ед,тв атмосфере СУЩ,неод,жр ед,пр инертного ПРИЛ,кач мр,ед,рд газа СУЩ,неод,жр,sg,geo ед,им метод СУЩ,неод,мр ед,им дуговой ПРИЛ мр,ед,им сварки СУЩ,неод,жр ед,рд для ПР сварки СУЩ,неод,жр ед,рд алюминия СУЩ,неод,мр ед,рд магния СУЩ,неод,мр ед,рд сплавов СУЩ,неод,мр мн,рд нержавеющей ПРИЛ жр,ед,рд никеля СУЩ,неод,жр ед,рд меди СУЩ,неод,жр ед,рд бронзы СУЩ,неод,жр ед,рд титана СУЩ,неод,мр ед,рд циркония СУЩ,неод,мр ед,рд неферромагнитных ПРИЛ мн,рд металлов СУЩ,неод,мр мн,рд

На **третьем этапе** однокомпонентные термины-кандидаты автоматически переходят сразу на пятый этап, а для словосочетаний еще необходимо выполнить проверку на соответствие ряду дополнительных формальных и семантических условий. Так, например, терминологическое словосочетание в своей исходной форме не может начинаться с предлога, и программа должна уметь отделять его: для ПР сварки СУЩ,неод,жр ед,рд алюминия СУЩ,неод,мр ед,рд; или же после прилагательного может следовать семантически связанное существительное, нержавеющей ПРИЛ жр,ед,рд. В первом случае предлог подлечит автоматическому исключению из терминологического словосочетания, а во втором, наоборот, слово, следующее после анализируемого, нужно добавить, чтобы сформировать полную словарную внеконтекстуальную структуру терминологического словосочетания.

На **четвертом этапе** происходит сравнение полученных таким образом словосочетаний со структурными (образцовыми, эталонными) моделями терминологических словосочетаний.

в ^{ПР} Дуговая ^{ПРИЛ жр,ед,им} сварка ^{СУЩ,неод,жр ед,им} неплавящимся ^{ПРИЛ мр,ед,тв} электродом ^{СУЩ,неод,мр ед,тв}
^{ед,им} защитной ^{ПРИЛ,кач жр,ед,тв} атмосфере ^{СУЩ,неод,жр ед,пр} инертного ^{ПРИЛ,кач мр,ед,рд} газа ^{СУЩ,неод,жр,sg,geo}
 метод ^{СУЩ,неод,мр ед,им} дуговой ^{ПРИЛ мр,ед,им} сварки ^{СУЩ,неод,жр ед,рд}
 сварки ^{СУЩ,неод,жр ед,рд} алюминия ^{СУЩ,неод,мр ед,рд}
 нержавеющей ^{ПРИЛ жр,ед,рд} стали ^{ГЛ,сов,неперех мн,прош,изъяв}
 ферромагнитных ^{ПРИЛ мн,рд} металлов ^{СУЩ,неод,мр мн,рд}

На пятом этапе каждое словосочетание проверяется по терминологическому словарю, а оставшиеся нераспознанными словосочетания передаются на ручную разметку:

в ^{ПР} Дуговая ^{ПРИЛ жр,ед,им} сварка ^{СУЩ,неод,жр ед,им} неплавящимся ^{ПРИЛ мр,ед,тв} электродом ^{СУЩ,неод,мр ед,тв}
^{ед,им} защитной ^{ПРИЛ,кач жр,ед,тв} атмосфере ^{СУЩ,неод,жр ед,пр} инертного ^{ПРИЛ,кач мр,ед,рд} газа ^{СУЩ,неод,жр,sg,geo}
 сварки ^{СУЩ,неод,жр ед,рд} алюминия ^{СУЩ,неод,мр ед,рд}
 нержавеющей ^{ПРИЛ жр,ед,рд} стали ^{ГЛ,сов,неперех мн,прош,изъяв}

Таким образом, в рассмотренном примере из 12 терминов-кандидатов только 4 передаются на ручную разметку. Это значит, что эффективность автоматической разметки равна здесь около 66,5 %, что позволяет надеяться на значительное уменьшение доли ручного труда при масштабной разметке корпуса научно-технических текстов. При этом мы считаем, что каждый автоматически выявленный термин, соответствующий структурным моделям, но не содержащийся в словаре терминов корпуса, должен проходить дополнительную ручную разметку.

Заключение

Итак, для реализации проекта по автоматической разметке корпусов научно-технических текстов появилась необходимость в выборе достаточно устоявшегося массива терминов, который мог бы продемонстрировать характерные структурные образования, присущие развитым терминологиям и особенно терминосистемам. В качестве такого устоявшегося массива была выбрана терминосистема предметной области «Сварка», которая, с одной стороны, имеет давнюю историю формирования, лексикографического описания и изучения, а с другой стороны, является относительно молодой, поскольку основной этап ее наполнения пришелся на XX в., что упрощает процедуры подбора и анализа терминов. В связи с тем, что терминосистема этой предметной области достаточно хорошо изучена, а сама она стандартизирована, она может стать надежной основой для создания в близкосрочной перспективе особой *надкорпусной* базы данных, описывающей структурные модели терминологических словосочетаний предметной области «Сварка» и требующей инструментов их разметки.

Рассмотрев формальную структуру элементов терминосистемы «Сварка», мы выявили, что ее наиболее частотной и, вероятно, продуктивной структурно-семантической моделью является сочетание опорного ядерного существительного с именем прилагательным в позиции препозитивного определения с функцией передачи вариативного предметного расширения семантики опорного предметного существительного. Наиболее явно и устойчиво данная синтаксическая модель функционирует в случае двухкомпонентных словосочетаний, но анализ более сложных образований показывает, что модель «с левым определением, присоединенным к предметно-семантическому – родовому – ядру термина» присутствует и в них, демонстрируя связанные родовые признаки. Однако дальнейшее семантическое развитие терминологического словосочетания чаще всего происходит справа от опорного компонента по мере усложнения семантики постпозитивного определения (или определений), несущего в себе видовые особенности. На основе этих структурных и семантических особенностей, свойственных описанным моделям терминологических словосочетаний, в статье предложен подход к автоматической разметке многокомпонентных терминов. В частности, надкорпус-

ная база, идея создания которой защищается авторами на примере терминосистемы «сварка», может быть использована для автоматической разметки научно-технических текстов самых разных предметных областей. Перспективой дальнейшего исследования является разработка методов автоматического определения ядерного элемента терминологических словосочетаний, разбиения терминов, состоящих из пяти и более компонентов, на сочетания двух и более терминов, а также способы отсеивания общеупотребительных слов с оценочной или внепредметной семантикой (*современный, передовой, новый* и т. п.).

Список литературы

- Захаров В. П.** Корпуса русского языка // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Т. 6. С. 20–65.
- Захаров В. П., Богданова С. Ю.** Корпусная лингвистика: учебник. 3-е изд., перераб. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. 234 с.
- Захаров В. П., Хохлова М. В.** Автоматическое извлечение терминов из специальных текстов с использованием дистрибутивно-статистического метода как инструмент создания тезаурусов // Структурная и прикладная лингвистика. 2012. № 9. С. 222–233.
- Захаров В. П., Хохлова М. В.** Автоматическое выявление терминологических словосочетаний // Структурная и прикладная лингвистика. 2014. № 10. С. 182–200.
- Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А.** Опыт описания формальной структуры термина (на материале английской терминологии лексикологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2020. № 5. С. 74–85. DOI 10.18384/2310-712X-2020-5-74-85
- Кружков М. Г.** Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: электронные корпуса текстов // Системы и средства информатики. 2015. Т. 25, № 2. С. 140–159.
- Лейчик В. М.** Исходные понятия, основные положения, определения современного терминоведения и терминографии // Вестник Харьковского политехнического университета. 1994. № 1. С. 147–180.
- Лесников В. С.** Виды разметок текстовых корпусов русского языка // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2019. № 9. С. 27–30.
- Лотте Д. С.** Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
- Морев Н. А.** К проблеме лингвистического анализа терминологии в области нанотехнологий (о необходимости разработки исследовательского корпуса терминологических единиц) // Вестник МГЛУ. 2012. № 13 (646). С. 115–124.
- Нагель О. В.** Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура, 2008. № 4. С. 53–59.
- Николаева Н. С.** Особенности происхождения основных терминов терминосистемы «Сварка» (на материале английской и русской терминологий) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 132–138.
- Циткина Ф. А.** Терминология и перевод. Львов: Высшая школа, 1988. 157 с.
Терминология сварки металлов / Под ред. С. А. Чаплыгина, Д. С. Лотте. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 31 с.
- Butenko Iu. I., Garazha V. V.** BMSTU Corpus of Scientific and Technical Texts: Conceptual Framework. *Applied Linguistics Research Journal*, 2021, vol. 5(3), p. 76–81. DOI 10.14744/alrj.2021.15579
- Loukachevitch N., Dobrov B.** Ontological Resources for Representing Security Domain in Information-Analytical System. *Open Semantic Technologies for Intelligent Systems Design*, 2018. № 8. P. 185–191.

References

- Butenko Iu. I., Garazha V. V.** BMSTU Corpus of Scientific and Technical Texts: Conceptual Framework. *Applied Linguistics Research Journal*, 2021, vol. 5 (3), p. 76–81. DOI 10.14744/alrj.2021.15579.
- Citkina F. A.** Terminologija i perevod [Terminology and translation]. Lvov, Vysshaja shkola, 1988, 157 p.
- Grinev-Grinevich S. V., Sorokina Je. A.** Describing the formal structure of a term (based on the english terminology of lexicology). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika*, 2020, no. 5, p. 74–85. (in Russ.)
- Kruzhkov M. G.** Information resources for contrastive studies: electronic text corpora. *Systems and means of informatics*, 2015, no. 25 (2), p. 140–159. (in Russ.)
- Lejchik V. M.** Iskhodnye ponyatiya, osnovnye polozheniya, opredeleniya sovremennogo terminovedeniya i terminografii [Basic concepts, basic provisions, definitions of modern terminology and terminography]. *Vestnik Har'kovskogo politekhnicheskogo universiteta*, 1994, vol. 1, p. 147–180. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** The types of marking of text corpora of the Russian language. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya 2. Informacionnye processy i sistemy*, 2019, vol. 9, p. 27–30. (in Russ.) DOI 10.36535/0548-0027-2019-09-4
- Lotte D. S.** *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Fundamentals of building scientific and technical terminology]. Moscow Izdatel'stvo AN SSSR, 1961, 158 p. (in Russ.)
- Loukachevitch N., Dobrov B.** Ontological Resources for Representing Security Domain in Information-Analytical System. *Open Semantic Technologies for Intelligent Systems Design*, 2018, vol. 8, p. 185–191.
- Morev N. A.** K probleme lingvisticheskogo analiza terminologii v oblasti nanotekhnologij (o neobходимости разработки issledovatel'skogo korpusa terminologicheskikh edinic) [On the Problem of Linguistic Analysis of Nanotechnology Terminology (On the Need to Develop a Research Corpus of Terminological Units)]. *Vestnik MGLU*, 2012, no. 13 (646), p. 115–124.
- Nagel O. V.** Corpus linguistics and its use in computer-based language teaching. *Language and culture*, 2008, no. 4, p. 53–59 (in Russ.)
- Nikolaeva N. S.** Osobennosti proiskhozhdeniya osnovnyh terminov terminosistemy “Svarka” (na materiale anglijskoj i russkoj terminologii) [Peculiarities of origin of the basic terms of the “Welding” system (on the material of English and Russian terminology)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2011, no. 1, p. 132–138. (in Russ.)
- Terminologija svarki metallov [Terminology of metal welding]. Eds. S. A. Chaplygina, D. S. Lotte. Moscow, AS USSR, 1937, 31 p. (in Russ.)
- Zaharov V. P.** Russian corpora. *Trudy instituta russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2015, vol. 6, p. 20–65. (in Russ.)
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V.** Automatic extracting of terminological phrases. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*, 2014, vol. 10, p. 182–200. (in Russ.)
- Zakharov, V. P., Bogdanova, S. Yu.** Methods in Corpus Linguistics: Course book. 3rd revised ed. St. Petersburg, SPb University Press, 2020, 234 p. (in Russ.)
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V.** Automatic term extraction and statistical analysis in a special text corpus as a tool for thesaurus construction. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*, 2019, no. 9, p. 222–233. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

11.01.2021

Сведения об авторах / Information about the Authors

Бутенко Юлия Ивановна, канд. тех. наук, доцент кафедры «Романо-германские языки» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (Москва, Россия); ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Iuliia I. Butenko, candidate of technical sciences, associate professor, department of Romance-Germanic languages, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation); assistant professor of Foreign Languages Department, Peoples Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

iubutenko@bmstu.ru

ORCID 0000-0002-9776-5709

Николаева Наталия Сергеевна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры «Английский для машиностроительных специальностей», Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Москва, Россия)

Natalia S. Nikolaeva, candidate of philological sciences, associate professor, department of English for machine building specialties, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

natalynic@yandex.ru

ORCID 0000-0001-6230-8340

Маргарян Татьяна Дмитриевна, канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой «Английский для машиностроительных специальностей», Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Москва, Россия)

Tatiana D. Margaryan, candidate of historical sciences, associate professor, head of English for machine building specialties department, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

sunnymood77@hotmail.com

ORCID 0000-0002-1645-1215

Автоматическое обнаружение и исправление деривационных ошибок в письменной речи на русском как иностранном

А. С. Выренкова, И. Ю. Смирнов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Учебные корпуса представляют собой один из наиболее ценных источников статистических данных об ошибках учащихся. Например, информация из корпусов учащихся, которые изучают язык как иностранный, используется для исследований в области усвоения второго языка [Granger, 1996]. Однако достоверность содержащихся в корпусах данных зависит от качества разметки ошибок, которая чаще всего выполняется вручную и, таким образом, представляет собой трудоемкую и кропотливую процедуру для аннотаторов. Чтобы облегчить процесс разметки, в корпусах используются дополнительные инструменты, в частности спеллчекеры. В данной статье основное внимание уделяется созданию системы автоматического поиска и исправления словообразовательных ошибок. Этот тип ошибок, почти никогда не возникающий у взрослых носителей русского языка, но появляющийся у изучающих русский язык как иностранный [Chernigovskaya, Gor, 2000], был выбран потому, что их исправление вызывает большие сложности у существующих спеллчекеров. В рамках работы на материале Русского учебного корпуса (Russian Learner Corpus, <http://www.web-corpora.net/RLC/>) было протестировано два подхода, помогающих в решении данной проблемы. Первый, который основывается на принципе конечных автоматов [Dickinson, Hering, 2008], имеет целью обнаружить морфологические нарушения в текстах изучающих русский как иностранный. Второй, в основе работы которого лежит модель шумного канала [Brill and Moore, 2000], обеспечивает исправление выявленных ошибок. После тестирования эффективности этих двух подходов с учетом результатов их работы была предложена собственная система автокоррекции словообразовательных ошибок. В ней используются алгоритм обнаружения морфологических ошибок из подхода Dickinson, Hering и модель Continuous Bag of Words FastText, которая основывается на теории дистрибутивной семантики [Harris, 1954]. В дополнение к ним вводятся правила исправления для распространенных случаев словотворчества, а также словарь парадигм для приведения слова к той грамматической форме, в которой было употреблено исправляемое слово. Результаты работы авторской системы были апробированы на данных Русского учебного корпуса и показали свою валидность.

Ключевые слова

словообразовательные ошибки, словотворчество, машинное обучение, автоматическое обнаружение ошибок, автоматическое исправление ошибок, русский как иностранный, учебный корпус, разметка

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Для цитирования

Выренкова А. С., Смирнов И. Ю. Автоматическое обнаружение и исправление деривационных ошибок в письменной речи на русском как иностранном // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 57–68. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-57-68

A New Approach to Automatic Detection and Correction of Derivational Errors in L2 Russian

Anastasia S. Vyrenkova, Ivan Yu. Smirnov

*HSE University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Learner corpora serve as one of the most valuable sources of statistical data on learners' errors. For instance, data from foreign-language learners' corpora can be used for the Second Language Acquisition research. However, corpora representativity strongly depends on the quality of its error markup, which is most frequently carried out manually and thus presents a time-consuming and painstaking routine for the annotators. To make annotation process easier, additional tools, such as spellcheckers, are usually used. This paper focuses on developing a program for automatic correction of derivational errors made by learners of Russian as a foreign language. Derivational errors, which are not common for adult Russian native speakers (L1), but occur quite often in written texts or speech of Russian as foreign language learners (L2) [Chernigovskaya, Gor, 2000], were chosen as scope of our research because correction of such mistakes presents a formidable challenge for existing spellcheckers. Using the data from the Russian Learner Corpus (<http://www.web-corpora.net/RLC/>), we tested two already existing approaches to solve such kind of problems. The first one is based on a finite state automaton principle developed by Dickinson and Herring 2008, and it was tested as algorithm for derivational errors detection. The second one which relies on the Noisy Channel model by Brill and Moore, 2000, was used for studying errors correction. After we analyzed effectiveness of these tests, we developed our own system for autocorrection of derivational errors. In our program the algorithm of Dickinson and Herring was used as word-formation error detection module. The Noisy Channel model has been rejected, and we decided to use instead the Continuous Bag of Words FastText model, based on Harris distributional semantics theory [1954]. In addition, filtering rules have been developed for correcting frequent errors that the model is unable to handle. To restore automatically the correct grammatical word form, dictionary of word paradigms is used. Model results were validated on the data of Russian Learner Corpus.

Keywords

derivational errors, machine learning, automatic error detection, automatic error correction, Russian as a foreign language, learner corpus, corpus annotation

Acknowledgements

Research has been completed as a part of the Higher School of Economics Basic Research Program

For citation

Vyrenkova, Anastasia S., Smirnov, Ivan Yu. A New Approach to Automatic Detection and Correction of Derivational Errors in L2 Russian. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 57–68. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-57-68

1. Введение

Учебные корпуса неродной речи представляют собой систематизированную электронную коллекцию устных и письменных текстов, порожденных носителями языка [Копотев, 2014]. Очевидно, что они предназначены для исследователей и преподавателей L2 [Granger, 2017], однако сегодня как отдельное направление развивается проблематика автоматической обработки естественного языка, также использующая данные, порожденные носителями [Rudzewitz et al., 2018]. В рамках этого направления, тесно связанного с моделями машинного обучения, для решения задач определения родного языка автора [Jarvis, Raquet, 2015], автоматической идентификации ошибок [Leacock et al., 2014] в качестве обучающего и тестового материала как раз используются данные учебных корпусов, созданных на речевом материале изучающих язык, в частности русский, как иностранный.

Чтобы учебный корпус соответствовал поставленным выше задачам, он должен отвечать нескольким требованиям. Во-первых, содержать большой объем аннотированных текстов. Во-вторых, гарантировать достоверность разметки предоставляемых корпусом данных: аннотация в нем должна быть корректной и следовать единым правилам, соблюсти которые в случае коллективной ручной разметки – к тому же крайне трудозатратной – очень сложно. Поэтому в решении вопроса достоверности часто используются системы автокоррекции, так

называемые спеллчекеры, которые помогают повысить качество и скорость разметки, автоматически исправляя ошибки, или же в случае затруднения предлагают выбрать ручную правильный вариант из ограниченного списка возможных решений.

Актуальная проблема состоит в том, что спеллчекеры еще не способны исправлять все типы ошибок студентов L2, поскольку их модели работы ориентированы на отклонения, аналогичные ошибкам носителей языка (L1). В частности, значительную сложность представляют для них словообразовательные ошибки. Причина носит прагматический характер и состоит в том, что, во-первых, носители их почти не допускают, и, следовательно, их нет в обучающих сетах моделей, а во-вторых, сказывается и то, что расстояние Левенштейна от правильного варианта оказывается в этом случае больше, чем при других типах ошибок. При ручной разметке деривационные ошибки тоже вызывают трудности, так как, несмотря на высокую системность словообразовательных моделей, она не абсолютна, и это вызывает объективные проблемы, выражающиеся в смешении ошибок разных типов.

Цель статьи состоит в том, чтобы предложить более надежный способ автоматической коррекции отступлений от словообразовательной морфологической нормы. Для решения указанной проблемы мы сначала протестировали на материале текстов Русского учебного корпуса¹ алгоритм по обнаружению морфологических ошибок, дополненный системой автоисправления. Эта система основывается на предобученной модели шумного канала; она показала лучший результат среди общедоступных спеллчекеров на соревновании по исправлению ошибок в русскоязычных текстах из социальных интернет-медиа. Проанализировав результаты работы алгоритма и модели, мы предложили собственную систему для выполнения этой задачи.

2. Данные

2.1. Русский учебный корпус

В качестве данных при разработке программы используются тексты Русского учебного корпуса (RLC). Русский учебный корпус представляет собой текстовую коллекцию, в которую входят примеры устной и письменной речи двух нестандартных категорий носителей русского языка: к первой относятся те, кто изучает русский как иностранный (L2), ко второй – так называемые «эритажные» носители, то есть естественные билингвы, которые социализировались в языковой среде неродного языка (L2), но используют родной язык (L1) дома как семейный [Valdes, 2000].

RLC включает в свой состав учебные тексты, например, эссе, сочинения, ответы на вопросы, которые могли быть написаны в условиях временного ограничения или же без такового. Соответственно, теги, используемые для разметки ошибок в этом корпусе, разделены на пять групп: орфографические, морфологические, лексические, синтаксические, ошибки в конструкциях. Ошибки словообразования, то есть деривационные ошибки, автоматическое распознавание которых является предметом исследования в настоящей работе, относятся к категории морфологических. В практических целях в настоящей работе мы рассматриваем ошибки формо- и словообразования в корневых морфемах, префиксах и суффиксах как деривационные.

Например:

(1) *Я познакомаю с новыми друзьями, пугушествоваю по миру, и провожу время на моем личном исскустве – кулинария.*

2.2. Словообразовательные ошибки

Все размеченные деривационные ошибки были выгружены из корпуса в формате csv-таблицы, где единичным входением является случай разметки аннотатора. Таких случаев оказалось 500.

¹ URL: <http://www.web-corpora.net/RLC/>.

Таблица 1

Пример таблицы, выгруженной из Русского учебного корпуса

Table 1

An example of a table downloaded from the Russian Learner Corpus

Оригинальный текст Original Academic Text	Слово с ошибкой Quote	Норма Correction	Разметка Tags
И читая разные статьи о ресторанах в том городе или о жизни экпатов, я поняла, что по всему миру американцы ищут мексиканскую еду и англичанины ищут индийскую.	англичанины	англичане	Deriv
После осмотра современного Санкт-Петербурга, я предложила бы туристам пойти именно туда и окупиться в советский Ленинград.	осмотрения	осмотра	Deriv
Люди пошли сначала в поликлинику, находящаяся в районе, где они жили.	нахожденная	находившуюся	Deriv

Валидность разметки, выполненной вручную аннотаторами, была впоследствии проверена также вручную. В окончательную выборку вошли случаи ошибочного формо- или словообразования также содержавшие ошибки других типов, помимо деривационных (см. пример 1).

3. Эксперименты

3.1. Эксперимент на основе статьи

«Developing Online ICALL Exercises for Russian»

Одна из немногих работ, посвященных специализированному подходу к обработке морфологических ошибок в русском языке, была написана Маркусом Дикинсоном и Джошуа Херрингом. В работе [Dickinson, Herring, 2008] авторы адаптировали уже существующую ICALL систему автоматической генерации словообразовательных упражнений для изучающих русский язык как иностранный. До этого система генерации аналогичных упражнений была уже разработана для немецкого [Heift, Nicholson, 2001], португальского² [Amaral, Detmar, 2006] и японского [Nagata, 1995] языков. Русский язык, обладая богатой морфологией, потребовал от разработчиков создания особого модуля, способного обнаруживать и автоматически исправлять ошибки, которые они отнесли к морфологическим, не дифференцируя их в методах исправления. В основу работы модуля был положен конечный автомат, состоянием которого являлось наличие/отсутствие ошибки, а переходом – буквенные комбинации, составляющие конкретное слово. В общих чертах принцип работы его алгоритма можно описать следующим образом.

Сначала слово разделялось на всевозможные комбинации буквенных n -грамм, после чего, проходя по n -граммам, алгоритм проверял соответствие n -граммы морфеме из морфологического словаря; в качестве словаря использовалась база данных Национального корпуса русского языка для словообразовательного поиска. Если n -грамма соответствовала морфеме, то анализировалась следующая n -грамма, а также то, что ее комбинация с предыдущей встречается в языке.

² Amaral, L., Detmar, M. Putting activity models in the driver's seat: Towards a demand-driven NLP architecture for ICALL. In: Talk given at EUROCALL. University of Ulster, Coleraine Campus, 2007. URL: <http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~dm/papers/eurocall07-amaral-meurers.pdf>.

На первом этапе анализировалась цепочка n -грамм либо от начала до конца, либо до того момента, когда n -грамма больше не соответствует ни одной из существующих морфем или не встречается в словаре вместе с соседней морфемой. Если не удавалось пройти слово по всей его текстовой длине, то проходил дополнительный анализ цепочек n -грамм в обратную сторону, т. е. от конца к началу слова. Такая процедура давала возможность локализовать ошибку: если следующая после места остановки n -грамма есть в морфемном словаре, то ошибка считалась морфологической. К сожалению, без собственного эксперимента оценить качество работы алгоритма, описанного в [Dickinson, Herring, 2008], не представляется возможным, так как авторы не предоставили оценки эффективности разработанного ими алгоритма на текстовых данных естественных языков. Кроме того, в статье не была отражена информация о формате данных, что является серьезным упущением.

Отсутствие представленной оценки результатов и желание узнать, насколько успешно система справляется со словообразовательными ошибками побудило нас воссоздать аналогичный алгоритм и провести эксперимент с использованием текстовых данных Русского учебного корпуса.

Тестовая выборка состояла из 170 случайно выбранных слов, содержащих деривационную ошибку, к которым были добавлены 30 правильных слов с тем, чтобы выяснить, насколько корректно алгоритм различает грамматичные и неграмматичные употребления. Воссозданная нами программа Дикинсона и Херринга получала информацию о морфологическом составе слова из словаря, созданного на основе Русского Национального Корпуса. Следующая таблица показывает, в каком виде в словаре представлена морфологическая структура слова.

Таблица 2

Морфологическая структура слова «улечься» в используемом словаре

Table 2

The morphological structure of the word *улечься* (to lie down) in the dictionary

Лемма	Морфема	Тип	Позиция в слове	Алломорфы корня слова	Часть речи
улечься	у	префикс	1		V
улечься	леч	корень	2	[1лож][2лег][2лѐг][лаг][леж][лѐж][леч][лог]	V
улечься	ь	суффикс	3		V
улечься	ся	суффикс	4		V

В качестве примера работы воссозданной (локализованной) программы покажем полный процесс обработки текстотормы «простее», которая представляет собой некорректно образованную сравнительную степень прилагательного. На первом шаге она формирует список из всех возможных n -грамм: («простее»), («пр», «ростее»), («пр», «остее») ... («пр», «р», «о», «с», «т», «е», «е»). Затем алгоритм проходит по каждой комбинации от начала до конца и, так как полностью пройти их, как правило, не удается, то на третьем шаге повторяет эту процедуру для каждого из них, но уже в обратном порядке. В результате обе итерации сходятся при разбиении слова на две n -граммы – «прост» и «ее». И первая, и вторая n -граммы присутствуют в словаре морфем, что и является свидетельством выявления деривационной ошибки.

После обработки тестовых данных были получены следующие результаты работы нашего модуля. Ложноположительных случаев срабатывания алгоритма выявлено не было: другими словами, программа не нашла ошибки ни в одном из 30 дополнительных тестовых морфологически правильных слов. В 138 случаях из общего числа 170 (то есть в 81,18 % случаев) морфологически некорректные слова действительно были идентифицированы как таковые. В 24 случаях из 170 (14,12 %) слова были пройдены системой поморфемно до конца. Из этих

24 в 16 случаях слова были созданы с использованием регулярной модели слово- или формообразования («старшее», «свободности», «работчик», «лежая» и т. д.) и должны были быть выявлены нашей программой, но она не справилась с этой задачей. По нашему предположению, причина этого сбоя (система не обнаруживает ошибку там, где она есть), заключается в том, что в этой версии программы проверке подвергаются только две соседние морфемы. Так, программа посчитала слово «работчик» правильным из-за того, что в словаре встречается слово, в котором за корнем «работ» сразу следует суффикс «чик» (например, «разработчик»). Для оставшихся 8 слов (4,7 %) восстановить производящую основу не представлялось возможным из-за их полной ненормативности. К таким словам относятся, например, «чаровны», «конепит».

Таким образом, результаты эксперимента показали, что локализованный алгоритм Дикинсона и Херринга можно достаточно успешно использовать для выявления деривационных ошибок в речи L2, однако для создания полноценной системы автокоррекции одного его недостаточно.

3.2. Эксперимент с моделью шумного канала

Приступая к разработке модуля автоматического исправления слов, было бы полезно сравнить получаемые результаты с показателями аналогичных систем. Однако в свободном доступе не оказалось образца spellчекера, созданного специально для текстов, написанных изучающими русский как иностранный. Поэтому в качестве объекта сравнения мы выбрали spellчекер с моделью от команды DeepPavlov³.

В 2016 году этот spellчекер участвовал в соревнованиях по автоматическому исправлению письменных ошибок для русскоязычных текстов из социальных медиа SpellRuEval [Sorokin et al., 2016], где показал лучший результат среди общедоступных spellчекеров (со значением F -меры 56,25). Кроме того, для нас особенно важно, что в качестве данных для модели выступают тексты из сети Интернет. Эти тексты часто содержат случаи нестандартного для русского литературного языка словотворчества, которые в определенном смысле сравнимы с деривационными ошибками в речи изучающих русский как иностранный. См. пример (2), взятый из тестового набора соревнования SpellRuEval:

(2) *Музончик конечно зачетный и почемуто до боли знакомый.*

В основе spellчекера команды DeepPavlov используется довольно распространенный метод для исправления ошибок в письменном тексте – модель шумного канала, разработанная [Brill and Moore, 2000]. Помимо автокоррекции естественного текста [Kernighan et al., 1990, Church, Gale, 1991], модель шумного канала [Shannon, 1948] применяется во многих других задачах обработки естественного языка, например, при создании вопросно-ответных систем, в распознавании речи и в машинном переводе.

Начиная апробацию модели на материале Русского учебного корпуса, мы ожидали, что качество работы модели DeepPavlov не будет достаточно удовлетворительным, так как, во-первых, модель обучена на текстах носителей русского языка (L1), у которых собственно словообразовательные ошибки практически не встречаются даже в текстах сети Интернет, а во-вторых, она нацелена на исправление слов, которые находятся на небольшом расстоянии Левенштейна: 1–2 символа от правильного слова, в то время как некоторые деривационные ошибки могут распространяться на большее количество символов (ср. пример 1).

Тестовая выборка, которую мы сформировали на основе Русского учебного корпуса, включала 170 предложений, содержащих те же слова с деривационной ошибкой, что были использованы для первого эксперимента, описанного выше. Выборку было решено не расширять ввиду необходимости ручной оценки результатов.

³ URL: http://docs.deeppavlov.ai/en/master/features/models/spelling_correction.html.

В результате модель оставила 134 слова (78,8 %) без каких-либо изменений, а в 19 случаях (11,2 %) слова с деривационной ошибкой были исправлены на нормативный вариант. Стоит отметить, что во всех этих случаях расстояние Левенштейна до правильного слова не превышало 2. 17 слов (10 %) были исправлены на неправильный вариант. Как уже говорилось выше, мы связываем такое низкое качество работы спеллчекера DeepPavlov с лингвистическими характеристиками материала (датасета), на котором она обучалась, а также с тем, что некоторые слова, содержащие ошибку, очень сильно отличаются от нормативного варианта. Но в целом результаты эксперимента 2 позволили получить конкретные значения для оценки качества работы альтернативной системы автоматического исправления словообразовательных ошибок.

4. Автоматическое исправление деривационных ошибок

При создании собственной системы автоматического исправления словообразовательных ошибок мы решили обратиться к идеям дистрибутивной семантики. Дистрибутивная семантика – область, которая занимается развитием и изучением теории и методов вычисления и категоризации семантической близости лингвистических единиц на основании их распределения в больших массивах лингвистических данных. В ее основе лежит идея о том, что, если слова употребляются в схожих контекстах, они имеют схожую семантику [Harris, 1954]. В дистрибутивной семантике слова обычно представляются в виде векторов в многомерном пространстве их контекстов. Семантическое сходство вычисляется как косинусная близость между векторами двух слов и может принимать значения в промежутке от -1 до 1 (на практике часто используются только значения выше 0). Чем ближе значение косинусного расстояния к 1 , тем чаще слова встречаются в схожем контексте и являются более близкими семантически, и наоборот, если значение ближе к 0 , то у слов практически нет похожих контекстов.

Поскольку задача состоит в том, чтобы уметь предсказывать слово исходя из его окружения, мы выбрали модель типа Continuous Bag of Words. Кроме того, в нашу задачу входит поиск семантически схожих лексем для тех слов, которые не встретились в обучающей выборке модели или встретились там небольшое количество раз, поэтому мы сочли необходимым обратиться к FastText модели, строящей векторное представление не слова целиком, а всех его n -грамм, что позволяет получать векторные представления для малочастотных слов, опираясь на их части (см. [Bojanowski et al., 2017]). В силу того, что обучение дистрибутивных моделей требует очень большого объема данных и, следовательно, вычислительных мощностей, было решено использовать готовую модель. В качестве таковой была выбрана модель проекта RusVectores Continuous Bag of Words FastText, созданная в 2019 году [Kutuzov, Kuzmenko, 2017]; она дает возможность использовать n -граммы длиной 3–5 символов. Кроме того, учитывалось, что она была обучена на интернет-корпусе «Тайга» [Shavrina, Sharovalova, 2017], причем его размер на момент обучения составлял почти 5 миллиардов слов. Оригинальная модель [Kutuzov, Kuzmenko, 2017], получая на вход слово с деривационной ошибкой, возвращает список из 10 наиболее близких по значению слов. Никакого дополнительного обучения модели не проводилось.

Таким образом, для получения правильного слова в нашу задачу на текущем этапе входит, во-первых, поиск подходящего слова-кандидата из полученного списка, и во-вторых, приведение его к правильной грамматической форме. Для этого в списке были оставлены только те лексемы, которые находятся на расстоянии Левенштейна, не превышающем половины их длины от корректного варианта. Затем, исходя из некоторых предполагаемых грамматических признаков неправильного слова, полученных с помощью морфологического анализатора Rymorphy2, мы провели фильтрацию. Например, для существительного таким признаком стала одушевленность. После того как из списка были убраны неподходящие кандидаты, выбирался семантически ближайший, и уже на основе полного списка предполагаемых грамма-

тических признаков неправильного слова находилась нужная форма в словаре «Полная парадигма. Морфология. Орфоэпия. Частотность».

Данный словарь, составленный на основе «Полной акцентуированной парадигмы по Зализняку», содержит 181 770 лемм (5 074 140 словоформ) и расширен за счет таких словарей, как «Полный орфографический словарь русского языка» В. В. Лопатина, «Словарь иностранных слов» (Москва: Русский язык, 1988), «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» Т. Ф. Ефремова (2000), «Толковый словарь» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (Москва: Азъ, 1992) и Викисловарь. После того как подходящая форма слова найдена, она выводится системой как результирующая. Если же на этапе фильтрации результатов не остается ни одного кандидата, то алгоритм сообщает, что в этом слове присутствует деривационная ошибка, требующая ручного исправления. Кроме того, для идентификации некоторых распространенных ошибок, которые представляют непреодолимую сложность для модели, но при этом являются частотными, были написаны особые правила обработки. Такие правила активируются, когда система сталкивается с четко прописанным условием. Например, если система устанавливает, что перед ней слово в просторечной форме «ихний», производная от него форма или очень близкое к этому слово, то она исправляет его на соответствующую ему нормативную форму «их».

(3) До: *Пока турист пытается прочитать это письмо группа детей окружает их и крадёт ихнему сумку или куртку.*

После: *Пока турист пытается прочитать это письмо группа детей окружает их и крадёт их сумку или куртку.*

Особые правила введены также для словоформ с частицей *не-*. В случаях некорректного образования отрицательных форм приоритет отдается не структурному, а семантическому фактору, так как вероятность использования автором форманта с негативным значением без намерения выразить отрицание, крайне мала. По этой причине отсутствуют варианты исправления, в которых семантика отрицания убирается полностью. Поэтому, например, версия исправления «неможно» на «можно», «нужно», не рассматривается, хотя эти варианты чаще всего считаются моделью как самые близкие.

(4) До: *Всё зависит от людей и в общем невозможно установить правила, чтобы его объяснить.*

После: *Всё зависит от людей и в общем нельзя установить правила, чтобы его объяснить.*

Таким образом, разработанная нами система автоматического исправления ошибок в формо- или словообразовании имеет следующую структуру:

- 1) программе на вход поступает слово;
- 2) скрипт, реализованный на основе алгоритма Дикинсона и Херринга, определяет присутствие в слове словообразовательной ошибки;
- 3) при помощи модели Continuous Bag of Words FastText составляется список из 10 семантически близких форм-кандидатов;
- 4) этот список проходит постобработку для фильтрации слов-кандидатов по грамматическим признакам и частям речи;
- 5) отобранное слово-кандидат с помощью словаря парадигм приводится к нужной форме;
- 6) если система не смогла предложить никакого нового варианта, она выводит сообщение о необходимости ручного исправления;
- 7) некоторые распространенные виды ошибок, неразрешимые для модели, исправляются с помощью правил (см. пример 3).

5. Результаты работы системы автоматического исправления словообразовательных ошибок

Описанная выше система была протестирована на 500 деривационных ошибках из Русского учебного корпуса. Верным мы считали исправление, полностью совпадающее с корректной формой, предложенной разметчиком. Показатель качества работы системы составил 0,616 – она исправила 308 ошибочных написаний из 500. Это примерно в 6,3 раза лучше, чем исправление подобных ошибок специально обученным на интернет-текстах и протестированным нами спеллчекером, в основе которого лежит проверенный метод шумного канала. Все неисправленные случаи были классифицированы.

Наибольшие трудности представляли для системы ошибки в корне слова, то есть собственно словообразовательные (19 случаев). В каждом из этих случаев модель не нашла вариантов исправления (см. примеры ниже) и предложила исправить ошибку вручную.

- (5) Они **искует** пассажира для сваям машину.
- (6) Это очень счастливая **вспаминяне** иметь.
- (7) Бабушка делает мне визу в Россию так что думаю и туда **паежу** на пару недель.

Кроме того, система не смогла корректно исправить ошибки в словах, образованных путем словосложения – объединения корневых элементов двух слов. В этих случаях оказалось невозможным исправить ошибку на эквивалент с одним корнем без изменения значения. Встретилось 17 таких слов.

- (8) Самознание народа и истории происходит от самих людей
- (9) Но не может “защищать” его **новонайденное** счастье.
- (10) Этот факт вместе с тем, что население в России испытывает убыль знаменательный того, что России **понадобудет** принять меры чтобы не потерять свой родной язык.

Третью относительно многочисленную группу сложных случаев составили ошибки, которые объясняются использованием корня вместе с недопустимой для него словообразовательной моделью. Таких случаев было 14.

- (11) Или **устраивание** какого-либо мироприятия, где всем было безумно весело.
- (12) После этого **пропадения** калитка всегда была заперта.

Проблемы также возникали в случае замены, удаления или добавления приставки, так как в русском языке они достаточно свободно присоединяются к слову. Из-за этого в 13 случаях были предложены варианты с неподходящей приставкой или совсем без ее исправления.

- (13) До: Они **проездут** по лесу.
После: Они **проездят** по лесу.
- (14) До: Она не хочет **вехать** на машину но волки ее введут.
После: Она не хочет **поехать** на машину но волки ее введут.

Успешнее всего модель исправляла ошибки в суффиксах. Если в неправильном слове не было каких-либо других ошибок, то оно почти всегда получало нормативную форму.

- (15) До: Также, некоторые из них считаются **межфакультетными** кафедрами
После: Также, некоторые из них считаются **межфакультетскими** кафедрами
- (16) До: Лев гоняет волка долго, а волк в мешке упадет и опускается низ **скалинки**, потом лезает на дерево и убегает из дома.
После: Лев гоняет волка долго, а волк в мешке упадет и опускается низ **скалы**, потом лезает на дерево и убегает из дома.

6. Заключение

Суммируем основное. Предложена новая система автоматического исправления слово- и формообразовательных ошибок в письменной речи на L2, обозначаемых обобщенно как деривационные. На первом этапе для обнаружения деривационных ошибок она использует модель на основе конечных автоматов [Dickinson and Herring, 2008], описанную в разделе 3.1, на втором – для их исправления – модель Continuous Bag of Words FastText, дополненную новыми правилами отбора слов-кандидатов и словарем парадигм для их последующего преобразования в нужную текстоформу.

Новый подход обладает двумя принципиальными преимуществами по сравнению с существующими методами автокоррекции морфологии: возможностью исправлять ошибки, находящиеся на большем расстоянии Левенштейна от правильного варианта, и возможностью обучения на текстах носителей языка (L2) без значительного ухудшения качества работы.

Эффективность работы модели подтверждена сравнением с автокорректором, функционирующем на основе модели шумного канала. Этот последний справляется с задачей исправления деривационных ошибок только в 11,2 % случаев, оставляя, таким образом, большинство ошибок без изменений, что говорит о низком уровне его эффективности. У разработанной нами системы эффективность исправления ошибок равна 61,6 %, что для такого типа задач является приемлемым результатом, сопоставимым с уровнем эффективности, достигаемым стандартными спеллчекерами на текстах носителей языка (L1).

Список литературы

- Копотев М.** Введение в корпусную лингвистику: электрон. учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. Praha: Animedia, 2014.
- Amaral, L., Detmar, M.** Where does ICALL Fit into Foreign Language Teaching? In: Talk given at CALICO Conference. University of Hawaii, 2006.
- Bojanowski, P., Grave, E., Joulin, A., Mikolov, T.** Enriching word vectors with subword information. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 2017, vol. 5, p. 135–146.
- Brill, E., Moore, R.** An Improved Error Model for Noisy Channel Spelling Correction. *Proceedings of the 38th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2000, p. 286–293.
- Chernigovskaya T., Gor K.** The Complexity of Paradigm and Input Frequencies in Native and Second Language Verbal Processing: Evidence from Russian. *Language and Language Behavior* (Eds. Erling Wande & Tatiana Chernigovskaya), 2000, p. 20–37.
- Church, K., Gale, W.** Probability scoring for spelling correction. *Statistics and Computing*, 1991, vol. 1, p. 93–103
- Dickinson, M., Herring, J.** Developing Online ICALL Resources for Russian. *The 3rd workshop on innovative use of NLP for building educational applications*, Columbus, OH, 2008, p. 1–9.
- Granger, S.** From CA to CIA and back: An integrated contrastive approach to computerized bilingual and learner corpora. In: *Languages in Contrast. Text-based cross-linguistic studies*, Lund University Press, 1996, p. 37–51.
- Granger, S.** Learner Corpora in Foreign Language Education. In: *Language, Education and Technology*, 2017, p. 1–14. DOI 10.1007/978-3-319-02328-1_33-1.
- Harris, Z.** Distributional Structure. *WORD*, 1954, vol. 10, iss. 2–3, p. 146–162. DOI 10.1080/00437956.1954.11659520
- Heift, T., Devlan, N.** Web delivery of adaptive and interactive language tutoring. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, 2001, vol. 12 (4), p. 310–325.
- Kernighan, M., Church, K., Gale, W.** A Spelling Correction Program Based on a Noisy Channel Model. *COLING-90*, 1990, p. 205–210. DOI 10.3115/997939.997975.

- Kutuzov, A., Kuzmenko, E.** WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. *Ignatov D. et al. (eds) Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science*, 2017, vol. 661. Springer, Cham.
- Leacock, C., Chodorow, M., Gamon, M., Tetreau, J.** Automated Grammatical Error Detection for Language Learners, 2nd ed. *Synthesis Lectures on Human Language Technologies*. 2014, vol. 7, p. 1–185. DOI 10.2200/S00562ED1V01Y201401HLT025
- Nagata, N.** An Effective Application of Natural Language. *Processing in Second Language Instruction*. CALICO Journal, 1995.
- Paquot, M., Jarvis, S.** Learner corpora and native language identification, 2015. DOI 10.1017/CBO9781139649414.027.
- Rudzewitz, B., Ziai, R., De Kuthy, K., Möller, V., Nuxoll, F., Detmar, M.** Generating Feedback for English Foreign Language Exercises. *Proceedings of the Thirteenth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications (BEA)*, 2018, p. 127–136.
- Shannon, C.** A Mathematical Theory of Communication. *Bell System Technical Journal*, 1948, vol. 27, p. 379–423.
- Shavrina, T., Shapovalova, O.** To the methodology of corpus construction for machine learning: «Taiga» syntax tree corpus and parser. *Proceedings of international conference CORPORA2017*, 2017, p. 78–84.
- Sorokin, A., Baytin, A., Galinskaya, I., Rykunova, E., Shavrina, T.** SpellRuEval: the First Competition on Automatic Spelling Correction for Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue”*, 2016, p. 660–673.
- Valdes, G.** The teaching of heritage languages: an introduction for Slavic-teaching professionals. *Slavica*, Bloomington, 2000, p. 375–403.

References

- Amaral, L., Detmar, M.** Where does ICALL Fit into Foreign Language Teaching? In: Talk given at CALICO Conference. University of Hawaii, 2006.
- Bojanowski, P., Grave, E., Joulin, A., Mikolov, T.** Enriching word vectors with subword information. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 2017, vol. 5, p. 135–146.
- Brill, E., Moore, R.** An Improved Error Model for Noisy Channel Spelling Correction. *Proceedings of the 38th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2000, p. 286–293.
- Chernigovskaya T., Gor K.** The Complexity of Paradigm and Input Frequencies in Native and Second Language Verbal Processing: Evidence from Russian. *Language and Language Behavior (Eds. Erling Wande & Tatiana Chernigovskaya)*, 2000, p. 20–37.
- Church, K., Gale, W.** Probability scoring for spelling correction. *Statistics and Computing*, 1991, vol. 1, p. 93–103
- Dickinson, M., Herring, J.** Developing Online ICALL Resources for Russian. *The 3rd workshop on innovative use of NLP for building educational applications*, Columbus, OH, 2008, p. 1–9.
- Granger, S.** From CA to CIA and back: An integrated contrastive approach to computerized bilingual and learner corpora. In: *Languages in Contrast. Text-based cross-linguistic studies*, Lund University Press, 1996, p. 37–51.
- Granger, S.** Learner Corpora in Foreign Language Education. In: *Language, Education and Technology*, 2017, p. 1–14. DOI 10.1007/978-3-319-02328-1_33-1.
- Harris, Z.** Distributional Structure. *WORD*, 1954, vol. 10, iss. 2–3, p. 146–162. DOI 10.1080/00437956.1954.11659520
- Heift, T., Devlan, N.** Web delivery of adaptive and interactive language tutoring. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, 2001, vol. 12 (4), p. 310–325.

- Kernighan, M., Church, K., Gale, W.** A Spelling Correction Program Based on a Noisy Channel Model. COLING-90, 1990, p. 205–210. DOI 10.3115/997939.997975.
- Kopotev, M.** Introduction to Corpus linguistics: Course-book for students of arts subjects with emphasis on the Russian language. Praha, Animedia, 2014. (in Russ.)
- Kutuzov, A., Kuzmenko, E.** WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. *Ignatov D. et al. (eds) Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science*, 2017, vol. 661. Springer, Cham.
- Leacock, C., Chodorow, M., Gamon, M., Tetreau, J.** Automated Grammatical Error Detection for Language Learners, 2nd ed. *Synthesis Lectures on Human Language Technologies*. 2014, vol. 7, p. 1–185. DOI 10.2200/S00562ED1V01Y201401HLT025
- Nagata, N.** An Effective Application of Natural Language. *Processing in Second Language Instruction*. CALICO Journal, 1995.
- Paquot, M., Jarvis, S.** Learner corpora and native language identification, 2015. DOI 10.1017/CBO9781139649414.027.
- Rudzewitz, B., Ziai, R., De Kuthy, K., Möller, V., Nuxoll, F., Detmar, M.** Generating Feedback for English Foreign Language Exercises. *Proceedings of the Thirteenth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications (BEA)*, 2018, p. 127–136.
- Shannon, C.** A Mathematical Theory of Communication. *Bell System Technical Journal*, 1948, vol. 27, p. 379–423.
- Shavrina, T., Shapovalova, O.** To the methodology of corpus construction for machine learning: «Taiga» syntax tree corpus and parser. *Proceedings of international conference CORPORA2017*, 2017, p. 78–84.
- Sorokin, A., Baytin, A., Galinskaya, I., Rykunova, E., Shavrina, T.** SpellRuEval: the First Competition on Automatic Spelling Correction for Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue”*, 2016, p. 660–673.
- Valdes, G.** The teaching of heritage languages: an introduction for Slavic-teaching professionals. *Slavica, Bloomington*, 2000, p. 375–403.

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
29.03.2021*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Выренкова Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент школы лингвистики, факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Anastasia S. Vyrenkova, PhD in Applied and Mathematical Linguistics, associate professor of School of Linguistics, Faculty of Humanities, HSE University (Moscow, Russian Federation)

anastasia.marushkina@gmail.com
ORCID 0000-0003-1707-7525

Смирнов Иван Юрьевич, аспирант Школы лингвистики, факультет гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Ivan Yu. Smirnov, PhD student of School of Linguistics, Faculty of Humanities, HSE University (Moscow, Russian Federation)

smirnof.van@gmail.com
ORCID 0000-0001-8361-0282

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-69-83

Образ родины в русской и японской лингвокультурах

А. Д. Палкин

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация

На материале ассоциативных экспериментов сопоставляется образ родины в русской и японской лингвокультурах, при этом русская лингвокультура рассматривается на двух временных срезах – начало 1990-х гг. и начало XXI в. Соответствующие ассоциативные поля были разбиты на смысловые компоненты и сопоставлены семантически. Показано, что образ родины в обеих лингвокультурах имеет главным образом положительные коннотации. В очередной раз подтверждается индивидуализм русских в оба рассмотренных периода и коллективизм японцев. Ожидаемо мировоззрение русских респондентов на обоих временных этапах обнаружило заметно больше совпадений, чем мировоззрение русских (обеих выборок) и японцев. Между тем у русских постперестроечного периода наблюдается уход от размышления над предложенным образом (в данном случае образом родины), что наиболее ярко проявляется на примере телесно-перцептивного компонента ассоциативных полей. Причиной является культурный шок, связанный с крушением страны и соответствующих идеалов. У русских начала XXI в. и японцев аналогичное явление не прослеживается. Любовь к родной природе в большей степени выражена у японцев и русских постперестроечного периода и в меньшей степени – у русских начала XXI в.

Ключевые слова

родина, русские, японцы, образ, реакция

Для цитирования

Палкин А. Д. Образ родины в русской и японской лингвокультурах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 69–83. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-69-83

Image of Motherland in Russian and Japanese Linguocultures

Alexei D. Palkin

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The images of motherland in Russian and Japanese linguocultures are juxtaposed on the basis of association experiments. Russian culture is analyzed along two samplings – that of the early 1990s and that of the early 21st century. In order to compare their data, relevant associative fields were first split into four major semantic components, namely: logical perception, moral and ethic perception, bodily perception, and emotional perception. It was demonstrated that in both linguocultures the image of motherland was perceived in large part positively. It was evidenced once again that Russians of both periods tended to epitomize individualism, while the Japanese were obviously collectivist. Predictably, the worldviews of Russian respondents of both time periods saw much more congruence than the worldviews of Russians (from both samplings) and the Japanese. Meanwhile, post-perestroika Russians weren't inclined to reflect over the image of their motherland or criticize it which is most noticeably evidenced by the percentage of data pertaining to components of the associative fields under study related to bodily perception. The reason for such a reflection fatigue lay highly likely in the cultural shock provoked by the collapse of the Soviet Union and accompanied by the discredit of its public ideology. Such an attitude was not registered in 21st century Russians and the Japanese. Love for the wild nature of their respective countries is a characteristic feature mostly of the 1990s Russians and the Japanese, but not salient in the 21st century Russians who expressed it to a lesser extent.

© А. Д. Палкин, 2021

Keywords

motherland, Russians, Japanese, image, reaction

*For citation*Palkin, Alexei D. Image of Motherland in Russian and Japanese Linguocultures. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 69–83. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-69-83**Введение**

Данная статья является продолжением серии статей в рамках масштабного проекта по сопоставлению образов сознания русских и японцев. В «Вестнике НГУ» первая публикация из этой серии появилась в 2017 г. [Палкин, 2017]. На этот раз подробному анализу подлежит образ родины в мировоззрении русских и японцев.

Прежде всего, отметим орфографическую особенность написания слова «родина» в русском языке. Как известно, возможно написание данного слова и со строчной буквы, и с прописной. Строчная буква применяется для обозначения родины как места рождения человека. С прописной буквы это слово пишется только в патриотических либо высоко-духовных контекстах. Очевидно, что первый случай шире, по каковой причине здесь и далее мы будем писать слово «родина» с маленькой буквы.

Написание слова «родина» со строчной буквы не принижает значимости соответствующего образа. Родина является знаковым элементом языкового сознания, выражая отношение человека к тому месту, где он родился, и подчеркивая его принадлежность к той или иной группе, национальности, народу.

Образ родины является важным элементом этической картины мира, ведь то место, которое человек считает своим – и в узком, и в широком смысле – оказывает непосредственное влияние на его нравственные установки, мировоззрение, стереотипы, поскольку паттерны поведения, принятые в соответствующем социуме, имеют территориальную (то есть геокультурную) привязку и являются образцами для каждого члена социума.

Любовь к родине прививается ребенку с раннего детства благодаря морально-нравственным и когнитивным установкам родителей и/или тех людей, которые так или иначе участвуют в воспитании ребенка. Со временем усвоенные когнитивные установки оформляются в устойчивые ценности личности. Взрослый человек, «впитавший» в себя любовь к родине «с молоком матери», обладает определенным эмоциональным отношением (как правило, положительно окрашенным) к тому месту, где он родился, что предопределяет его модель поведения, в которой достаточно ясно разграничивается «свое» и «чужое», «наше» и «их» как в международном культурно-историческом контексте, так и в социально-групповом аспекте внутри своей общенациональной культуры.

Если рассматривать образ родины не эмоционально, а как теоретический конструкт, то он, согласно О. В. Макаровой, является элементом образной сферы личности и является «особой внутренней реальностью и детализированной многомерной субъективной совокупностью представлений о бытии социума» [Макарова, 2019. С. 13]. Он, как значится в указанной работе, содержит в себе «структуры, отражающие базовые ценности, хранимые в памяти народа как архетипы». При этом «элементы, входящие в образ родины, используются личностью [и] для определения собственной принадлежности к различным социальным группам» [Там же]. На формирование образа родины оказывают самое активное влияние различные «агенты социализации», такие как семья, значимые общественные организации, СМИ (включая «внешние», что, на наш взгляд, нельзя упускать в эпоху глобализации с ее новым идеалом наднациональной социализации), но процесс носит все-таки диалектический характер (или, по Бахтину, диалогический), и потому образ конструируется личностью самостоятельно из актуализированных им представлений, эмоций и оценок объектов Родины [Там же]. В результате автор получает еще одно, более полное, определение образа родины, которое мы, уточнив некоторые детали, принимаем, а именно: родину целесообразно понимать как инте-

гральную совокупность эмоционально окрашенных представлений о природном окружении, истории и культурных ценностях, нормах, оценках, образцах, которые задаются социумом и субъективно осмысливаются, принимаются личностью как характеристики социокультурной идентичности, обуславливающие жизнедеятельность и духовное единение с социумом [Макарова, 2019].

Работа О. В. Макаровой привлекла наше внимание еще и тем, что в ней совершенно неожиданно для нас проявилась, казалось бы, исчерпавшая себя традиция ссылаться, пусть и ненавязчиво, на позицию главы государства как хранителя самобытного национального образа Родины:

«Духовно-нравственные идеалы и ценностные культурные коды нации, объединяющие россиян в единую историко-культурную общность, подвергаются жесткой критике и открытому информационному противоборству в мире. Особая роль в обретении и становлении социокультурной идентичности личности россиян отводится государством сфере общего образования. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркивает необходимость содействия становлению социокультурной идентичности у подрастающего поколения: “От того, как мы воспитаем молодежь, зависит то, сможет ли Россия... не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке” (В. В. Путин, 2018)» [Там же. С. 3].

В одной из наших предыдущих работ [Палкин, 2013–2014] мы рассматривали такое явление, как казус, как пережиток былых тоталитарных времен, когда фамилия Вождя должна была упоминаться во всех возможных официальных контекстах. Вот, например, как начинается автореферат диссертации по психологии 1953 г.: «В своем гениальном произведении “Марксизм и вопросы языкознания” И. В. Сталин указывает, что...» [Померанцева, 1953. С. 1]. По всей видимости, теория о цикличности социальной истории верна.

Альтернативный подход к рассмотрению понятия «родина» обнаруживаем в статье С. Н. Артановского. Автор критически оценивает стандартное словарное определение родины как места, где человек родился, приводя пример, когда у дипломатов, живущих за границей, рождается ребенок. Родиной этого ребенка будет родина его родителей, а не то место, где он родился [Артановский, 2012. С. 11]. Такое явление пусть и является редким, но демонстрирует возможное разнообразие трактовок. Артановский продолжает свои рассуждения анализом образа родины в культурно-исторической перспективе: «Родина складывается в вихре исторических событий, образуется культурный слой, который кристаллизуется, получается историческое **бытие**: традиции, обычаи и стереотипы, повторяющиеся социальные процессы. Родина включает в себя различные временные моменты: в основе лежит настоящее, но в него включается прошлое как основа и предпосылка и будущее как перспектива... Родина исторически изменчива, но на любом этапе исторического роста она сохраняет свое качество, т. е. всегда остается Родиной, без которой, добавим, невозможны ни человеческая история, ни жизненный опыт индивида» [Там же. С. 12].

Появление слова «родина» в русском языке датируется первой половиной XVIII в. [Цыганенко, 1989. С. 357]. Современное содержание образа родины можно оценить и в лингвистической ретроспективе, анализируя эволюцию семантики различных лексических единиц, которые синонимически связаны с понятием «родина», хотя для ассоциативного исследования точность словарной дефиниции не имеет особого значения; дело в том, что в ходе эксперимента респонденты все равно пренебрегают какими бы то ни было словарными дефинициями, а в качестве таковых исследователь принимает их ассоциативные (а не формально-логические) реакции. Этимологически русское слово «родина» восходит к существительному «родь». Предполагается следующая диахроническая последовательность трансформации значения этимона от конкретного к абстрактному: «то, что принадлежит роду, что связано с рождением» > «место рождения» > «отчизна» [Там же]. В мифологическом мировидении русских корень «родь» является, как совершенно очевидно, воплощением рода, единства потомков одного предка, который дарует жизнь, плодородие, долголетие и не предполагает

субъективных или позднейших национальных толкований. Архетипическое представление о родине как матери уходит корнями в мифологию славянского язычества. Умение рожать означало силу женщины и животворящую силу земли [Гимаев, 2010. С. 10].

Японское слово *bokoku*, которое мы использовали в качестве эквивалентного стимула в японском опроснике, имеет более короткую культурно-историческую и языковую историю. По всей видимости, оно появилось в японском языке только в конце XIX в., то есть в эпоху Мэйдзи как антоним слову *gaikoku* (заграница). Одним из первых случаев употребления существительного *bokoku* в японской художественной литературе является повесть Роана Утиды «Ину-моногатари»¹, опубликованная в 1902 г. Факт, конечно, удивительный сам по себе, но дело в том, что вплоть до Реставрации Мэйдзи Япония жила по законам «закрытой страны»: не только не разрешалось выезжать за ее пределы, но и въезд иностранцев в Японию был во многом затруднен. Понятие «чужая страна» (\approx враг, недруг, угроза) было, однако, актуальным, тогда как вербальная концептуализация представлений о себе отсутствовала. У японцев не возникало ранее насущной необходимости противопоставлять в языковом сознании понятия «чужая страна» (или сторона) и «родная страна». Когда же в конце XIX в. границы открылись не только для европейцев и американцев, но и для всех японцев, возникла и практическая необходимость осознать себя как сущность, противопоставленную *gaikoku* (загранице), что и послужило причиной появления данного слова.

Наш подход к анализу образа родины является, однако, психолингвистическим, а не чисто лингвистическим и не культурно-историческим. Основой исследования является поэтому анализ ассоциативных полей, сформированных в результате ассоциативных экспериментов, проведенных в России и Японии в наше время среди носителей русского и японского языков соответственно. В них могут, конечно, остаться следы объективной лингвистической или культурно-исторической эволюции, но в психолингвистическом аспекте ассоциативные реакции ценны лишь как информация о состоянии так называемого *языкового* сознания.

Ход и методика эксперимента

В основу исследования легли три выборки ассоциативных реакций. Одна из них заимствована из многократно цитируемого и уже ставшего классическим «Русского ассоциативного словаря» (РАС) [2002], из которого нам потребовался том первый. Две другие выборки были получены автором данной статьи в ходе серии ассоциативных исследований. Охарактеризуем каждую выборку более детально.

Первая выборка условно относится к началу 1990-х гг. Слово «условно» употреблено здесь не случайно. Первые данные для «Русского ассоциативного словаря» были получены в конце 1980-х гг., а последние опросы датируются уже серединой 1990-х гг. Для обозначения соответствующего временного периода мы взяли «среднее арифметическое» – начало 1990-х гг. Столь же условно респондентов этой выборки мы называем испытуемыми постперестроечного периода. В числе информантов преимущественно студенты российских вузов в возрасте 17–25 лет, проходившие обучение на различных факультетах. Составители словаря стремились к тому, чтобы количество мужчин и женщин в их экспериментах было примерно одинаковым. На интересующий нас стимул «Родина» (в РАС слово пишется именно с большой буквы) было получено 202 реакции.

Вторая выборка, как уже было сказано выше, появилась благодаря усилиям автора данной статьи, который в 2006 г. провел анкетирование в ряде московских и подмосковных вузов. Общее число испытуемых составило 140 человек при равном количестве мужчин и женщин (по 70 соответственно). Студенты учились на различных факультетах. В списке-опроснике фигурировали 113 слов-стимулов. Инструкция гласила, что испытуемые должны были написать первое слово, пришедшее им в голову по прочтении каждого из слов списка. Такая ор-

¹ Выражаю благодарность за данную информацию В. П. Мазурику.

ганизация исследования полностью соответствовала методологии, принятой в РАС. В данной статье мы рассматриваем стимул «родина».

В 2001–2002 гг. автор провел аналогичное исследование в Осацком университете (University of Osaka, Japan) среди студентов различных факультетов в возрасте от 18 до 23 лет. Все испытуемые были носителями японского языка. Эксперимент проводился на японском языке, но в полном соответствии с уже стандартной российской методологией. Как и в случае с опросом в России, в Японии было опрошено 140 респондентов (70 мужчин и 70 женщин). В список-опросник вошли 120 слов-стимулов, среди которых было и слово *bokoku* («родина»).

Скажем несколько слов о том, как осуществлялся сопоставительный анализ ассоциативных полей. Вначале и русский, и японский стимулы должны быть проанализированы на предмет их семантического соответствия, поэтому необходимо было сравнить семантическую структуру словарных значений анализируемых слов. Для этих целей мы использовали «Большой толковый словарь японского языка» [Daijirin, 1995] и «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова, 1999].

Необходимо также сопоставлять ассоциативные поля по смысловым компонентам; эта идея восходит к коллективной монографии «Ментальность россиян» [1997]. Перечень обязательных ассоциативных компонентов, предложенный там и уже ставший традиционным во многих ассоциативных исследованиях, выглядит следующим образом: логико-понятийный (отражающий знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивный (знания, опирающиеся на представления о чувственно-телесной реальности), ценностно-смысловой (знания, связанные с духовными идеалами) и эмоционально-аффективный (знания, возникшие на основе субъективных переживаний). В сводную таблицу реакций вносятся все реакции, насчитывающие в каждой выборке не менее 1,25 % (то есть в округленном значении не менее 1,5 %). Каждой реакции (или при необходимости группе реакций, объединенных общей семантикой) присваивается порядковый номер. Так создается табл. 1, в которой для каждого компонента и для каждой выборки в конце каждой строки таблицы в скобках приводится суммарный удельный вес всех членов данной строки. Ее цифровые данные расшифровываются содержательно в табл. 2.

Таблица 1

Разбиение ассоциативных полей *родина* и *bokoku*
по смысловым компонентам *

Table 1

Breakdown of associative fields *rodina* and *bokoku*
along semantic components

Смысловой компонент	Выборка		
	Я	P1	P2
Логико-понятийный	1; 2; 4; 7; 9; 10 (55 %)	3; 8; 9; 10; 11 (16,5 %)	2; 3; 5; 6; 12 (31 %)
Ценностно-смысловой	3; 5; 8; 12; 13 (14 %)	1; 2; 6; 7 (31,5 %)	1; 4; 7; 9 (39,5 %)
Телесно-перцептивный		4 (4 %)	
Эмоционально-аффективный	6; 11 (3,5 %)	5; 12 (5 %)	8; 10; 11 (5 %)

* В табл. 1 и 2 используются следующие обозначения: Я – реакции японцев; P1 – реакции русских из РАС; P2 – реакции русских 2006 г.

Таблица 2

Расшифровка нумерации групп реакций,
выделенных по принципу семантической близости

Table 2

Detailed interpretation of reactions indexed along semantic components

Я	P1	P2
1: 日本/Япония (39,5 %)	1: мать + моя мать (15 % + 0,5 % = 15,5 %)	1: мать (29 %)
2: 外国/заграница + 異国/зарубеж + 海外/зарубеж (5 % + 0,5 % + 0,5 % = 6 %)	2: моя + она моя (8,5 % + 0,5 % = 9 %)	2: Россия (15,5 %)
3: 祖国/отечество + 自分の国/своя страна (5 % + 0,5 % = 5,5 %)	3: Россия (7,5 %)	3: страна (6,5 %)
4: アメリカ/Америка (4,5 %)	4: зовет + мать зовет (3 % + 1 % = 4 %)	4: моя + свое (5 % + 0,5 % = 5,5 %)
5: 故郷/родной край + ふるさと/родной дом (3,5 % + 0,5 % = 4 %)	5: любимая + любовь (2,5 % + 1 % = 3,5 %)	5: земля + моя земля (4 % + 0,5 % = 4,5 %)
6: 愛国心/патриотизм + 愛国/патриотизм (1,5 % + 0,5 % = 2 %)	6: одна + всего одна + единственная (2,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 3,5 %)	6: дом (3 %)
7: 日の丸/Хиномару (2 %)	7: Отчизна + Отечество (2 % + 1,5 % = 3,5 %)	7: отечество + отчизна (1,5 % + 1,5 % = 3 %)
8: 大切/важно (1,5 %)	8: СССР + Советский Союз (2,5 % + 0,5 % = 3 %)	8: патриот (3 %)
9: 戦争/война (1,5 %)	9: береза + березка + березки + березы (0,5 % + 0,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 2 %)	9: защищать + защита (1,5 % + 0,5 % = 2 %)
10: 山/гора (1,5 %)	10: большая + большой (1,5 % + 0,5 % = 2 %)	10: гордость (1,5 %)
11: なつかしい/дорогая сердцу (1,5 %)	11: страна + моя страна (1,5 % + 0,5 % = 2 %)	11: любовь (1,5 %)
12: 母語/родной язык (1,5 %)	12: патриот + патриотизм (1 % + 0,5 % = 1,5 %)	12: флаг (1,5 %)
13: 日本語/японский язык (1,5 %)		

Отметим, что большая часть реакций характеризуется разнообразием смысловых оттенков, поэтому отнесение реакции к тому или иному смысловому компоненту зависит от того, какой из оттенков преобладает. Такое отнесение в некоторой степени субъективно, однако такова вся лингвистика: интроспекция и оценочность – ее неотъемлемые атрибуты (ср. в этой связи [Дебрэнн, 2015. С. 6; Пантеева, 2020. С. 52–54].) Несмотря на это, распределение реакций по смысловым компонентам позволяет во многом упорядочить экспериментальный материал и представить анализируемые ассоциативные поля в виде простых для восприятия схематических таблиц.

Выделение смысловых компонентов в ассоциативных полях позволяет вскрыть особенности взаимосвязи слов в ассоциативном тезаурусе. Поскольку наш эксперимент является массовым, можно говорить о возможности анализа социокультурной ситуации в отдельно взятый период времени. Такой подход позволяет делать аргументированные и надежные выводы о содержании образа сознания в исследуемых лингвокультурах (в данном случае русской и японской).

В предыдущих статьях из данной серии мы, помимо анализа семантических компонентов, рассчитывали показатели близости выборок. В данном случае мы воздержимся от этой зада-

чи по той причине, что в исследуемых ассоциативных полях присутствуют лексемы, различающиеся по семантическому наполнению, но указывающие на одни и те же культурные смыслы. Показатель близости выборок в данном случае не в состоянии точно отразить степень взаимного наложения семантики ассоциативных полей, поскольку обсуждаемый показатель релевантен только для ситуаций с полным совпадением лексем.

Обсуждение исследуемых ассоциативных полей

Перейдем непосредственно к анализу образа родины.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [1999] «родина» трактуется как 1) отечество, родная страна и 2) место рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь. Приведенная трактовка удачна в том плане, что не сводит содержание лексемы «родина» исключительно к месту рождения. Под родиной может иметься в виду и «родная страна» безотносительно места рождения. В наших предыдущих статьях мы указывали на расхождения в семантике русских и японских эквивалентов: как правило, наполнение даже эквивалентных лексических единиц в разных языках различается. Интересно, что в данном случае Большой толковый словарь японского языка [Daijirin, 1995] определяет японский эквивалент слова «родина» *bokoku* точно так же, как это делают составители толкового словаря русского языка. Семантика двух данных лексем полностью совпадает. Однако различается восприятие образа родины в соответствующих лингвокультурах, что мы и обсудим ниже.

Первое, что бросается в глаза при поверхностном взгляде на три исследуемые выборки – теснейшая связь образов родины и матери в русской лингвокультуре (реакция «мать» в обеих русских выборках уверенно занимает первое место по частотности) и отсутствие такой связи в японской лингвокультуре. Патриотизм японцев связан, прежде всего, с названием родной страны: реакция «Япония» набирает феноменальные для ассоциативных экспериментов 39,5 %. Японские испытуемые и здесь продемонстрировали традиционное для них единомыслие, хотя и неабсолютное.

Следующие по частотности реакции не менее интересны. Японцы прибегают к популярной для ассоциативных экспериментов стратегии антонимизации: на втором месте по частотности следует реакция «заграница» (6 %). В русских выборках доля такой реакции очень низка. Второе место в русских выборках занимает название страны; причем во второй русской выборке реакция «Россия» набирает 15,5 %, тогда как в первой было в два раза меньше (7,5 %). Однако здесь следует помнить, что анкетирование частично проводилось еще в советскую эпоху, то есть в период смены названий, в конце 1990-х гг., и потому в первой русской выборке присутствуют и реакции «СССР», «Советский Союз», набирающие в сумме 3 %.

Ярким явлением русских выборок является высокочастотная реакция «моя», получающая 9 % в первой русской выборке и 5,5 % – во второй (разрыв между этими значениями нельзя признать существенным). В этом можно усмотреть наглядный пример индивидуалистских или эгоцентрических тенденций² современной русской культуры. Действительно, мы не наблюдаем в русских выборках повторяющихся реакций коллективного характера (например, «наша»). Русские склонны рассматривать образ родины как часть своего внутреннего мира.

² В своем крайнем виде эгоцентрический индивидуализм западного человека, особенно **творческого** или просто креативного, стремится к следующему логическому пределу: «Индивидуалистские – т. е. культуры западного толка, для которых понятие *Universe* аффективно стремится, разумеется, вопреки научной этимологии, к выделению из себя ядерного личностного *You* и еще там чего-то *вокруг*, претендующего на ядерность. Коллективистские – культуры восточного толка, в которых, как показывает формально-семантическая структура русского эквивалентного понятия *Вселенная*, в ядро помещена семантика «все», а *вокруг* и *внутри* что-то там еще. Параллельно вновь набирает силу и “антропоцентрическая космология”, с Землей как центром Вселенной» [Фефелов, 2015. С. 64].

Японская лингвокультура, как известно, характеризуется ярко выраженным коллективизмом, то есть является низкоконтекстной. На примере рассматриваемой реакции он проявляется в крайне высоком удельном весе самой частотной реакции («Япония»), которая находится в безоговорочном отрыве от второй по частотности реакции, набирающей всего 5 %. Также ввиду того, что Япония находится под существенным влиянием США, 4,5 % в японской выборке набрала реакция «Америка». Подробнее о сути этой реакции будет сказано ниже.

Все три выборки объединены реакциями «отечество» и «отчизна». Это синонимы стимула, причем по частотности они входят в ядро всех ассоциативных полей. Мы видим, что синонимизация является продуктивной стратегией ассоциирования. Похожая тенденция прослеживалась и на примере многих других слов-стимулов.

В русских выборках следует обратить внимание на следующие расхождения: в первой русской выборке значима реакция «зовет» (3 %), которую нужно рассматривать как отсылку к прецедентному тексту «Родина-мать зовет!», тогда как во второй русской выборке такая реакция единична. Зато во второй выборке становится значимой связь между образами родины и земли (соответствующие реакции в совокупности набирают 4,5 %), что нехарактерно для первой русской выборки. Мы склонны объяснить это выдвиганием на первый план идеи частной собственности при переходе с социалистического уклада жизни на капиталистический. О том же свидетельствует и реакция «дом», ставшая частотной (3 %) только во второй русской выборке.

На периферии всех трех ассоциативных полей фигурируют отсылки к понятиям патриотизма и любви: и русские, и японцы ожидаемо любят свою родину и переживают за нее.

Теперь обратимся к смысловым компонентам соответствующих ассоциативных полей.

Наиболее насыщенным является логико-понятийный компонент. Напомним, что в Московской психолингвистической школе принят подход, согласно которому разница в частотности является статистически значимой в случае отрыва одного сравниваемого показателя от другого в три и более раза. Это делается в целях элиминирования индивидуальных особенностей испытуемых. Разница в два раза теоретически может быть случайной, но разница в три раза – это уже закономерность. Что касается логико-понятийного компонента, то его удельный вес в японской выборке более чем в три раза превосходит аналогичный показатель в первой русской выборке, хотя от второй русской выборки отрыв не столь велик. Это означает, вероятнее всего, что японцы относятся к образу родины более утилитарно, чем русские постперестроечного периода. Вместе с тем необходимо отметить, что столь высокий процент логико-понятийному компоненту в японской выборке обеспечила, прежде всего, парадигматическая реакция «Япония», набравшая 39,5 %. Японцы не только утилитарны, но и стремятся мыслить «в унисон», что прямо согласуется с их коллективистской ментальностью – продуктом долгого культурно-идеологического развития. В России же начало 1990-х гг. характеризовалось отсутствием четких ценностных и идеологических ориентиров, поэтому прагматичность решений отступала на второй план. Ситуация несколько изменилась к началу XXI в.: заметно больший процент русских респондентов стал воспринимать родину в логико-понятийном ключе. Что касается японцев, то мы видим, что слово «родина» однозначно ассоциируется у них с названием родной страны.

Весомой группой реакций в составе логико-понятийного компонента являются реакции внешнеполитического характера. В японской выборке это реакции «Америка» (4,5 %) и «война» (1,5 %). По этим реакциям мы можем судить, что отголоски жестокой Второй мировой войны, для Японии в значительной степени японо-американской, до сих пор транслируются на японскую молодежь. Действительно, трагическая история поражения в этой войне, результатом которого стала культурная и политико-идеологическая зависимость Японии от США, оставила глубокий след в мировидении японцев. Именно по этой причине реакция «Америка» вошла в ядро ассоциативного поля *bokoku*.

Это не значит, конечно, что после войны японцы стали считать Америку своей родиной; реакция говорит о том, что Япония попала под влияние США, воспринимаемое в японском

обществе как зависимость. Такое суждение имеет, однако, свои нюансы: негативному отношению противостоит понимание того, что США все-таки обеспечили современной Японии послевоенную экономическую поддержку и гарантировали защиту от потенциально недружественных стран. Вот что пишет по этому поводу японский политолог К. Фунабаси, в рассуждениях которого послевоенная политика США ассоциируется с благородством: «Великодушные Соединенных Штатов как победителя и оккупанта побежденной страны было поистине беспрецедентным: Америка поддерживала Японию как независимую страну, защищала ее от внешних угроз, открыла собственные рынки для японских товаров и приложила немалые усилия для того, чтобы в кратчайшие сроки вернуть Японии ее полноценный статус в международном сообществе. Последним штрихом этого великодушия стало возвращение Окинавских островов в 1972 г. <...> Спонсируемые США послевоенная демократизация и экономическое развитие Японии не только способствовали возрождению японской нации, но и сделали возможным тесное взаимовыгодное экономическое сотрудничество между Японией и Соединенными Штатами. <...> Кроме того, экономический успех Японии заложил надежный фундамент под союзнические отношения США и Японии и стимулировал всестороннюю безопасность» [Funabashi, 1992. P. 25].

Вместе с тем «Америка» для японцев – это своего рода антоним слова «родина», на что указывает высокочастотная реакция «заграница»/*gaikoku* (5 %) в их ответах.

Русские респонденты начала 1990-х гг. задумывались о геополитике в меньшей степени. К понятиям такого рода можно отнести находящуюся на периферии ассоциативного поля парадигматическую реакцию «страна» и – с некоторой натяжкой – находящуюся рядом по частотности синтагматическую реакцию «большая». Во второй русской выборке реакция «страна» уже входит в ядро ассоциативного поля (6,5 %), тогда как реакция «большая» отсутствует (зафиксирована единичная реакция «велика», но в силу ее низкой частотности мы не можем делать из этого какие-либо выводы). На периферии ассоциативного поля начала XXI в. обнаруживаем реакцию «флаг» (1,5 %). Данная реакция переключается с японской реакцией «Хиномару» (2 %), официальным названием государственного флага Японии.

Показательны также ассоциации, связанные с ландшафтом и природой родной страны.

Так, в японской выборке обращает на себя внимание парадигматическая реакция «гора». Это вполне объяснимо, если учесть, что значительная часть Японии покрыта горами. Тематика гор прочно вошла в японскую мифологию, литературу и другие виды искусства, а гора Фудзи стала символом Японии. Русские же респонденты начала 1990-х гг. упоминают «березы» и «березки», которые стали своеобразным символом российской природы, не отличающейся яркостью. Таким образом, японцы и русские постперестроечного периода демонстрируют любовь к природе родного края, понимают важность сохранения гармонии между человеком и природой. Однако новорусские респонденты начала XXI в. стали относиться к природе более высокомерно, на что указывают две знаковые реакции этого периода – «земля» и «дом». Следовательно, можно предположить, что вопросы собственности волнуют современных россиян в большей степени, чем вопросы экологии. Действительно, вырубка зеленых насаждений ради постройки домов и других объектов инфраструктуры либо просто ради обогащения стала в России повсеместным явлением. Так, например, С. В. Мясников, рассматривая ситуацию в России начала 2010-х гг., отмечает «повсеместное ухудшение лесной экологии в России» и подчеркивает, что на данном этапе «активно сокращается био-разнообразие лесной природы, меняется привычный для старшего поколения природный ландшафт, идет массовое вырождение традиционной лесной древесной растительности, повсеместно заметно сокращение или даже полное исчезновение традиционных ареалов обитания лесной флоры и фауны» [Мясников, 2013. С. 225–226]. Все это происходит по причине хищнического использования российских природных ресурсов местным бизнесом, ориентированным на экспорт (то есть на доллар или юань).

Перейдем к ценностно-смысловому компоненту. Ожидаемо в обеих русских выборках тон задает реакция «мать». Анализируя стимул «мать» в нашей предыдущей статье, мы отмечали

связь образов матери и родины, иллюстрируя ее известным лозунгом «Родина-мать зовёт!» [Палкин, 2020. С. 81]. В ассоциативных полях «мать» для обеих русских выборок реакции «Родина» и «родина» находились на периферии. Любопытно поэтому, что в ассоциативных полях «родина» реакция «мать» занимает первое место по частотности. Здесь уже недостаточно сослаться на растиражированный в советское время лозунг. Связь в сознании респондентов образов родины и матери обусловлена, прежде всего, как нам представляется, восприятием родины как сущности, дающей жизнь, жилье и защиту. Важным фактором, стимулирующим такую реакцию, является и грамматический род лексемы «родина». Женственность родины перекликается с женственностью матери, России, страны. Как мы неоднократно отмечали, у России женское лицо и, более того, именно русские женщины в состоянии способствовать прогрессу русской лингвокультуры, тогда как мужчины являются более слабым звеном российского общества. Рамки данной статьи не позволяют нам привести развернутое обоснование этого тезиса, поэтому отсылаем читателей к работе [Палкин, 2017].

Для японской лингвокультуры связь между понятиями «родина» и «мать» неактуальна. Это обусловлено, с одной стороны, более патриархальным, по сравнению с российским, укладом японской лингвокультуры и, с другой стороны, отсутствием категории рода у неодушевленных существительных в японском языке. Японские респонденты подчеркивают ценность родины иначе – такими словами, как «важно» (1,5 %), «родной край» (3,5 %) и «отечество»³ (5 %). В то же время в японском языковом сознании фиксируется четкая связь между родиной и языком, на котором говорят носители соответствующей культуры, поэтому на периферии японского ассоциативного поля фигурируют реакции «родной язык» и «японский язык» (по 1,5 %). Для русских респондентов подобные реакции не характерны. Следовательно, для японцев родной язык выступает как бóльшая ценность, чем для русских, в тесной связи с образом родины, занимающим видное место в этической картине мира. Возможно, такое внимание к родному языку возникло у японцев на фоне активно циркулировавшей в японском обществе во второй половине XX в. теории о том, что японский мозг и, соответственно, японский язык устроены по-особому, не так, как у других народов. В настоящее время эта теория с мифологическим подтекстом теряет популярность ввиду своей теоретической несостоятельности, но, естественно, многим хочется верить в то, что хотя бы отчасти она верна. Этого убеждения оказалось достаточно, чтобы не выдерживающая научной критики теория поспособствовала, тем не менее, реальному повышению интереса японцев к родному языку.

Обращает на себя внимание сравнительно низкий удельный вес реакций в данном компоненте для японской выборки по сравнению с русскими выборками, в особенности со второй русской выборкой. Это связано с тем, что львиная доля реакций из японского ассоциативного поля попала в логико-понятийный компонент. Мы видим, что в русской языковой картине мира образ родины более значим, чем в японской. Можно предположить, что это связано с относительной новизной слова *bokoku*. Оно появилось в японском языке сравнительно недавно и потому еще не осознается как знаковое. Получается, что понятие существует, концептуализация произошла, но его ценность не осмысливается в полной мере носителями языка, поскольку в японском языковом сознании образ родной земли связан, прежде всего, с названием страны, а не с каким-либо другим термином, прямо противопоставляющим ее самобытность, самодостаточность и суверенность *gaikoku*. Не так в русской лингвокультуре: в ней образ родины пронизан многочисленными ценностными характеристиками.

Что касается реакций из русских выборок, отнесенных к ценностно-смысловому компоненту, то, помимо уже упомянутой реакции «мать», следует прокомментировать синтагматические реакции «моя» и «одна», частотность которых сравнительно высока. Показателен сам факт, что реакция «моя» входит в ядра обеих русских ассоциативных полей, тогда как реак-

³ Здесь соответствие «отечество» – очень приблизительная компромиссная доместикация; дословно реакция *sokoku* переводится иначе – «страна предков».

ция «наша» единична. Очевидно, что реакция «моя» свидетельствует о неготовности респондентов рассматривать общественное как более приоритетное, чем личное, в то время как реакция «наша» указывала бы на коллективистское восприятие действительности. О коллективизме японцев известно давно и своими реакциями на стимул *bokoku* они подтвердили достоверность этого знания. О коллективизме русских писали многие мыслители XIX и XX вв. и – по инерции – ученые XXI в., однако полученные нами данные свидетельствуют о преобладании индивидуализма в мировидении современных русских, причем этот индивидуализм был характерен уже для русских постперестроечного периода.

Наличие реакций «Отчизна» и «Отечество» в русских выборках вполне ожидаемо, поскольку синонимизация – это продуктивная стратегия ассоциирования. Между тем обращают на себя внимание реакции «защита» и «защищать» из второй русской выборки. Тема защиты родины не актуальна для респондентов постперестроечного периода. Тогда Россия была максимально открыта всевозможным контактам с представителями других стран и культур. Образ врага, активно муссировавшийся на протяжении десятилетий советской пропагандой, претерпел существенную трансформацию, сместившись с внешних врагов на внутренних. Однако в начале XXI в. мы видим возвращение советской риторики в российские средства массовой информации. Россия снова «в кольце врагов», которые грозят нам из-за рубежа. Все это не могло не отразиться на массовом сознании, что и способствовало появлению реакций, указывающих на необходимость защищать родину.

Перейдем к телесно-перцептивному компоненту. Он нагружен минимально и представлен единственной группой реакций «зовет» и «мать зовет» (в сумме 4 %) из первой русской выборки. Это показательная реакция, которая, как и в случае со многими другими проанализированными нами стимулами, свидетельствует о потере русскими гражданами постперестроечного периода готовности планомерно анализировать окружающую действительность. Под влиянием культурного шока, связанного со сменой идеологической парадигмы и активным заимствованием западных ценностей, многим было проще уйти от здоровой оценки текущих событий. В условиях, когда старые ценности потеряли актуальность, а новые не были выработаны, респонденты начала 1990-х гг. активно прибегали к клишированным реакциям. Глагол «зовет» является характерным примером таковой, отсылая к известной советской идеологеме «Родина-мать зовет» и иллюстрирующему ее памятнику, установленному в Волгограде. Учитывая, что во второй русской выборке реакция «зовет» единична, можно сделать вывод о том, что к началу XXI в. русские стали более осознанно и здраво смотреть на происходящее вокруг себя и вокруг страны в том смысле, что стали задаваться вопросами «Куда?» и «Зачем?», полагая, что у них есть возможность откликнуться на альтернативные призывы извне. Японцы подобных реакций не предлагали, что свидетельствует об умиротворенности жизни японского общества в начале XXI в. В любом случае образ родины в обеих лингвокультурах ожидаемо не несет значимой телесно-перцептивной нагрузки.

Что касается эмоционально-аффективного компонента, то в этой части мы обнаруживаем его примерно равную наполненность во всех трех выборках. Во многом совпадают и смыслы, связанные с эмоциональной сферой респондентов и составляющие специфику этого компонента. Пусть и на периферии ассоциативных полей, но с известной стабильностью всякий раз присутствует образ патриотизма (2 % – в японской выборке, 1,5 % – в первой русской выборке и 3 % – во второй русской выборке). Связь образов родины и патриотизма закономерна; в доперестроечное время она не нуждалась в дополнительных комментариях, но сейчас понятие патриотизма часто встраивается в ряд *патриотизм – национализм – шовинизм*, что создает потенциальную возможность для манипулирования различиями между ними и основу для подмены патриотизма национализмом и наоборот. В русских выборках обнаруживаем также реакцию «любовь». При этом интересно, что во второй русской выборке фигурирует повторяющаяся реакция «гордость», отсутствующая в первой русской выборке. Получается, что русские постперестроечного периода, несмотря ни на что, любили свою родину, но не могли ей гордиться, тогда как в начале XXI в. появились те, кто испытывал

гордость за свою страну. Опять же мы наблюдаем больший оптимизм русских начала XXI в. по сравнению с началом 1990-х гг. Социологи также отмечают рост патриотических настроений в России на протяжении 2000-х гг. [Савва, 2017. С. 19].

Японцы тоже любят свою родину, но выражают это при помощи другой лексемы. Речь идет о синтагматической реакции なつかしい, которую мы перевели как «дорогая сердцу», но такой перевод не только приблизителен, но и несколько обманчив. У японцев в данной реакции коннотативно подчеркиваются грусть и даже тоска, связанные с Родиной, причем в возвышенном ключе, требующем написания с прописной буквы. Таким образом, точный этносемантический перевод обсуждаемой лексемы на русский язык невозможен, но нам важно понимать, что эта лексема отражает *возвышенные* чувства японцев по отношению к своей родине.

Заключение

Анализ ассоциативных полей *bokoku* и *родина* показал общее и вариативное в восприятии образа родины русскими и японцами.

Что касается общего, то представители обеих лингвокультур едины в своей любви к родине. Подавляющее большинство реакций в обеих выборках имеет положительные коннотации. Респонденты имеют четкое представление о том, где находится их родина. Разумеется, молодые японцы называют Японию, а молодые русские – Россию. При этом подчеркнем, что всякий раз перед проведением анкетирования мы уточняли национальную принадлежность респондентов. Анкеты респондентов из других стран, случайно попавших в выборку, отсеивались.

Расхождений во взглядах на образ родины у русских и японцев заметно больше. Важным фактором для формирования в языковом сознании образа родины является этимология рассматриваемых слов-стимулов: русское слово «родина» восходит к древнему праславянскому корню «род», то есть имеет чрезвычайно долгую историю. Японское слово *bokoku*, напротив, является относительно молодым. Ожидаемо более древнее слово (*родина*) «обросло» дополнительными культурно-историческими, морально-нравственными и идеологическими смыслами и приобрело гораздо большую ценность, накопило более весомый культурный капитал, чем не столь давнее *bokoku*. Именно этим объясняется его сравнительно низкий совокупный удельный вес реакций, вошедших в ценностно-смысловой компонент.

Грамматический род русского слова «родина» обуславливает восприятие родины в образе матери, тогда как имплицитруемая в синониме «отечество» сема *отец* находится не периферии женского образа, дополняя его. Для японского языкового сознания связь образов матери и родины неактуальна, и это несмотря на то, что иероглиф 母 («мать») входит составной частью в понятие *bokoku* (母国).

Что касается смысловой наполненности соответствующих ассоциативных полей, то японцы мыслят родину в противопоставлении ее за границе, в то время как русские демонстрируют склонность к «присвоению» родины, используя притяжательные местоимения. Такая тенденция свидетельствует о преобладании индивидуализма в языковом сознании русских. Следовательно, называть русскую культуру начала XXI в. коллективистской неправомерно. Имеются веские основания считать, что коллективизм преобладал в русской культуре в начале XX в., однако наши данные показывают, что в результате «эксперимента» по построению социализма, осуществленного большевиками на территории России, вектор эволюции русской культуры устремился в сторону индивидуализма. Все эти пертурбации незнакомы японской культуре, которая устойчиво демонстрирует коллективистские тенденции.

Представители двух русских выборок ожидаемо обнаруживают большую степень близости мировоззрений по сравнению с японцами. Между тем необходимо отметить, что, как и в случае со многими другими стимулами, мировидение русских начала 1990-х гг. пронизано

но неготовностью к серьезному анализу ситуации, что проявляется в обилии реакций, отсылающих к клише. Такое положение можно объяснить только культурным шоком, который испытали на себе даже те россияне, которые не выезжали за границу. После развала Советского Союза на страну обрушился вал информации из западного мира, который резко противоречил ранее выработанным нормам. Многие не справились с чрезмерным объемом поступающей информации и отказались от конструктивного мышления, предпочтя следовать шаблонам. Однако в начале XXI в. шаблонных реакций стало, как показывают наши новые данные, значительно меньше. Более того, в языковом сознании снова появилось слово «гордость», которое не пользовалось популярностью в постперестроечный период развития страны.

Хочется закончить наш разбор формулировкой характеристик более общего характера. Уже было сказано о том, что и японцы, и русские склонны к выражению в речи высокого патриотизма, однако лексические средства, которые они применяют для этого, имеют отличительные культурно-исторические коннотации. Объединяет представителей обеих культур и использование стратегии синонимизации в ходе построения ассоциаций, связанных с образом родины. На периферии всех ассоциативных полей обнаруживаются природные реалии, являющиеся знаковыми для соответствующей лингвокультуры. Для японцев это гора, для русских начала 1990-х гг. – березы, для русских начала XXI в. – земля. Здесь мы можем наблюдать контраст, с одной стороны, между японской и первой русской выборками, где приоритетным является любование родной природой, и, с другой стороны, второй русской выборкой, в которой приоритетным оказывается земельный вопрос, то есть право собственности.

Таким образом, несмотря на многочисленные различия, обнаруженные в связи с восприятием образа родины в русской и японской лингвокультурах, прослеживаются общие подходы, которые способны стать теми факторами, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания между представителями рассмотренных лингвокультур.

Список литературы

- Аргановский С. Н. Родина как культурно-исторический феномен // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 2 (11). С. 11–15.
- Гимаев Я. А. Актуализация концепта *РОДИНА* в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.
- Дебрени М. Лингвистическая интроспекция плюрилингва // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 5–14.
- Макарова О. В. Формирование образа родины в процессе становления социокультурной идентичности младших школьников: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2019. 24 с.
- Мясников С. В. Социальные аспекты лесной политики в современной России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 4 (29). С. 225–228.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.
- Палкин А. Д. Образ жизни в языковом сознании русских и японцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 3. С. 71–83.
- Палкин А. Д. Образ матери в языковой картине мира русских и японцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 24–34.
- Палкин А. Д. Трактовка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс // Вестник Московского института лингвистики. 2013 (№ 2), 2014 (№ 1). С. 54–65.
- Пантеева К. В. Рациональная и эмоциональная оценка: все дело в экспрессивности? // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 47–58. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-47-58.

- Померанцева Д. Г.** Психология ошибок устной речи младших школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Минск, 1953. 12 с.
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ, Астрель, 2002. 782 с.
- Савва Е. В.** Динамика концепта патриотизма и представлений о нем в общественном мнении современной России // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 11. С. 17–20.
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-Восточный переводоведческий диван) // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. Т. 13, № 3. С. 55–78.
- Цыганенко Г. П.** Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. Киев: Радянська школа, 1989. 511 с.
- Daijirin. Tokyo: Sanseido, 1995. (in Jap.)
- Funabashi, K.** Japan and America: global partners. *Foreign Policy*, 1992, no. 86, p. 24–39.

References

- Artanovsky, S. N.** Motherland as Cultural-historical Phenomenon. *Vestnik SPbGUKI*, 2012, no. 2(11), p. 11–15. (in Russ.)
- Debrenne, M.** Plurilingual's linguistic introspection. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 5–14. (in Russ.)
- Gimaev, Ya. A.** Actualization of the Concept MOTHERLAND in School Literature Textbooks and in Students' Mass Consciousness. Extended abstract of Candidate of Philology Dissertation. Moscow, 2010, 20 p. (in Russ.)
- Makarova, O. V.** Formation of Motherland Image in the Process of Evolution of Junior Schoolchildren's Identity. Extended abstract of Candidate of Pedagogy Dissertation. Saint Petersburg, 2019, 24 p. (in Russ.)
- Myasnikov, S. V.** Social aspects of forest policy in modern Russia. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2013, no. 4 (29), p. 225–228. (in Russ.)
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu.** Russian Explanatory Dictionary. Moscow, Azbukovnik, 1999, 939 p. (in Russ.)
- Palkin, A. D.** Image of life in language consciousness of Russians and the Japanese. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 91–105. (in Russ.)
- Palkin, A. D.** The image of mother in the language picture of the world of Russians and the Japanese. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 71–83. (in Russ.)
- Palkin, A. D.** Rendering the interrelation of language and mind: historical journey. *Vestnik of Moscow Institute of Linguistics*, no. 2/2013 – no. 1/2014, p. 54–65. (in Russ.)
- Panteeva, Ksenia V.** Rational and Emotional Evaluation: Is It All about Expressiveness? *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 47–58. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-47-58
- Pomerantseva, D. G.** Psychology of Junior Schoolchildren's Oral Speech Mistakes. Extended abstract of Candidate of Psychology Dissertation. Minsk, 1953. 12 p. (in Russ.)
- Russian Associations Dictionary. In 2 vols. Eds. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, Ye. F. Tarasov. Moscow, AST, Astrel, 2002, vol. 1: From Stimulus to Reaction, 782 p. (in Russ.)
- Savva, Ye. V.** Dynamics of the concept of patriotism and its perception in modern Russia's public opinion. *Society: Politics, Economics, Justice*, 2017, no. 11, p. 17–20. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and of its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)

- Tsyganenko, G. P.** Etymology Dictionary of Russian: Over 5000 Words. Kiev, Radyanska Shkola, 1989. 511 p. (in Russ.)
Daijirin. Tokyo: Sanseido, 1995. (in Jap.)
Funabashi, K. Japan and America: global partners. *Foreign Policy*, 1992, no. 86, p. 24–39.

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

30.09.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия)

Alexei D. Palkin, Doctor of Sci. (Linguistics), Professor of the English Language Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

p-alexis@yandex.ru

УДК 81'42, 81.432.1
DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97

Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в англоязычном предвыборном дискурсе

В. А. Каменева, Н. В. Потапова

*Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия*

Аннотация

Представлен анализ тактики апелляции к авторитету, актуализирующей стратегию (де)легитимизации в англоязычном предвыборном дискурсе. Материал исследования составили шестьдесят предвыборных выступлений кандидата на пост президента США Дж. Байдена и кандидата на должность вице-президента США К. Харрис во время предвыборной кампании 2020 года. Работа основывается на теоретико-методологической базе лингвоперсонологии и политической лингвистики. Основные методы исследования: метод интен-анализа и семантико-стилистический метод. В работе выявлены и соотнесены «авторитеты», на которые ссылались названные политические деятели во время предвыборной кампании 2020 года, выступая перед избирателями по всей Америке. Полученные результаты указывают на то, что выбор «авторитета», в первую очередь, ориентирован на ожидания таргет-групп избирателей, которые политик федерального уровня должен уметь предугадывать. В ходе кампании политик апеллирует в своем личном и партийном дискурсе к тем авторитетам (людям, базовым ценностям и знаковым текстам), которые имеют наибольшую значимость для традиционного электората партии, а также определенных таргет-групп избирателей. В исследовании предложена обобщенная классификация «авторитетов» американского предвыборного дискурса двух исследуемых политических деятелей Демократической партии США, включившая авторитет политика, общественного деятеля; авторитет специалиста/эксперта; авторитет деятеля науки, культуры, искусства; авторитет самого оратора; авторитет родителей; авторитет должности; авторитет простых граждан (не знаменитостей); авторитет средств массовой информации; авторитет учреждения/инстанции; авторитет общечеловеческих ценностей; авторитет различного рода текстов (отчеты, законы, Библия). Многочисленность «авторитетов», вошедших в обобщенную классификацию, объясняется с позиции адресат-адресантного взаимодействия, позволяя также подчеркнуть значимость личности политика в выборе «авторитета» во время предвыборных выступлений перед определенной группой электората. В работе приведены результаты анализа языковых особенностей актуализации тактики апелляции к авторитету.

Ключевые слова

предвыборный дискурс, тактика апелляции к авторитету, ссылка на авторитет, коммуникативная стратегия, делегитимизация, легитимизация

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект»

Для цитирования

Каменева В. А., Потапова Н. В. Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в американском предвыборном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 84–97. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97

© В. А. Каменева, Н. В. Потапова, 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3

Authority-Based Strategy of (De)legitimization in American Electoral Discourse: A Case Study

Veronika A. Kameneva, Natalia V. Potapova

*Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation*

Abstract

The paper presents an analysis of (de)legitimization in American pre-election discourse based on the tactics of appealing to “authorities”, any entity, person or value which continue to retain confidence, have credibility or are otherwise entitled to authority in the society and family. Sixty 2020 election campaign speeches of U.S. presidential candidate Joe Biden and U.S. vice-presidential candidate Kamala Harris were the material of this case study. Our research approach is based on theoretical and methodological findings of linguopersonology and political linguistics. The main methods used are those of intent, semantic and stylistic analysis. The purpose was to identify, describe and categorize the authorities cited by the two politicians during their campaign and to correlate them to voters’ aspirations in the cities and states involved. The analysis of relevant contexts revealed that the choice of authorities is primarily guided by the expectations of target groups of voters to whom the campaign speech is addressed. For this reason, the pre-election discourse of the politicians under study includes the authorities which are important for different target groups of voters addressed all over the country. The study of the American pre-election discourse yields a general classification of authorities to which both politicians are appealing; it includes famous politicians, public figures, renowned experts, scientists, outstanding representatives of the culture and art. The politicians may also appeal to the authority of the speaker himself, their parents (mom, dad); edifying example of ordinary people (not celebrities); authority of high positions; authority of institutions and bodies; authority of universal values; authority of different kinds of texts (reports, laws, Scriptures), and sometimes authority of some mass media sources. The multiplicity of the authorities represented in our classification is explained in the paper as a logical consequence of addresser-addressee interaction. It also reveals the important role of the politician’s personality to appeal at a rally to “authorities” that might in his opinion be attractive for his specific audience. The paper presents the results of the analysis of the linguistic features of the appeal-to-authority tactics.

Keywords

pre-election discourse, speech tactics, appealing to authority, reference to authority, communicative strategy, delegitimization, legitimization

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-012-00522 “The problem of legitimation in political discourse: linguistic and personological aspect”

For citation

Kameneva, Veronika A., Potapova, Natalia V. Authority-Based Strategy of (De)legitimization in American Electoral Discourse: A Case Study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 84–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97

Введение

Предвыборный дискурс и его коммуникативные (иногда называемые речевыми) стратегии и тактики с античных времен и по сей день вызывают научный интерес у исследователей [Багана, Бочарова, 2012; Дмитриева, 2020; Каменева, 2019; Кононова, 2020; Копачева, 2019; Ленец, Сергеева, 2018; Новоселова, 2019; Подоляк, Маринина, 2016; Сергеева, 2019; Склярова, 2017; Халатян, 2011; Khajavi, Rasti, 2020]. Как правило, большинство исследователей рассматривают коммуникативные стратегии и тактики в предвыборном дискурсе в тесной взаимосвязи с его основными целями, выраженными известной триадой: «ориентация + интеграция + агональность». Как показал обзор научных работ, основное внимание уделяется стратегии самопрезентации политика в ходе предвыборной кампании [Куралева, Кондрашова, 2018; Руженцева, 2018; Сергеева, 2017], стратегии дискредитации политического оппонента [Богатырев, 2017; Голубева, 2008; Ленец, Сергеева, 2018; Хлопотунов, 2017], стратегии легитимизации и делегитимизации предвыборного дискурса [Голубева, 2016; Beetham, 1991; Hardin, 2007; Chovanec, 2010; Morris, 2008; Sadeghi, Hassani, Jalali, 2014].

Обзор научной литературы позволил выявить появление общей тенденции в работах отечественных и зарубежных ученых относительно специфики анализа стратегии легитимизации и делегитимизации. В профессиональном дискурсе политиков, уже занимающих должности, и в предвыборном дискурсе кандидатов на определенные посты стратегия легитимизации и стратегия делегитимизации исследуются в тесной взаимосвязи. В тесной взаимосвязи проводятся исследования данных стратегий и на материале профессионального дискурса политиков различных политических организаций и объединений, медийного политического дискурса и неинституционального интернет-дискурса. Так, в работах Т. М. Голубевой стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассада в политическом дискурсе Британии рассматриваются во взаимосвязи [Голубева, 2016]. Исследователь анализирует актуализацию стратегии легитимизации США и делегитимизации России в профессиональном дискурсе американских представителей при ООН [Голубева, 2017]. Д. С. Сергеева и А. В. Ленец рассматривают стратегию делегитимизации (дискредитации) вместе со стратегией самопрезентации на материале предвыборных твитов Дональда Трампа и Хилари Клинтон [Сергеева, 2017; Ленец, Сергеева, 2018]. Б. Садеги, М. Т. Хасани и В. Джалали используют термин «(de-)legitimation», объединяющий эти две стратегии, показывая актуальность и значимость подобного интегрированного изучения стратегии легитимизации и делегитимизации [Sadeghi, Hassani, Jalali, 2014].

Постановка вопроса

Вопрос о тактиках, актуализирующих стратегии легитимизации и делегитимизации и их языковых приемах, не теряет актуальность в отечественном языкознании уже несколько десятков лет. Если зарубежные ученые опираются на учение Тео Ван Леувена (Theo Van Leeuwen), то в отечественных работах нет единого взгляда на то, какие тактики объективируют данные стратегии.

Мы будем придерживаться точки зрения Т. Ван Леувена, согласно которой стратегия (де)легитимизации актуализируется следующими тактиками: этической оценкой, рационализацией, мифопоэтикой и ссылкой на авторитет (= апелляцией к авторитету) [Van Leeuwen, 2013].

Цель данного исследования – изучить тактику апелляции к авторитету в рамках стратегии (де)легитимизации в предвыборном дискурсе американских политиков, уделяя основное внимание ее сущностным и языковым особенностям.

Задачи исследования – идентифицировать «авторитеты» в выступлениях политиков, выявить наличие сходств и отличий в «авторитетах», к которым апеллируют политики, составить их классификацию, выявить языковые средства, актуализирующие тактику апелляции к авторитету. Обращение к языковому аспекту актуализации тактики апелляции к авторитету обусловлено тем, что именно язык является основным инструментом политического влияния, средством пропаганды и манипуляции [Lasswell, 1927; Fairclough, 1989; Hodge, Kress, 1993; Dijk, 2006]. Именно этот факт обуславливает значимость и актуальность выступлений политиков перед избирателями в рамках предвыборных кампаний на протяжении всей истории существования социумов с выборными должностями. В связи с этим значимым представляется и анализ языковых средств, применяемых для отсылки к «авторитету».

В обобщенный реестр «авторитетов», актуализируемых в различных видах дискурса, например, медийного и педагогического, включают ссылки на авторитет традиции, обычая и закона, а также ссылки на лиц, наделенных институциональной властью [Leeuwen, 2007]. На материале политического дискурса разработаны различные классификации «авторитетов», объективирующих тактику апелляции к авторитету. Так, в политическом дискурсе в качестве «авторитетов» рассматриваются влиятельные общественные и политические деятели, «общечеловеческие ценности, авторитетные СМИ, мнение общественности и авторитетные политики конкурирующих партий» [Крячкова, 2019. С. 96], в то время как в предвы-

борном политическом дискурсе выделяют «авторитет конкретного человека, авторитет учреждения, авторитет должности, авторитет возраста и собственный авторитет» [Злобина, 2017. С. 72].

По нашему мнению, набор «авторитетов», к которым апеллирует политик во время предвыборной кампании, будет многокомпонентным, что необходимо для охвата как можно большего числа таргет-групп избирателей. А идентификация набора (реестра) «авторитетов» предвыборного дискурса того или иного политика – источник информации о том, на какие категории избирателей политический деятель направляет свои предвыборные выступления. С другой стороны, данный реестр служит для политологов, социологов или культурологов источником информации о том, что является или стереотипно считается авторитетным для определенных групп избирателей.

Методология и материал исследования

В работе используется интегрированная методология лингвоперсонологии и политической лингвистики.

Материал исследования отбирался приемом сплошной выборки.

Материал исследования – 60 выступлений Джо Байдена и Камалы Харрис во время предвыборной кампании 2020 г., взятых с сайта¹, представляющего собой Библиотеку стенограмм (Transcription Library) с полными стенограммами выступлений, митингов, дебатов, анонсов, слушаний в Конгрессе, мероприятий, пресс-конференций, интервью с политическими и общественными деятелями. Обращение к предвыборному дискурсу данных политиков неслучаен. Научный интерес к изучению стратегий и тактик предвыборного дискурса уникального политического тандема обусловлен тем, что каждый из них значим сразу для нескольких социальных групп американского общества. Так, Джо Байден – человек в возрасте, второй (после Джона Кеннеди) кандидат-католик, опытный политик, известный своим умением находить компромиссы с политиками в самых спорных вопросах, борец за решение проблемы глобального потепления, доступности медицины для семей с низким доходом, примерный семьянин, человек, переживший несколько трагедий, связанных со смертью его детей и первой жены. Камала Харрис – успешный юрист, темнокожая женщина-политик азиатского происхождения, поддерживающая право женщин на аборт и выступающая за легализацию однополых браков.

Полученные результаты

1. Тактика апелляции к авторитету в предвыборных выступлениях кандидата на пост президента США Дж. Байдена

Проведенный анализ показал, что в своих публичных выступлениях кандидат в президенты Джо Байден стремится не столько обрисовать картину существующего положения дел в стране и мире, сколько добиться расположения аудитории, заручиться поддержкой потенциальных избирателей, создавая себе имидж политика, за которого стоит голосовать. Предвыборные речи Джо Байдена наполнены приемами убеждающего воздействия на электорат, позволяющего также делегитимизировать своих политических оппонентов. Для доказательства тех или иных тезисов кандидат в президенты использует рациональные аргументы, ссылаясь на различные авторитеты. Данная тактика позволяет укрепить позицию оратора в глазах реципиентов, предотвратить возможную критику предлагаемых политических решений и вместе с тем усилить выразительность речи.

В предвыборном дискурсе Джо Байдена одной из самых распространенных форм апелляции к авторитету является ссылка на авторитет политика. Обвиняя президента Дональда

¹ URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts>.

Трампа в бездействии в борьбе против COVID-19, оратор ссылается на сенатора Камалу Харрис, которая вызывает доверие у многих избирателей:

The President knew in January, as **Kamala said**, that this virus was deadly, but he hid it from the American people. He knew it was worse than the flu, but he lied to us. He knew it wasn't going to disappear. He kept telling us a miracle was coming, it'd be over by Easter.

Ссылаясь на американского политического, государственного и общественного деятеля, 35-го президента США Джона Фицджеральда Кеннеди, Джо Байден говорит о необходимости действовать, о том, что для Америки нет ничего невозможного:

I'll never forget what **President Kennedy said** when he promised to send us to the moon in his speech. He said, "We're doing it because we refuse to postpone." That's what Americans do, refuse to postpone what is needed. I refuse to postpone my work America must do now. There's nothing, this is not hyperbole, there is nothing beyond the capacity of United States of America. There's no limit to America's future.

Для придания большей убедительности своей позиции Джо Байден часто апеллирует к мнениям экспертов из разных областей (экономики, медицины и др.). В своем выступлении кандидат в президенты призывает создавать новые рабочие места в машиностроении:

Made in Ohio, made in Detroit, made in America. It's going to mean one million, **according to the experts**, one million new good paying auto jobs in the automobile industry alone. Folks, if we don't act China's going to own the market. China's going to own it all. And we will act, in addition to deliver racial justice in America.

Отстаивая свою программу Build Better Plan, кандидат в президенты приводит мнение «анонимных независимых» экспертов, утверждающих, что стратегия Джо Байдена обеспечит хорошо оплачиваемые рабочие места:

Outside economists said my plan will create millions of good paying union jobs in manufacturing. We're going to invest in building more resilient infrastructure.

Помимо апелляции к известным политическим, общественным деятелям и экспертам, кандидат в президенты ссылается на людей науки, мнения которых воспринимаются адресатом как объективные и достоверные и вызывают доверие аудитории. В следующем примере Джо Байден ссылается на мнение ведущего ученого, тоже анонимного, утверждающего, что при соблюдении масочного режима во время пандемии возможно избежать многочисленных жертв:

Leading scientist from the University of Washington tells us that we can save more than 100,000 American lives in the next 100 days alone if everyone wore a mask in public. So let me repeat that because it's so important. We can save 100,000 lives in the next 100 days.

В предвыборной кампании Джо Байдену помогают деятели культуры и искусства. В речах кандидат в президенты благодарит за поддержку хорошо известных американцам певцов и актеров: Джона Ледженда, Патти ЛаБелль, Леди Гагу:

Patti LaBelle, and John Legend. My Lord, John, I'm voting for you after I heard that speech you made <...> Hello, Pittsburgh. I'm Jill Biden's husband and **Lady Gaga's** friend. We go back a while. One thing I wasn't going to say, but I'll say now, **she** spent a lot of time helping me with the Violence Against Women Act and helping so many women who needed help. God love you, you're wonderful.

Политик может сослаться на свой собственный авторитет, подчеркивая успешную деятельность на политическом поприще и уже однажды оказанное ему доверие со стороны граждан страны:

Folks, we can do this, Pennsylvania. **In 2008 and 2012, you placed your trust in me and Barack.** In 2020, I'm asking you seeking your trust again. I take nothing for granted.

Джо Байден также ссылается на успешность своей карьеры на встрече с жителями Джорджии:

I promise you, **look at my whole career.** I'll work as hard for those who don't support me as those who do. That's the job of a president. A duty to care for everyone.

С целью эмоционально воздействовать на избирателей, придать убедительности своим предвыборным выступлениям в качестве авторитетных личностей Джо Байден нередко выбирает своих родителей. Так, в следующем примере кандидат в президенты, говоря о своем намерении восстановить профсоюзы, подчеркивая их значимость для работающих американцев и страны в целом, приводит высказывание своего отца о злоупотреблении властью:

My dad used to have an expression. **He said**, “Joe, the only way you can deal with the abuse of power is with power.” Well, the only outfit that can deal with the abuse of power of corporate America are union power. That’s the only way it can be dealt with. And I warn you all, if I’m elected, you’re going to see the most pro-union president in American history sitting in the White House.

Часто в выступлениях Джо Байдена встречаются ссылки на его маму, которая, как и отец, является для оратора авторитетом:

My mom had a backbone like a ramrod. My mom taught me. **She said**, “Joey, look at me, look at me.” Because I used to stutter. She said, “Nobody’s better than you, Joey, but everybody’s your equal.” That’s how I was raised.

В некоторых случаях, апеллируя к авторитетам, политик не называет их имен, а указывает на область их деятельности, на занимаемую ими высокую должность, что придает высказыванию больший авторитет. В данном примере Джо Байден ссылается на главу Центра по контролю и профилактике заболеваний:

We can save 100,000 lives in the next 100 days, **according to the head of the CDC**, if everyone wears a mask in public. So be patriotic. It’s not about being a tough guy. It’s about doing your part.

В следующем примере оратор ссылается на главу Администрации общих служб, не называя его имени, а лишь указывая на занимаемый им пост:

Unfortunately, because of the lack of a sermon, as they say, which that’s a fancy word these days, but until **the head of the GSA** says that we, in fact, our team, this transition team, our team, the Senator and I in fact are the likely winners, until she does that, we don’t have access to all the information that we need to get from all the various agencies.

Апелляция к мнениям простых граждан (не знаменитостей), позволяет политику добиться эффекта максимального сближения с населением, ради которого он готов участвовать в предвыборной гонке, отстаивая их взгляды и интересы. Одним из предвыборных обещаний кандидата в президенты является обеспечение расовой справедливости, равных прав и свобод всем гражданам Америки независимо от цвета кожи. Критикуя неэффективность внутренней политики Д. Трампа, Джо Байден вспоминает афроамериканцев Джорджа Флойда, Бреонну Тейлор, Джейкоба Блейка, Уолтера Уоллеса, убитых полицией при задержании в 2020 г. Кандидат в президенты ссылается на слова шестилетней дочери Джорджа Флойда, верящей в то, что ее отец способен изменить страну:

Look, we’re going to act to deliver racial justice in America. Protesting is not burning and looting. The violence will not be tolerated. But the protests, there’s a cry for justice. The names of George Floyd, Breonna Taylor, Jacob Blake, Walter Wallace, they’re not going to be soon forgotten by me, not by anyone in this country. And they’re going to inspire a new wave of justice in America. When **I met with Floyd’s family**, when I went down to Texas, he has **a little daughter**, six years old, and I was in the room and I knelt down to talk to her. She looked at me and **she said**, “Mr. Vice President,” she said, “my daddy is going to change America. My daddy is going to change America.” Well, guess what? We also know that the American people realize we’ve got to change.

В следующем выступлении политик апеллирует к высказыванию тренера своей университетской регбийной команды, призывающего действовать:

Folks, as **my old football coach used to say**, “It’s go time.” It is go time. It is. No matter whether it’s your first vote or many, but beyond that, this is the most important election in our lifetimes and you can make all the difference here in Florida. You can determine the outcome of this election.

Помимо апелляции к конкретному человеку и экспертам кандидат в президенты ссылается на авторитетные СМИ, например национальную газету New York Times. В нижеприведенных примерах Джо Байден обвиняет президента Д. Трампа в том, что он скрыл от народа,

насколько опасен Covid-19, и не предпринял всех необходимых мер по защите простых американцев:

According to the New York Times three, four days ago, his Administration gave Wall Street investors, a head's up, but he didn't tell us, just his friends on Wall Street.

В следующем примере кандидат в президенты ссылается на авторитетное печатное издание – медицинский журнал *New England Journal of Medicine*:

I first put forward a detailed plan on how to deal with this virus back in March, this administration ignored it. Then I released several more detailed plans in the months that followed, the most recent just last week. This administration has yet to offer a single plan. Yes, one of the reasons why **the most one of the most prestigious medical journals in the world, the New England Journal of Medicine**, called the President "Dangerously incompetent." Went on to say, "The President turned a crisis into a tragedy."

Помимо авторитетных СМИ и известных печатных изданий кандидат в президенты ссылается на компетентную в сфере экономики компанию *Moody's Analytics* и данные независимого исследования, проведенного ей. Апелляция к одной из ведущих компаний на финансовом рынке, обладающей непревзойденным опытом работы с инвестиционными банками и частными инвесторами в разработке программных инструментов, помогает Джо Байдену заверить избирателей в успешности намеченного им курса восстановления экономики:

An independent analysis, not from some liberal think tank, but by **Moody's, a Wall Street firm**, projects that my plan will create 7 million more jobs and a trillion dollars more economic growth than anything the President has proposed.

В ходе анализа было выявлено, что в качестве авторитетных источников, на которые ссылается Джо Байден в своем предвыборном дискурсе, оратор иногда выбирает различного рода знаковые тексты. Так, призывая американцев прийти на выборы и отдать свой голос за лучшее будущее Америки, кандидат в президенты апеллирует к Библии, авторитет которого в США не вызывает сомнений:

The Bible tells us there's a time to break down, and a time to build up, a time to heal. This is that time. God and history have called us to this moment, and to this mission. With our voices and our votes, we must free ourselves from the forces of darkness, from the forces of division, and the forces of yesterday, and the forces that pull us apart, hold us down, and hold us back.

В следующем примере Джо Байден ссылается, обращаясь, вероятно, к католикам, на одну из энциклик Папы Римского Франциска, в которой он затрагивает тему «ложного популизма»:

In a recent encyclical, Pope Francis warns us against this **phony populism**, that appeals to "The basest and most selfish instincts." He goes on to say, "Politics is something more noble than posturing, marketing, and media spin. These sow nothing but division, conflict, and a bleak cynicism."

Помимо апелляции к мнениям и оценкам авторитетных политиков, экспертов, организаций и пр. кандидат в президенты апеллирует к общечеловеческим ценностям, таким как родина, дом, безопасность, семья, успех. Выступая за увеличение заработной платы, достойное медобслуживание, создание новых рабочих мест, расовое равенство, Джо Байден оказывает эмоциональное влияние на реципиентов, так как перечисленные ценности являются традиционными для любого человека:

For my entire career, I've stood for democracy and human rights. For freedom of the press, assembly, freedom of religion and against dictators, whether they're left or right <...> Black lives matter. And we're going to work to deliver real police and criminal reform, justice reform. We know, we know what true justice is all about. It's not only about a criminal justice system that's fair, but it's about being able **to build wealth, jobs, homes, families**. Folks, we're in a situation where, think about it, how many people you know are working two jobs and still being in poverty? We need a national minimum wage of \$15 an hour for everybody, period.

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что в своем предвыборном дискурсе Джо Байден использует многокомпонентный набор «авторитетов», что позволяет смоделировать центральные таргет-группы его потенциальных избирателей:

люди семейные, верующие (включая католиков), средний класс и люди с невысокими доходами, но стремящиеся улучшить свою жизнь, получить образование, иметь доступ к медицинской помощи.

Для обеспечения доверия к своей предвыборной платформе и стремясь к делегитимизации своего политического оппонента, политик ссылается на «авторитеты», признаваемые данными категориями граждан. А именно, Джо Баден апеллирует к авторитету успешных политиков, включая и себя, обращается к авторитету известных деятелей науки, культуры, искусства; авторитету специалистов в экономике и медицине; авторитету родителей; должности; инстанции; а также авторитету мнения простых граждан, СМИ, общечеловеческих ценностей, различного рода текстов (особенно религиозных).

Анализ языковой репрезентации тактики апелляции к авторитету в предвыборном дискурсе Джо Байдена позволил зафиксировать номинацию и цитацию. Политик прибегает к именам собственным и нарицательным, обращаясь к авторитету политика, общественного деятеля и авторитету общечеловеческих ценностей.

В выступлениях политика из всех видов цитации выявлено доминирование парафраза (пересказа). Политик обращается к данному виду цитации при апелляции к авторитету деятелей науки, культуры, искусства, авторитету должности, авторитету учреждения / инстанции. На втором месте зафиксировано прямое цитирование. Наименее всего представлено самоцитирование, взаимное цитирование и цитирование по вторичным источникам. К последнему виду цитирования политик прибегает при обращении к авторитету различного рода текстов (аналитические отчеты, законы, Библия).

2. Тактика апелляции к авторитету в предвыборном дискурсе кандидата на должность вице-президента США К. Харрис

Камала Деви Харрис, первая в истории темнокожая женщина-кандидат в вице-президенты США, главный сторонник Джо Байдена в предвыборной кампании 2020 г. Как преданный напарник, К. Харрис поддерживает курс, намеченный кандидатом в президенты. Чтобы расположить к себе потенциальных избирателей, заставить их поддержать tandem Байдена и Харрис, сенатор тоже прибегает к тактике апелляции к авторитету. Апелляция к авторитету помогает также делегитимизировать их политических оппонентов. В каждом своем выступлении сенатор США от штата Калифорния ссылается на слова Джо Байдена как человека, понимающего нужды и проблемы жителей Америки, способного позаботиться о стране и ее гражданах. Ссылка на Джо Байдена является самой распространенной из форм апелляции к авторитету. В следующем примере К. Харрис семь раз упоминает имя своего соратника:

Joe understands that you don't deal with America's economy by doing what these other guys did, which was pass bill that benefits the top 1% at the biggest corporations in America. When **Joe is asked** how is the economy doing, you know what **Joe says**? **He says** well, tell me how are working people doing? How are working families doing? That's why **Joe says** we're not passing any taxes on anybody making less than \$400,000 a year. **Joe says** we're going to bring down middle class taxes. **Joe says** we're going to pass legislation and put in place rules and laws that say that working families shouldn't pay more than 7% of their income in childcare. That we're going to have a tax credit of \$15,000 for first time home buyers, understanding how that can help with down payments and closing costs to buy a home.

К. Харрис, как и Джо Байден, часто в своих речах ссылается на мнение известных политиков и конгрессменов и тем самым оказывает влияние на избирателей, преподнося свою позицию как верную и заслуживающую доверие. В следующем примере сенатор объясняет причины, по которым стоит проголосовать за кандидата в президенты Джо Байдена, апеллируя к высказыванию Джона Роберта Льюиса, американского политика, выступавшего за гражданские права и прекращение расовой сегрегации в США:

One, it's important to vote to honor the ancestors. Honor, the ancestors, all those people who came before us who fought for our right to vote. People like **John Lewis**, the Congressman who passed away this year, **who said**, "Let's get in good trouble." John Lewis, who shed his blood on the Edmund Pettus Bridge for our right to vote. John Lewis, who knew this was a matter of civil rights and dignity. John Lewis, who understood that it was also a matter of civil rights and dignity to fight for same-sex marriage. John Lewis, who also knew it was a matter

of civil rights and dignity to fight for protections for DREAMers and for a pathway for citizenship. So, it's important to vote to honor the ancestors.

Для придания весомости своим аргументам К. Харрис апеллирует к мнениям экспертов, чаще всего из области медицины, что объясняется сложной ситуацией в США вследствие пандемии коронавируса:

Over 9 million people have contracted the virus. Many **doctors are saying** they're going to have long-term consequences, lung scarring, things like that.

Помимо ссылки на авторитет известных личностей К. Харрис ссылается и на себя. Поддерживая намеченную политику Джо Байдена в отношении темнокожих, сенатор упоминает, что всегда считала этот вопрос важным:

As we often and always say black lives matter. **I have said many times**, in many speeches, and many situations, but America has yet to value the sanctity of black life and has yet to treat black life as fully human <...> So accountability and consequence needs to happen.

Для К. Харрис, как и для Джо Байдена, авторитетом являются родители. Сенатор часто ссылается на слова своей покойной мамы:

I was reminded of one of the many sayings that **my late mother** had. And one of them is **she would say to me**, "Kamala, don't you ever let anybody tell you who you are. You tell them who you are." So when I say that to you, I'm not suggesting I will tell you you are a young leader and until I anoint you young leader, you are. You're already a young leader.

Отстаивая права и свободы темнокожих жителей Америки, К. Харрис часто вспоминает имена тех, кто пострадал от неправомерных действий полицейских. В своих выступлениях сенатор призывает голосовать против расовых предрассудков, за равные права и возможности для всех жителей страны независимо от происхождения, социального статуса и уровня дохода. Так, кандидат в вице-президенты апеллирует к именам простых, но знаменитых среди американского населения людей, невинные смерти которых спровоцировали стихийные митинги, шествия и массовые демонстрации. В следующем примере К. Харрис называет имя 26-летней Бреонны Тейлор, темнокожей медработницы, застреленной полицейскими в своей собственной квартире в Луисвилле во время рейда:

In addition, I do believe that in the **Breonna Taylor** case, there needs to be a civil rights investigation of what they did by the United States Department of Justice. We're just going to have to keep fighting and we're going to keep saying her name, but we say her name not just to speak her name, we say her name to motivate action. And that's what's most important.

Как и Джо Байден, К. Харрис поддерживает движение «Жизни темнокожих имеют значение». Сенатор, как и ее соратник, не упускает возможность в своих выступлениях апеллировать к имени афроамериканца Джорджа Флойда, тем самым эмоционально воздействуя на демократический электорат и заставляя его проголосовать в пользу нового кандидата в президенты:

George Floyd's family is here tonight. George Floyd's life mattered, those eight minutes and 46 seconds. So, Joe has the ability to understand that there is a long overdue reckoning taking place. Joe Biden says we need to deal with this. We need to deal with racial disparities in terms of the healthcare system, knowing that African-Americans and Latinos are three times as likely to contract COVID and twice as likely to die from it. <...>

В поддержку своих аргументов сенатор К. Харрис апеллирует к авторитетным документам, таким как Конституция США и девятнадцатая поправка к Конституции. Ссылаясь на данную поправку, благодаря которой было введено активное избирательное право для женщин, сенатор призывает американцев отдать свой голос на выборах, тем самым почтив память тех, кто боролся за эти права 100 лет назад:

This year, we celebrated **the 19th amendment** which allowed women to vote. We celebrated the 100th anniversary of the 19th amendment. All those suffragettes who, a hundred years ago, marched and fought for our right to vote. Now, it's important to remember history, because it wasn't until 1965 that black women could vote, so we still have work to do, but it is time to vote to honor the ancestors, that's reason number one.

Для привлечения электората на сторону кандидата в президенты его напарник К. Харрис апеллирует к общечеловеческим ценностям, близким и понятным каждому человеку. Сенатор говорит о простых вещах, составляющих суть благополучия граждан страны. Говоря о праве каждого на медобслуживание, образование, работу и достойную заработную плату, кандидат в вице-президенты добивается необходимого эмоционального отклика от реципиентов, готовых поверить предвыборным обещаниям и отдать свой голос на выборах:

You know, when Joe asked me to join this ticket, saying yes was an easy decision. He and I, we come from different backgrounds, but we were raised with **the same values**: hard work, honesty, decency, a belief that we all have a responsibility to look out for one another. And those are the values I've seen as I've traveled across our country over the past 84 days, the values we share as Americans.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в своих предвыборных выступлениях Камала Харрис также прибегает к широкому спектру «авторитетов», на основе которых можно смоделировать центральные таргет-группы ее потенциальных избирателей: женщины, афроамериканцы, граждане с азиатскими корнями, стремящиеся получить хорошее образование, сделать успешную карьеру, получить равные права с привилегированными социальными группами американского общества.

В своем предвыборном дискурсе политик ссылается на «авторитеты», признаваемые данными категориями граждан. А именно, Камала Харрис апеллирует к своему авторитету и авторитету своего напарника – кандидата в президенты Джо Байдена, ссылается на других известных политиков, конгрессменов и общественных деятелей; обращается к авторитету специалистов в медицине, экономике и юриспруденции, авторитету родителей, мнению простых граждан, общечеловеческим ценностям, различного рода текстам (особенно юридических).

В ходе анализа языковой репрезентации тактики апелляции к авторитету в предвыборных выступлениях Камалы Харрис была также зафиксирована номинация и цитация. В предвыборном дискурсе женщина-кандидат в вице-президенты США прибегает к использованию имен собственных и нарицательных, обращаясь к авторитету политика, общественного деятеля и авторитету общечеловеческих ценностей.

В выступлениях политика из всех видов цитирования выявлено доминирование парафраза (пересказа). Политик обращается к данному виду цитации при апелляции к авторитету своего напарника – кандидата в президенты Джо Байдена, авторитету экспертов в медицине, экономике и юриспруденции. На втором месте также зафиксировано прямое цитирование. Затем по убываю идут самоцитирование и цитирование по вторичным источникам. К последнему виду цитации Камала Харрис обращается, апеллируя к авторитету различного рода текстов. Как правило, это юридические тексты, такие как Конституция и поправки к ней.

Заключение

Анализ тактики апелляции к авторитету с позиции адресат-адресантных отношений субъектов политического предвыборного дискурса позволил подтвердить гипотезу о том, что выбор «авторитета» для повышения прагматического потенциала предвыборного дискурса согласуется с ожиданиями таргет-групп избирателей. Кроме того, было установлено, что анализ «авторитетов», к которым апеллирует тот или иной политик, позволяет четко идентифицировать тех избирателей, на поддержку которых надеется политик.

Было установлено, что результативные политики во время предвыборной кампании апеллируют к тем социальным группам, к которым они сами относятся.

Соотнесение полученных данных позволило определить состав «авторитетов» изучаемого политического тандема Джо Байдена и Камалы Харрис во время предвыборной кампании 2020 г.: авторитет политика, общественного деятеля, авторитет специалиста/эксперта, авторитет деятеля науки, культуры, искусства, авторитет самого оратора, авторитет родителей, авторитет должности, авторитет простых граждан (не знаменитостей), авторитет СМИ, авто-

ритет учреждения/инстанции, авторитет общечеловеческих ценностей, авторитет различного рода текстов (юридических, экономико-статистических, религиозных).

Анализ языковых особенностей актуализации тактики апелляции к авторитету позволили зафиксировать использование номинации и цитирования. Выявлены и проанализированы виды цитаций, актуализирующие тактику апелляции к авторитету в англоязычном предвыборном дискурсе.

Перспективным представляется анализ первичной и вторичной номинации авторитетов в предвыборном дискурсе.

Список литературы

- Багана Ж., Бочарова Э. А.** Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. С. 121–125.
- Богатырев В. Р.** Стратегии и тактики дискредитации в американском политическом дискурсе на примере предвыборных речей Б. Обамы и М. Ромни // Образование и наука в России и за рубежом. 2017. № 3 (32). С. 26–31.
- Голубева Т. М.** Гендер и стратегия дискредитации в предвыборном дискурсе // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 255–258.
- Голубева Т. М.** Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассада в британском политическом дискурсе // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2016. № 16 (4). С. 392–396.
- Голубева Т. М.** Лингвистические и риторические параметры делегитимизации России и легитимизации США в речи американских представителей при ООН // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2017. № 17 (4). С. 383–388.
- Дмитриева М. И., Дубровская В. В.** Коммуникативные стратегии манипулирования на примере американской избирательной кампании Д. Трампа и Х. Клинтон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13 (7). С. 180–184.
- Злобина О. Н.** Средства рациональной аргументации в американском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 71–75.
- Каменова В. А., Иванова Е. А.** Оценочные метафоры предвыборного дискурса (лингвоперсонологический подход) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2019. № 6 (428). С. 63–70.
- Кононова И. В., Мельничук Т. А.** Динамика категории оценочности в дискурсе американского предвыборного видеоролика // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 836–840.
- Копачева А. Р.** Особенности предвыборного политического дискурса Эммануэля Макрона // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2019. № 3 (36). С. 41–46.
- Крячкова А. П.** Лингвопрагматические средства реализации вербальных атак на имидж политических партий Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 170 с.
- Куралева Т. В., Кондрашова В. Н.** Самопрезентация в предвыборном дискурсе: корпусное исследование (на материале предвыборных речей Б. Сандерса и Х. Клинтон) // Научный диалог. 2018. № 4. С. 100–112.
- Ленец А. В., Сергеева Д. С.** Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д. Трампа) // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2018. № 52. DOI 10.17223/19986645/52/6
- Новоселова О. В.** Имплицитные менасивы Российского предвыборного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2019. № 58. С. 153–168.
- Подоляк Н. Н., Маринина Г. И.** Предвыборный дискурс политика: приоритеты в лингвистическом и лингвопрагматическом аспекте // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 27–31.

- Руженцева Н. Б. Политические и коммуникативные стратегии в печатных предвыборных материалах 2018 г. // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 18–28.
- Сергеева Д. С. Самопрезентация и дискредитация – ключевые стратегии предвыборного политического дискурса (на материале предвыборных твитов Д. Трампа и Х. Клинтон) // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. 2017. № 3. С. 75–83.
- Сергеева Н. А. Стратегии и тактики речевого воздействия в предвыборном дискурсе Б. Х. Обамы // Вестник современных исследований. 2019. № 1.6 (28). С. 310–316.
- Склярова Н. Г. Предвыборный дискурс Д. Трампа: особенности идиостиля политика // Вестник Пятигорского гос. ун-та. 2017. № 3. С. 65–71.
- Халатян А. Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 180–187.
- Хлопотунов Я. Ю. Речевая тактика дискредитации в американском предвыборном дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 27. С. 77–86.
- Beetham, D. *The Legitimation of Power*. New York, PALGRAVE, 1991, 267 p.
- Chovanec, J. Legitimation through differentiation: Discursive construction of Jacques Le Worm Chirac as an opponent to military action. In: *Perspectives in Politics and Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2010, p. 61–82.
- Dijk, T. A. Van. Discourse and manipulation. *Discourse and Society*. London: SAGE Publications, 2006, vol. 17 (2), p. 359–383.
- Fairclough, N. *Language and Power*. London: Longman, 1989, 259 p.
- Hardin, R. Compliance, Consent, and Legitimacy. In: *The Oxford handbook of comparative politics* / ed. by C. Boix and S. C. Stokes. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007, p. 236–255.
- Hodge, R., Kress, G. *Language as Ideology*, 2nd ed. London: Routledge, 1993, 230 p.
- Khajavi, Y., Rasti, A. A discourse analytic investigation into politicians' use of rhetorical and persuasive strategies: The case of US election speeches. *Cogent Arts & Humanities*, 2020, no. 7 (1), p. 1–15.
- Lasswell, H. D. The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*, vol. 21, 1927, no. 3, p. 627–631.
- Leeuwen, T. Van. Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, 2007, no. 1 (1), p. 91–112. DOI 10.1177/1750481307071986
- Leeuwen, T. Van. Legitimation in Discourse and Communication. In: *Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory* / ed. By R. Wodak. 2013, no. 1, p. 327–350.
- Morris, C. State Legitimacy and Social Order. In: *Political Legitimization without Morality* / ed. J. Kuhnelt. Heidelberg: Springer Science; Business Media B. V., 2008, p. 15–32.
- Sadeghi, B., Hassani, M. T., Jalali, V. Towards (de-)legitimation discursive strategies in news coverage of Egyptian protest: VOA & Fars news in focus. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2014, no. 98, p. 1580–1589.

References

- Bagana, Zh., Bocharova, E. A. Pre-election political discourse as a special sphere of communication. *Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: linguistics*, 2012, no. 1, p. 121–125. (in Russ.)
- Beetham, D. *The Legitimation of Power*. New York, PALGRAVE, 1991, 267 p.
- Bogatyrev, V. R. Strategies and tactics of discrediting in American political discourse on the example of the election speeches of B. Obama and M. Romney. *Education and Science in Russia and Abroad*, 2017, no. 3 (32), p. 26–31. (in Russ.)
- Chovanec, J. Legitimation through differentiation: Discursive construction of Jacques Le Worm Chirac as an opponent to military action. *Perspectives in Politics and Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2010, p. 61–82.

- Dijk, T. A. Van.** Discourse and manipulation. *Discourse and Society*. London: SAGE Publications, 2006, vol. 17 (2), p. 359–383.
- Dmitrieva, M. I., Dubrovskaya, V. V.** Communicative strategies of manipulation on the example of the American election campaign of D. Trump and H. Clinton. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2020, no. 13 (7), p. 180–184. (in Russ.)
- Fairclough, N.** *Language and Power*. London: Longman, 1989, 259 p.
- Golubeva, T. M.** Gender and the strategy of discrediting in the pre-election discourse. *Vestnik of Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky*, 2008, no. 5, p. 255–258. (in Russ.)
- Golubeva, T. M.** Linguistic parameters of the strategy of legitimizing the European Union and delegitimizing B. al-Assad in British political discourse. *News of Saratov University. New series. Series Philology. Journalism*, 2016, no. 16 (4), p. 392–396. (in Russ.)
- Golubeva, T. M.** Linguistic and rhetorical parameters of the delegitimization of Russia and the legitimization of the United States in the speech of American representatives at the UN. *News of Saratov University. New series. Series Philology. Journalism*, 2017, no. 17 (4), p. 383–388. (in Russ.)
- Hardin, R.** Compliance, Consent, and Legitimacy. In: *The Oxford handbook of comparative politics* / ed. by C. Boix and S. C. Stokes. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007, p. 236–255.
- Hodge, R., Kress, G.** *Language as Ideology*, 2nd ed. London: Routledge, 1993, 230 p.
- Kameneva, V. A., Ivanova, E. A.** Evaluative metaphors of pre-election discourse (linguopersonological approach). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2019, no. 6 (428), p. 63–70. (in Russ.)
- Khajavi, Y., Rasti, A.** A discourse analytic investigation into politicians' use of rhetorical and persuasive strategies: The case of US election speeches. *Cogent Arts & Humanities*, 2020, no. 7 (1), p. 1740051.
- Khalatyan, A. B.** Election Discourse. *Political Linguistics*, 2011, no. 2 (36), p. 180–187. (in Russ.)
- Khlopotunov, Ya. Yu.** Discrediting speech tactics in the American pre-election discourse. *Problems of Applied Linguistics*, 2017, no. 27, p. 77–86. (in Russ.)
- Kononova, I. V., Melnichuk, T. A.** Dynamics of the category of evaluativeness in the discourse of the American pre-election video. *Cognitive studies of language*, 2020, no. 2 (41), p. 836–840. (in Russ.)
- Kopacheva, A. R.** Features of the pre-election political discourse of Emmanuel Macron. *Professional project: ideas, technologies, results*, 2019, no. 3 (36), p. 41–46. (in Russ.)
- Kryachkova, A. P.** Linguistic pragmatic means of verbal attacks on the image of political parties in Germany: cand. phil. sci. diss. Moscow, 2019, 170 p. (in Russ.)
- Kuraleva, T. V., Kondrashova, V. N.** Self-presentation in the pre-election discourse: a corpus study (based on the pre-election speeches of B. Sanders and H. Clinton). *Scientific Dialogue*, 2018, no. 4, p. 100–112. (in Russ.)
- Lasswell, H. D.** The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*, vol. 21, 1927, no. 3, p. 627–631.
- Leeuwen, T. Van.** Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, 2007, no. 1 (1), p. 91–112. DOI 10.1177/1750481307071986
- Leeuwen, T. Van.** Legitimation in Discourse and Communication. *Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory* / ed. By R. Wodak. 2013, no. 1, p. 327–350.
- Lenets, A. V., Sergeeva, D. S.** Linguistic manifestation of a communicative strategy of discrediting as a way of constructing a politician's image in the virtual space (based on D. Trump's election tweets). *Vestnik of Tomsk State University. Philology*, 2018, no. 52. DOI 10.17223/19986645/52/6 (in Russ.)
- Morris, C.** State Legitimacy and Social Order. Political Legitimization without Morality / ed. J. Kuhnelt. Heidelberg: Springer Science; Business Media B. V., 2008, p. 15–32.

- Novoselova, O. V.** Implicit changes in the Russian election discourse. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 2019, no. 58, p. 153–168. (in Russ.)
- Podolyak, N. N., Marinina, G. I.** Pre-election discourse of politics: priorities in the linguistic and linguistic-pragmatic aspects. *Scientific research: from theory to practice*, 2016, no. 2-2 (8), p. 27–31. (in Russ.)
- Ruzhentseva, N. B.** Political and communication strategies in printed campaign materials in 2018. *Political linguistics*, 2018, no. 2 (68), p. 18–28. (in Russ.)
- Sadeghi, B., Hassani, M. T., Jalali, V.** Towards (de-)legitimation discursive strategies in news coverage of Egyptian protest: VOA & Fars news in focus. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2014, no. 98, p. 1580–1589.
- Sergeeva, D. S.** Self-presentation and discrediting are key strategies of the pre-election political discourse (based on the pre-election tweets of D. Trump and H. Clinton). *News of Southern Federal University*, 2017, no. 3, p. 75–83. (in Russ.)
- Sergeeva, N. A.** Strategies and tactics of speech influence in the election discourse of B. H. Obama. *Vestnik of modern research*, 2019, no. 1, 6 (28), p. 310–316. (in Russ.)
- Sklyarova, N. G.** D. Trump's electoral discourse: peculiarities of the politician's idiosyncrasy. *Vestnik of Pyatigorsk State University*, 2017, no. 3, p. 65–71. (in Russ.)
- Zlobina, O. N.** Means of rational argumentation in American political discourse. *Political linguistics*, 2017, no. 2 (62), p. 71–75. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Date of submission
18.04.2021

Сведения об авторах / Information about the Authors

Каменева Вероника Александровна, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Veronika A. Kameneva, Professor at the Department of Romance and Germanic Philology, Doctor of Philology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

russia_science@mail.ru
ORCID 0000-0001-8146-9721

Потапова Наталья Вадимовна, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Natalia V. Potapova, Associate Professor at the Department of Romance and Germanic Philology, PhD (Linguistics), Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

nv_potapova@mail.ru
ORCID 0000-0001-7593-1713

УДК 81'23 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109

Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа

Е. С. Савина

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Представлен стилистический и когнитивный анализ юридической лексики в третьем томе романа М. Пруста (*Le côté de Guermantes*), автора, принадлежавшего к *amateurs d'aristocratie*, которая используется для описания ментального, психологического и культурного мира Германтов в его противопоставлении, с одной стороны, миру буржуазии, с другой – жизни простого народа. Рассматриваемые нами юридические термины входят в состав стилистических фигур, прежде всего образных сравнений и метафор. Вслед за Ж. Корню и другими исследователями, под юридической лексикой, юридической терминологией и юридическими терминами мы понимаем все слова того или иного языка (в нашем случае французского), имеющие по меньшей мере одно юридическое значение. Выявленные нами юридические термины мы разделили на две группы: общую юридическую лексику и лексику, относящуюся к отдельным отраслям права: конституционного, уголовного и международного. Для проверки их семантики мы использовали словари, как двуязычные переводные, так и одноязычные толковые, общие и специальные, и прибегали к методам контекстуального анализа. Основная цель нашей работы заключалась в установлении функции данных фигур в тексте. Для решения этой задачи необходимо было проанализировать семантику рассматриваемых терминов, выявить их коннотации, а также установить их контекстуальные связи с фигурами, в которых задействована лексика из других областей жизни. Германты ассоциируются в глазах выходцев буржуазии, представителем которых является, в частности, Марсель, с некими возвышенными образами: волшебными преданиями древних времен, произведениями изобразительного и музыкального искусства, старинными музыкальными инструментами. В данном контексте такой юридический термин, как *carte photographique d'identité* вносит по контрасту приземленную, утилитарную, прозаическую ноту. С другой стороны, даже безобразная драка Сен-Лу с журналистом в ресторане возвышенно сравнивается с дипломатическим конфликтом на высшем уровне, с ситуацией из области международного права. Демократические же изменения, которые привели к возвышению буржуазии, жизнь простого народа и его взаимоотношения с хозяевами-буржуа, напротив, представлены предельно конкретно как симбиоз: паводковые наносы ила; самые разные звуки и шумы, которые могут прекращаться только искусственно по случаю визита президента. Чувства, например, восхищение издалека Марселем герцогиней Германтской и любовь Сен-Лу к актрисе Рахиль переданы изображением разных аспектов тюремного заключения.

Ключевые слова

метафора, образное сравнение, стилистические фигуры, юридическая лексика, юридическая терминология, юридические термины, язык и стиль автора

Благодарности

Автор хотел бы поблагодарить Елену Эмильевну Разлогову, Ирину Николаевну Кузнецову и Татьяну Ильиничну Тарасову за ценные советы, полезные консультации и плодотворные обсуждения

Для цитирования

Савина Е. С. Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109

© Е. С. Савина, 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3

Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry

Elena S. Savina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This article is devoted to the stylistic and cognitive analysis of the legal vocabulary in the third volume of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time" used in order to describe mental, psychological and cultural world of Guermantes in its contrast with the world of bourgeoisie and with that of French peasants. The legal terms we consider in the paper are used by Proust as core components of a number of stylistic figures, first of all, similes and metaphors. Following Gérard Cornu and some other scholars, we understand legal terminology (legal terms and legal vocabulary in general) as any word of language (in our case, those of French) having at least one legal meaning, acknowledged by an authoritative French dictionary. The legal terms identified in the text were classified into two groups: general legal vocabulary and specific legal vocabulary belonging to different branches of law: constitutional, criminal, international. In order to confirm their legal semantics while conducting contextual analysis, we have consulted all types of dictionaries: bilingual, monolingual, general and special ones. The main aim of the article was to determine the functions of these figures in Marcel Proust's text whose poetics is not at all legal. To achieve it, the main task was to identify the connections between the denotative meaning of a given term and its connotative contextual transformations. This means first of all to decode contextual links between the legal figure under analysis and various domains of life it was applied to by Proust. Eventually, this analysis helps to reveal French cultural codes, those of declining aristocracy, empowered bourgeoisie and, in "Guermantes", of peasantry. Thus, the Guermantes are associated in the eyes of the bourgeoisie, represented by Marcel, with something ancient, inaccessible to rational minds, charming: some sublime images, magical legends of ancient times, exquisite works of art and music, antique music instruments. In this context, a legal term, such as *carte photographique d'identité* for instance, introduces, by contrast, some materially-minded, pragmatic, prosaic notes. At the same time, democratic changes leading to the rise of the bourgeoisie, as well as the world of peasants are depicted in an extremely concrete way, being associated with the untamed force of nature: damage and devastation caused by the floods, noises, and the like. At the same time, various typical human feelings, such as Marcel's admiration and Saint-Loup's love due to the use of legal figures may be represented as imprisonment.

Keywords

similes, metaphors, stylistic figures, legal vocabulary, legal terminology, legal terms, language and style of a writer

Acknowledgements

The author would like to thank Elena Razlogova, Irina Kuznetsova and Tatiana Tarasova for their precious and useful advice, as well as for all our productive discussions

For citation

Savina, Elena S. Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 98–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109

Введение

В романе М. Пруста вольно или невольно оказались представлены самые разнообразные идеи. Так, переход от личного опыта к общефилософским проблемам в романе недавно подвергся исследованию в работе И. И. Блауберг [2018], которая относит его проблематику к традиционно находящейся в центре внимания философии. Новую грань творчества М. Пруста сквозь призму его журналистской деятельности рассматривает В. П. Трыков¹. Исследователь показывает, что характеристики журналистских публикаций писателя впоследствии в полной мере проявились и в его прозе. Некоторые работы посвящены чувствительности и сознанию в текстах писателя [Hughes, 2010]. Р. Эпштейн написал фундаментальную статью о соотношении сознания, восприятия искусства и мозговой деятельности у Пруста

¹ Трыков В. П. Марсель Пруст – журналист // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (дата обращения 17.12.2020).

и в его творчестве [2004]². Не случайно Т. М. Николаева высказывает мнение, что описываемые в романе «события» на самом деле не происходили, не являются таковыми, а лишь мерещатся герою [2012].

В связи с изучением юридической лексики в составе художественного произведения также возникают очень специфические проблемы. Они не рассматриваются обычно в работах, посвященных когнитивному анализу юридических терминов в юридическом дискурсе (ср. [Федулова, 2017]) или истории формирования русской правовой терминологии в ее контактах с английской [Лутцева, 2007], что оказывается возможным, несмотря на то, что системы права у нас базируются на принципиально различных основаниях.

В своих предыдущих статьях, посвященных М. Прусту, мы уже пытались определить объем понятия «юридическая лексика» [Савина, 2019; 2020], отмечая его широту. Она трактуется нами через ее отношения с фигурой законодателя (рассматриваемого тоже в самом широком смысле) как «словарный состав современного языка, которым пользуется законодатель в своей деятельности»³. При всей своей широте это определение все-таки конкретнее того, которое предложено, например, Ж. Корню, трактующим юридическую лексику как совокупность терминов, которые имеют в том или ином языке одно или несколько юридических значений («Le vocabulaire juridique français est, au sein d'une langue, l'ensemble des termes qui ont, dans cette langue, une ou plusieurs acceptions juridiques») [Cornu, 2005. P. 14].

Спецификой функционирования юридической лексики в правовой сфере объясняются и некоторые ее лингвистические особенности. Так, одной из ее характеристик является наличие большого количества антонимов, синонимов, многозначных слов и фразеологических оборотов. Данная лингвистическая особенность тоже диктуется извне и связана с типами отношений между людьми, которые регулируются правом, что эксплицитно подчеркивается в [Гойман-Калинский, Иванец, Червонюк, 2003].

Художественный текст плодотворно соединяет специальное значение единиц, составляющих юридическую лексику⁴, с их лингвостилистическим и социокультурным потенциалом, и потому исследователю приходится анализировать всевозможные стилистические фигуры (прежде всего метафоры и сравнения), созданные на основе юридических терминов.

Стилистические фигуры рассматривают как отклонение от языковой нормы еще со времен Квинтилиана (см., например, «А фигура, как и самое название ее показывает, есть некий оборот речи, от общего и обыкновенного образа изъяснения мыслей отступающий» [Квинтилиан, 1834. С. 124]. Во Франции данный подход был наиболее полно и систематически представлен в работах П. Фонтанье 1821 и 1827 г. *Manuel classique pour l'étude des tropes, ou élément de la science des mots* и *Des figures autres que tropes* соответственно, в последний раз переизданных в 2009 г. [Fontanier, 2009]. Однако анализу и классификациям фигур во французском языке до сих пор посвящается немалое количество работ (см., например, [Васгу, 1992; Fromilhague, 2010; Rougeoise, 2001; Reboul, 1991]), несмотря на богатую историю изучения этой проблематики. Некоторая новизна нашего подхода состоит в том, что, вслед за Ж. Молинье, мы не будем разделять такие фигуры, как метафора и образное сравнение, а будем считать сравнение первой стадией метафоры [Molinié, 1992. P. 213–214].

Юридическая лексика занимает важное место в текстах М. Пруста. Мы разделили примеры, выявленные нами в третьем томе романа, на общую юридическую лексику и на термины,

² R. Epstein использует отличное от нашего английское название романа Пруста: *Remembrance of Things Past*. Однако этот вариант не нов, он появился еще при жизни Пруста, который считал, что оно сужает смысл произведения. Действительно, выражение *things past* придает ему излишнюю историческую прагматичность, а слово *remembrance* несколько утрирует сам писательский процесс поиска времени. Кроме того, известно, что Пруст категорически возражал против такого перевода названия. Именно поэтому мы предпочитаем другой, также устоявшийся вариант, дословно воспроизводящий французский оригинал, *In Search of Lost Time*.

³ Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права. М.: Право и закон, КолосС, 2003. URL: https://elementary_law.academic.ru/451 (дата обращения 17.12.2020).

⁴ В рамках нашей работы мы будем также использовать понятие «юридическая терминология», считая его полным синонимом.

относящиеся к областям конституционного, международного и уголовного права. Специальное значение анализируемых терминов уточняется по толковым и юридическим словарям.

1. Общая юридическая лексика

- *Carte photographique d'identité* «личная фотокарточка для документов»

Существительное *identité* в значении «данные о личности» в словаре *Trésor de la langue française*⁵ определяется как «ensemble des traits ou caractéristiques qui, au regard de l'état civil, permettent de reconnaître une personne et d'établir son individualité au regard de la loi». В словаре рассматриваемое значение помечено как относящееся к области права, а для его иллюстрации приводятся такие коллокации, как *constater, vérifier l'identité de qqn, papier d'identité*, и там же присутствует рассматриваемое нами выражение. У М. Пруста оно релевантно, на наш взгляд, в аспекте противопоставления «официальной фотокарточки для документов» художественному портрету, с которым его «аристократический» романтизированный мир ассоциируется, конечно же, в большей степени:

Cependant, la fée dépérit <...> et avec elle le nom, comme cette famille de Lusignan qui devait s'éteindre le jour où disparaîtrait la fée Mélusine. Alors le Nom, sous les repeints successifs duquel nous pourrions finir par retrouver à l'origine le beau portrait d'une étrangère que nous n'aurons jamais connue, n'est plus que la simple carte photographique d'identité <...> Mais qu'une sensation d'une année d'autrefois – comme ces instruments de musique enregistreurs qui gardent le son et le style des différents artistes qui en jouèrent – permette à notre mémoire de nous faire entendre ce nom <...>, et ce nom <...>, nous sentons la distance qui sépare l'un de l'autre les rêves que signifièrent successivement pour nous les syllabes identiques. <...> [Proust, 1988. P. 5].

В начале третьего тома романа противопоставляется восприятие Марселем имени герцогини Германтской реальной женщине. *Le Nom* (т. е. Имя), его звучание, звуковой ореол значат гораздо больше для мальчика, выступающего в роли наблюдателя, чем сама личность (*la personne réelle*). Общение с реальной женщиной быстро переводит ее из категории феи, которой она показалась ему издавек, в категорию «простых смертных», тогда как Имя ее первоначальную магию хранит в неприкосновенности. Изначальное представление о ней в его глазах иррационально, волшебно, загадочно, что выражается за счет использования существительного *fée*, а также проведения аналогии с феей Мелюзиной, легендарной основательницей династии Люзиньян, вымышленных предков Германтов. Оппозиция волшебного и прозаического миров, деградация волшебства передаются также с помощью «утилитарного изобретения»⁶ *carte photographique d'identité*. Рассматриваемое выражение благодаря своему «административному», «официальному» характеру противопоставляет сказочные (а также связанные с областью изобразительного и музыкального искусства) мечты Марселя о герцогине Германтской реальной женщине.

Знакомству с «реальной» герцогиней Германтской соответствует и окончательное превращение феи Мелюзини, женщины-змеи, в чудовище после того, как ее супруг нарушил клятву и подсмотрел за ней в субботу, единственный день недели, когда он не должен был этого делать, чтобы она могла жить как обычная женщина в остальное время⁷. То же происходит и с завораживающим портретом незнакомки, который словно становится обычной фотокарточкой на документы, как только Марсель к ней приближается. Однако для повествователя очарование исчезает не навсегда, и прежние впечатления могут его воскресить. Это, впрочем, не удивительно, поскольку психические состояния обратимы. Та же идея выражается и посредством упоминания древних музыкальных инструментов, несущих на себе отпечаток прикосновений ранее игравших на них музыкантов. Таким образом, М. Пруст выража-

⁵ Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 17.12.2020).

⁶ Изобретатель фотографии (Ньепс) был аристократического происхождения, а изображения правонарушителей были нужны еще королям в XVIII в.

⁷ Приводится по сайту https://www.leslusignanetmelusine.fr/index.php/34-la-legende/la-legende-de-melusine#js_navigation (дата обращения 17.12.2020).

ет одну и ту же идею противопоставления воображаемого мира реальному (явно отдавая предпочтение первому), обращаясь сразу к нескольким ассоциативным рядам (старинные легенды, живопись, музыка).

- *Coutumier* «сборник кутюм, свод постановлений обычного права»

Существительное *coutumier* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню следующим образом: «Dans l'Ancien Droit, recueil de coutumes; plus spécialement celui des coutumes d'une région». Мы уже рассматривали данный термин ранее [Савина, 2019. С. 69–70]. Однако там он «абстрактно» перечислялся наряду с прочими французскими древностями, такими как медальоны периода Возрождения, старинные названия населенных пунктов, которые с акустической точки зрения ассоциировались у Марселя с изысканным именем дяди маркиза де Сен-Лу, одного из самых недоступных представителей аристократии, Паламедом. В следующем же ниже контексте говорится о конкретном своде древних кутюм из архива герцогини Германтской, с которым в его представлении были связаны ее черты лица и ее речь:

<...> Je revoyais les armoiries <...> dont les quartiers s'étaient remplis <...> de toutes les seigneuries <...> venues <...> inscrire <...> leur donjon de sinople ou leur château d'argent dans son champ d'azur. *J'avais entendu parler des célèbres tapisseries de Guermantes et je les voyais <...> au pied de l'antique forêt où chassa si souvent Childebert, et <...> il me semblait qu[e] <...> je pénétrerais dans leurs secrets, rien qu'en approchant un instant à Paris Mme de Guermantes, suzeraine du lieu et dame du lac, comme si son visage et ses paroles eussent dû posséder <...> les mêmes particularités séculaires que le vieux coutumier de ses archives.* Mais alors <...> [Saint-Loup] m'avait appris que le château ne s'appelait Guermantes que depuis le XVIIe siècle <...> [Proust, 1988. P. 8].

Правовые обычаи действовали во Франции с эпохи Средневековья до революции 1789 г. В данном случае рассматриваемое существительное, в отличие от предыдущего примера, гармонично вписывается в развернутую сеть словесных ассоциаций, связанных в представлении Марселя с образом герцогини Германтской, в частности с древностью ее фамилии, восходящей ко временам феодализма (на что прямо указывают такие существительные, как *armoiries*, *quartiers*, *seigneuries*, *château*, *donjon*, *suzeraine* и прилагательное *sinople*, обозначающее зеленый цвет в геральдике), с рыцарскими романами о короле Артуре (*dame du lac* – фея Озера, воспитавшая Ланцелота), а также с гербом их рода, замками, средневековыми настенными коврами, сословными привычками сельской жизни, природной средой, с древним лесом, в котором охотился сын Хлодвига, само имя которого звучит еще по-германски. Данная развернутая сеть визуальных ассоциаций вводится, как часто происходит у Пруста, конкретным зрительным образом – гербом рода Германтов рядом с витражами в церкви Комбре. Но здесь романтическое воображение Марселя получает привычный контрудар, мечты снова рассеиваются при контакте с реальностью, когда он осознает, что фактически «древность присутствия» Германтов в этих местах восходит к XVII веку. Также интересно отметить, что здесь имплицитно утверждается та же – рациональная по своей сути – мысль, что и в предыдущем отрывке, а именно: сокращение дистанции с неким волшебным, загадочным, легендарным объектом, то есть переход из виртуального пространства в реальное, неизбежно разрушает его очарование.

- *Droit d'exercer librement le culte* «право на свободное отправление культа»

Право на свободное отправление культа во Франции закреплено в первой статье закона об отделении церкви от государства от 9 декабря 1905 года: «La République assure la liberté de conscience. Elle garantit le libre exercice des cultes sous les seules restrictions édictées ci-après dans l'intérêt de l'ordre public»⁸. М. Пруст употребляет выражение *droit reconnu d'exercer librement le culte du déjeuner* применительно к служанке Франсуазе (вводя в текст «крестьянскую» тему, тему простого народа), которая после смерти тети Леонии перешла на службу

⁸ Приводится по сайту <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000508749> (дата обращения 17.12.2020).

к родителям Марселя и вслед за этим переехала с ними в особняк Германтов, не только в прямом значении, но и иронически, в как бы религиозном смысле:

<...> pareille à ces plantes qu'un animal <...> nourrit d'aliments qu'il attrape, mange, digère pour elles et qu'il leur offre dans son dernier et tout assimilable résidu, Françoise vivait avec nous en symbiose; c'est nous qui <...> devons nous charger d'élaborer les petites satisfactions d'amour-propre dont était formée – en y ajoutant le droit reconnu d'exercer librement le culte du déjeuner suivant la coutume ancienne comportant la petite gorgée d'air à la fenêtre quand il était fini – <...> la part de contentement indispensable à sa vie. Aussi comprend-on que Françoise avait pu dépérir, <...> en proie <...> à <...> l'ennui dans ce sens énergique qu'il a chez Corneille ou sous la plume des soldats qui finissent par se suicider parce qu'ils s'« ennuient » trop après leur fiancée, leur village <...> [Proust, 1988. P. 13].

В данном отрывке Марсель иронично передает эксплицитно сформулированное далее в тексте описание представлений Франсуазы о добродетели:

Si elle tenait tant d'ailleurs <...> à ce qu'on nous sût riches, ce n'est pas que la richesse sans plus, la richesse sans la vertu, fût aux yeux de Françoise le bien suprême, mais la vertu sans la richesse n'était pas non plus son idéal. <...> Elle les séparait si peu qu'elle avait fini par prêter à chacune les qualités de l'autre, à exiger quelque confortable dans la vertu, à reconnaître quelque chose d'édifiant dans la richesse [Proust, 1988. P. 15–16].

Для описания ее первых непростых дней на новом месте (где ее новым хозяевам не оказывали должного почтения, так как об их прежних заслугах никто не знал, в то время как в Комбре тетю Леонию уважали) и сложных отношений с семьей Марселя (с одной стороны, она была столь же неразрывно связана с ними, как растение в симбиозе с животным; с другой – представляла свое право проводить за обедом с другими слугами по три часа в день столь же неприкосновенным как право на свободу отправления культа) используются сравнения и метафоры из разных сфер жизни: ботаники, права, армии. Пруст вводит, проводя несколько ироничную параллель, также интертекстуальный культурный концепт: уныние как в трагедиях Корнеля, то есть в классицизме, когда для того, чтобы сохранить честь, нередко приходилось умирать; равно как и «высокий» глагол *dépérir*, который ранее употреблялся применительно к фее Мелюзине [Proust, 1988. P. 5]. Данные сравнения и метафоры, с одной стороны, привносят ироничную нотку, с другой – позволяют выявить в служанке некие исконные, глубинные народные представления о чести и почете.

- *Certificat d'authenticité* «сертификат подлинности»

Существительное *authenticité* «подлинность, аутентичность, достоверность» определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «*qualité de l'objet ou du document (œuvre, écrit, etc.) dont l'auteur ou l'origine sont attestés, notamment sur la foi d'un certificat*».

В романе М. Пруста выражение *certificat d'authenticité*, используемое применительно к произведениям искусства, образно употребляется для фигурального подтверждения подлинности высокого происхождения герцогини Германтской, равно как и для указания на то, что само лишь ее присутствие в фамильной ложе ее кухни, принцессы Германтской, свидетельствовало в некотором роде о высокой ценности культурной жизни и о «высоком художественном качестве» окружения последней, подобно тому как ее прекрасное имя непосредственно указывало на благородное происхождение, несмотря на то, что она сама далеко не была красивой:

<...> Mais comme certains artistes qui, au lieu des lettres de leur nom, mettent au bas de leur toile une forme belle par elle-même, un papillon, un lézard, une fleur, de même c'était la forme d'un corps et d'un visage délicieux que la princesse apposait à l'angle de sa loge, montrant par là que la beauté peut être la plus noble des signatures; car la présence de Mme de Guermantes <...> était, aux yeux des amateurs d'aristocratie, le meilleur certificat d'authenticité du tableau que présentait sa baignoire <...>.

Notre imagination étant comme un orgue de Barbarie détraqué <...>, le souvenir de certaines œuvres du XVIe siècle avait commencé à chanter en moi <...> [Proust, 1988. P. 37].

В данном контексте тело и лицо госпожи Германтской сравниваются с произведением искусства. В сертификате подлинности художественного произведения указываются характеристики, которые позволяют однозначно его идентифицировать: его название, дата написа-

ния, фамилия художника и т. д. В рассматриваемом отрывке говорится также об отдельных, на первый взгляд, незначительных деталях, по красоте которых можно узнать руку мастера даже без его подписи, и присутствие герцогини Германтской в ложе принцессы Германтской, подобно этим элементам, свидетельствует о качестве круга общения последней. С этой точки зрения герцогиня Германтская сопоставляется с величественным придворным портретом эпохи Возрождения. При этом автор тут же указывает на субъективность ощущений подобного рода, во-первых, используя оговорку «aux yeux des amateurs d'aristocratie», во-вторых, сравнивая воображение наблюдателя с расстроенной шарманкой, воспроизводящей любую мелодию, кроме требуемой.

2. Лексика, относящаяся к отдельным отраслям права

2.1. Лексика из области конституционного права

- *Démocratie* «демократия»

Существительное *démocratie* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «régime politique dans lequel le pouvoir suprême est attribué au peuple qui l'exerce lui-même, ou par l'intermédiaire des représentants qu'il élit». В романе оно употребляется в составе образного сравнения:

<...> C'était une de ces vieilles demeures <...> dans lesquelles la cour d'honneur – soit alluvions apportées par le flot montant de la démocratie, soit legs de temps plus anciens où les divers métiers étaient groupés autour du seigneur – avait souvent sur ses côtés des arrière-boutiques, <...> – et au fond, dans le logis «faisant hôtel», une «comtesse» qui, quand elle sortait dans sa vieille calèche à deux chevaux, montrant sur son chapeau quelques capucines semblant échappées du jardinet de la loge <...>, envoyait indistinctement des sourires et des petits bonjours de la main aux enfants du portier et aux locataires bourgeois de l'immeuble qui passaient à ce moment-là et qu'elle confondait dans sa dédaigneuse affabilité et sa morgue égalitaire [Proust, 1988. P. 10].

Данный отрывок построен на целой серии антитез: арендаторы-буржуа в аристократическом особняке, старинный особняк феодала – окружающее его жилье простого народа и мнимое принятие герцогиней Германтской республиканского равенства, которое на самом деле оказывается проявлением того же аристократического презрения, она не знает и не желает знать людей, которых приветствует (на что указывают такие похожие на оксюморон сочетания, как *dédaigneuse égalité* и *morgue égalitaire*). Особняк, в свою очередь, описывается как связанный с древними временами, с ранним Средневековьем, с которым род Германтов ассоциируется в глазах повествователя, когда различные гильдии располагались поблизости от замка феодала. Здесь мы также имеем дело с метафорой из области гидрологии: подобно тому, как наносы песка и ила, относящиеся к русловым процессам, постепенно изменяют речное русло, так и народ, буржуазия и аристократия после Революции соседствуют друг с другом во дворе аристократического особняка, словно принесенные мощной волной демократических перемен.

Интересно отметить и то, что здесь также присутствует одна из многочисленных подсказок, по мнению Т. М. Николаевой, указывающих на то, что все эти события происходят лишь в мечтах героя: в тексте никак не объясняется тот факт, что семья родителей Марселя в Париже внезапно поселилась по соседству с особняком Германтов [Николаева, 2012. С. 58], несмотря на то, что «в салон герцогини практически попасть почти невозможно» [Там же], причем «юный Марсель не совершает никаких коммуникативных усилий – все слетаются к нему как пчелы на мед». [Там же. С. 56]

- *Chef d'État* «глава государства», *peuple* «народ»

Данный термин также уже встречался при сравнении развития любовных отношений Марселя и Жильберты с ситуацией из области международного права [Савина, 2019. С. 72–73]. Но в следующем ниже контексте рассматриваемые выражения неожиданно используются М. Прустом в составе необычного образного сравнения ощущений больного при исполь-

зовании ватных беруш для сна и при их извлечении после пробуждения в целях противопоставления их прагматических эффектов:

<...> Le pianissimo ne suffit plus, la boule fait instantanément fermer le clavier et la leçon de musique est brusquement finie; le monsieur qui marchait sur notre tête cesse d'un seul coup sa ronde; la circulation des voitures et des tramways est interrompue comme si on attendait un chef d'État. <...> Qu'on retire, au contraire, pour un instant au malade les cotons superposés à son tympan, et soudain la lumière, le plein soleil du son se montre de nouveau, aveuglant, renaît dans l'univers; à toute vitesse rentre le peuple des bruits exilés; on assiste, comme si elles étaient psalmodiées par des anges musiciens, à la résurrection des voix <...> [Proust, 1988. P. 69].

В рассматриваемом случае разгул самых разных звуков и шумов накануне вечером контрастирует с их полным отсутствием и последующим «возрождением» на следующее утро. Здесь сравнение, в состав которого входит юридическая лексика, используется для создания очень сложной синестетической метафоры. Звуки соотносятся со зрительными впечатлениями (на что указывают такие существительные, как *lumière* и *plein soleil*). Ситуация, связанная с перекрытием уличного движения в ожидании главы государства, и последующее возвращение «изгнанного народа звуков» также входит в ее состав. С таким чисто физическим явлением, как «вернувшиеся» голоса, соотносятся и метафизические религиозные представления, когда ангелы с музыкальными инструментами словно предвещают воскресение звуков, подобно воскресению Христа. Эта комплексная метафора указывает на тесную связь-переплетение всех явлений окружающего мира (звуковых, зрительных, политических, религиозных) в представлении Марселя, когда при пробуждении все звуки и шумы народной жизни обрушиваются на него «в полном объеме».

2.2 Лексика из области уголовного права

- *Condamné* («осужденный, приговоренный»), *prison* («тюрьма»)

Существительное *condamné* определяется в словаре «Trésor de la langue française» как «frappé d'une condamnation par la justice», а *prison* – как «établissement pénitentiaire clos, aménagé pour recevoir des individus condamnés par les tribunaux à une peine les privant de liberté ou des prévenus en instance de jugement». Ожидание Марселем выхода герцогини Германтской на прогулку сравнивается, с одной стороны, с ожиданием разъяренной толпой выхода приговоренного к смертной казни из тюрьмы, с другой – с восторгом толпы, ожидающей великого человека, дабы увидеть и поприветствовать его лично:

<...> Car jamais fanatique d'une grande comédienne qu'il ne connaît pas, allant faire « le pied de grue » devant la sortie des artistes, jamais foule exaspérée ou idolâtre réunie pour insulter ou porter en triomphe le condamné ou le grand homme qu'on croit être sur le point de passer chaque fois qu'on entend du bruit venu de l'intérieur de la prison ou du palais, ne furent aussi ému que je l'étais, attendant le départ de cette grande dame qui, dans sa toilette simple, savait, par la grâce de sa marche (toute différente de l'allure qu'elle avait quand elle entrait dans un salon ou dans une loge), faire de sa promenade matinale – il n'y avait pour moi qu'elle au monde qui se promenait – tout un poème d'élégance et la plus fine parure, la plus curieuse fleur du beau temps <...> [Proust, 1988. P. 52].

В данном случае страстное ожидание Марселем выхода герцогини Германтской на прогулку сравнивается с описанными выше ситуациями. Все эти сравнения указывают на различные чувства ожидающих, не реальные, но потенциально возможные для чувственности Марселя (о чем свидетельствует в том числе и похожий на заклинание повтор наречия *jamais*, хотя объективно молодой человек не может проверить данный факт) – от низменных до самых высоких, от желания присутствовать на казни до поклонения перед искусством и неудержимого восторга перед великим человеком (которые, как известно, в толпе могут сменять друг друга за считанные секунды). Подобные сопоставления используются для того, чтобы выявить на фоне психологии толпы силу восхищения герцогиней со стороны ее отдельного молодого поклонника; но оно скорее воображается Марселем, чем охватывает его реально, на что указывают и такие в высшей степени поэтичные выражения, передающие его представления о прогулке герцогини, как *tout un poème d'élégance, la plus fine parure* и *la plus curieuse fleur du beau temps*.

Сравнение с тюрьмой используется М. Прустом также при описании страданий Робера де Сен-Лу после ссоры с его возлюбленной Рахиль:

<...> On a dit aussi que le silence était un supplice, et capable de rendre fou celui qui y était astreint dans les prisons. <...> D'ailleurs, plus cruel que celui des prisons, ce silence-là est prison lui-même. Une clôture immatérielle, sans doute, mais impénétrable, cette tranche interposée d'atmosphère vide, mais que les rayons visuels de l'abandonné ne peuvent traverser <...> [Proust, 1988. P. 114–115].

В рассматриваемом контексте молчание Рахиль, от которого страдает Сен-Лу, сравнивается с тишиной, от которой сходят с ума заключенные в одиночной камере. От данного сравнения М. Пруст переходит к концептуальной метафоре («*ce silence-là est prison lui-même*»). Отчаяние влюбленного в подобной ситуации передается и посредством противопоставления прилагательных *immatériel* и *vide* прилагательному *impénétrable* и относительному придаточному *que les rayons visuels de l'abandonné ne peuvent traverser*. Здесь снова «абстрактные» сугубо вербальные страдания Робера де Сен-Лу психологизируются посредством их сравнения с известными ему конкретными видами мучений заключенных в тюрьмах, что делает данную ситуацию более живой, реальной и позволяет читателю лучше представить себе мучения молодого человека, которого также словно наказывают молчанием за некое преступление.

2.3. Лексика из области международного права

- *Expatriation* «экспатриация»

Существительное *expatriation* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «*action d'expatrier, d'être expatrié ou de s'expatrier; résultat de cette action; état de la personne expatriée*». Сравнение с данной правовой ситуацией продолжает описание мучений Робера де Сен-Лу, и, в частности, болезненное переживание им любовных страданий в надежде на скорое возвращение Рахиль к нему, сопоставляется с действиями экспатрианта, который уладил все свои дела на родине, ожидая скорейшего отъезда за границу. Подобно тому, как такой отъезд не произойдет в действительности, так и возлюбленная Робера к нему не вернется:

<...> Après avoir entrevu ainsi une oasis imaginaire de tendresse, il se retrouvait piétinant dans le désert réel du silence sans fin.

Il souffrait d'avance, sans en oublier une, toutes les douleurs d'une rupture qu'à d'autres moments il croyait pouvoir éviter, comme les gens qui règlent toutes leurs affaires en vue d'une expatriation qui ne s'effectuera pas, et dont la pensée, qui ne sait plus où elle devra se situer le lendemain, s'agite momentanément, détachée d'eux, pareille à ce cœur qu'on arrache à un malade et qui continue à battre, séparé du reste du corps. En tout cas, cette espérance que sa maîtresse reviendrait lui donnait croyance qu'on pourra revenir vivant du combat aide à affronter la mort <...> [Proust, 1988. P. 115].

В рассматриваемом примере любовные страдания Робера де Сен-Лу также изображаются как блуждания по пустыне в тщетной надежде найти оазис. Ход его мыслей представлен посредством сравнения из области хирургии, а надежда на скорейшее примирение – сравнением из военной сферы. Благодаря описанию чувств Сен-Лу через параллели со столь далекими друг от друга областями жизни читатель получает максимально детальное и конкретное представление о них.

- *Diplomates* «дипломаты», *paix* «мир», *guerre* «война», *rectification de frontière* «уточнение границы», *droit des gens* «международное публичное право»

Данные термины из области международного права образно используются М. Прустом для описания драки Сен-Лу с журналистом в ресторане:

À ce moment, je vis Saint-Loup lever son bras verticalement au-dessus de sa tête <...> comme un chef d'orchestre, et en effet – sans plus de transition que sur un simple geste d'archet, dans une symphonie ou un ballet, des rythmes violents succèdent à un gracieux andante <...>, il abattit sa main, en une gifle retentissante, sur la joue du journaliste.

Maintenant qu'aux conversations cadencées des diplomates, aux arts riants de la paix, avait succédé l'élan furieux de la guerre, <...> je n'eusse pas été trop étonné de voir les adversaires baignant dans leur sang. Mais ce que je ne pouvais pas comprendre (comme les personnes qui trouvent que ce n'est pas de jeu que survienne une guerre entre deux pays quand il n'a encore été question que d'une rectification de frontière, ou la mort d'un

malade alors qu'il n'était question que d'une grosseur du foie), c'était comment Saint-Loup avait pu faire suivre ces paroles <...> d'un geste qui ne sortait nullement d'elles, <...> le geste de ce bras levé non seulement au mépris du droit des gens, mais du principe de causalité <...> [Proust, 1988. P. 172–173].

Отношения между людьми сравниваются с отношениями между государствами, а необоснованная, на первый взгляд, агрессия – с внезапным началом войны между странами. Рассматриваемая аналогия активно подкрепляется сравнениями с другими сферами деятельности – музыкой (она вводится лексемами *chef d'orchestre, archet, symphonie, ballet, andante*), медициной (*mort, malade, grosseur de foie*) и логикой (*principe de causalité*). Внезапность агрессии подчеркивается и контекстуальным противопоставлением лексики, указывающей на внешнюю учтивость (*paroles courtoises, amabilité*) словам, прямо указывающим на физическое насилие (*une gifle, les coups*).

Заключение

Юридическая лексика в начале третьего тома романа используется М. Прустом с тремя следующими целями.

1. Описание мира аристократии таким, каким он видится выходцам из буржуазии, в сознании которых воображаемое противопоставлено реальному.

Разнообразные культурные концепты, связанные в воображении Марселя, в частности, с представлением о герцогине Германтской, на проверку оказываются обманчивыми. При этом юридическая лексика может указывать как на возвышенные представления мальчика о них, так и на их несоответствие действительности.

2. Описание жизни народа, в котором, напротив, преобладают предельно конкретные сравнения и метафоры.

Автор иронически сравнивает право Франсуазы проводить за обедом с другими слугами около трех часов со свободой отправления религиозного культа, представляя эту ее привычку как столь же священное право. Медленное поглощение аристократических атрибутов прежней жизни высшего сословия народной массой со своей материальной культурой и образом жизни представлено как затопление, захламление парадного двора богатого поместья неудержимым разливом демократии. Эти сравнения и метафоры соотносятся с другими, также конкретными (ботаника, армия). Если и появляются аллюзии на прецедентные абстрактные культурные концепты (особый вид уныния в трагедиях Корнеля), то они используются скорее иронически.

3. Описание различных ощущений, чувств и отношений между представителями различных слоев общества.

Мотивация больного, использующего беруши для того, чтобы быстрее заснуть, отгородиться от шумов уличной жизни, подкрепляется посредством развернутого сравнения и метафоры, в рамках которых переплетаются воедино правовая ситуация, визуальные, слуховые ощущения и религиозные представления. Сложные отношения между Робером де Сен-Лу и его возлюбленной Рахиль, происходящей из «низов», представлены различными ситуациями из области международного и уголовного права. Внезапное начало драки Сен-Лу с журналистом изображено как конфликтная ситуация международного права. При этом автор прибегает и к сравнению из области музыки, что позволяет представить драку как произведение искусства.

Проведенный анализ материала позволяет утверждать, что юридическая лексика в начале третьего тома романа М. Пруста отражает романтические представления автора о жизни в целом, прежде всего о философии отношений традиционных французских социальных сословий в эпоху Третьей республики. С метафорами и сравнениями, созданными на основе юридической лексики, соотносятся другие, как абстрактные, так и конкретные. Актуализируется не только и не столько семантика юридических терминов, сколько связанные с ними представления и ассоциации автора о социальном окружении персонажей, часто на фоне вы-

мышленного любовного страдания. Задействование юридической лексики и ее связь со сравнениями и метафорами из других сфер не только указывают на ее специфическую текстопо-рождающую роль в поэтике Пруста, но и позволяют воссоздать в литературном произведе-нии многоплановую картину жизни и разнообразного культурного сознания французского общества, отмеченную в работах И. И. Блауберг и Р. Эпштейна.

Список литературы

- Блауберг И. И.** О некоторых философских сюжетах в творчестве Марселя Пруста // Фило-софские науки. 2018. № 9. С. 78–95. DOI 10.30727/0235-1188-2018-9-78-95.
- Квинтилиан М. Ф.** Двенадцать книг риторических наставлений Марка Фабия Квинтилиана. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1834. В 2 ч. Ч. 2. 522 с.
- Лутцева М. В.** Английская юридическая терминология и способы ее перевода на русский язык // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2. Ч. 1. С. 110–113.
- Николаева Т. М.** О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской куль-туры, 2012. 128 с.
- Савина Е. С.** Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе ро-мана М. Пруста «В поисках утраченного времени». // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 65–76. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76.
- Савина Е. С.** Юридические макроструктурные и микроструктурные фигуры как средство изображения буржуазного мира Франции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и меж-культурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121.
- Федулова М. Н.** Юридическая терминология как составная часть терминологической науки // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 192–194.
- Васу, Р.** Les figures de style et autres procédés stylistiques, P.: Berlin, 1992, 335 p.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. P.: Montchrestien, 2005, 456 p.
- Epstein, R.** Consciousness, art and the brain: Lessons from Marcel Proust. *Consciousness and Cognition*, 2004, no. 13, p. 213–240. DOI 10.1016/S1053-8100(03)00006-0
- Fontanier, P.** Les figures du discours. P.: Flammarion, 2009, 507 p.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. P.: Armand Colin, 2010, 132 p.
- Hughes, E. J.** Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge: Cambridge Uni-versity Press, 2010, 217 p.
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Pougeoise, M.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Armand Colin, 2001, 224 p.
- Reboul, O.** Introduction à la rhétorique. P.: PUF, 1991, 238 p.

References

- Васу, Р.** Les figures de style et autres procédés stylistiques, P.: Belin, 1992, 335 p.
- Blauberg, I. I.** On Philosophical Themes in Marcel Proust's Works. *Philosophical Sciences*, 2018, no. 9, p. 78–95. (in Russ.) DOI 10.30727/0235-1188-2018-9-78-95
- Cornu, G.** Linguistique juridique. P.: Montchrestien, 2005, 456 p.
- Epstein, R.** Consciousness, art and the brain: Lessons from Marcel Proust. *Consciousness and Cognition*, 2004, no. 13, p. 213–240. DOI 10.1016/S1053-8100(03)00006-0
- Fedulova, M. N.** Legal Terminology as a Part of Terminological Science. *Bulletin of the State Uni-versity of Kostroma*, 2017, no. 4, p. 192–194. (in Russ.)
- Fontanier, P.** Les figures du discours. P.: Flammarion, 2009, 507 p.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. P.: Armand Colin, 2010, 132 p.

- Hughes, E. J.** Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 217 p.
- Lutceva, M. V.** English Legal Terminology and the Methods of its Translation into Russian. *Bulletin of Voronezh State University, «Linguistics and Transcultural Communication» Series*, 2007, no. 2, part 1, p. 110–113 (in Russ.)
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Nikolaeva, T. M.** What Marcel Proust Had Really Written About? Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 128 p. (in Russ.)
- Pougeoise, M.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Armand Colin, 2001, 224 p.
- Quintilianus, M. F.** Institutes of Oratory. Saint-Petersburg: Imperial Russian Academy Publ., 1834, 2 parts. Part 2, 522 p. (in Russ.)
- Reboul, O.** Introduction à la rhétorique. P.: PUF, 1991, 238 p.
- Savina, E. S.** Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel Proust's Novel "In Search of Lost time". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 65–76. (in Russ.) DOI 10.2505/1818-7935-2019-17-2-65-76
- Savina, E. S.** Legal Macro- and Microstructural Devices as a Means of Representing French Bourgeoisie. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121

Список источников и Словарей / List of sources and Dictionaries

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. P.: Gallimard, 1988. 578 p.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. P.: PUF, 2016. 1101 p.
- Le Robert. Dictionnaire de la langue française. P.: Dictionnaires Le Robert, 1994. 2467 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.12.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Савина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV), доцент кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Elena S. Savina, Cand. of Sci. (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

savinaelena2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4301-5638

Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках

О. И. Калинин

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

*Военный университет Министерства обороны
Москва, Россия*

Аннотация

Цель статьи – изучение потенциального речевого воздействия текстов военных доктрин при помощи методики количественного анализа метафоричности, которая базируется на вычислении индексов плотности метафор, интенсивности и функций, которые метафоры выполняют в тексте. Теоретической базой исследования являются теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и представления о метафоричности дискурса и воздействующем потенциале метафор в тексте и дискурсе, наиболее полно представленные в работах, содержащих метаанализ особенностей речевого воздействия метафоры (П. Сопори, С. ван Стее). Материалом исследования стали последние опубликованные военные документы доктринального характера – Военная доктрина РФ 2014 года, Белая книга «Оборона Китая в новую эпоху» 2019 года и краткое изложение «Стратегии национальной обороны США» 2020 года. Практические результаты исследования показали, что метафоричность текста на китайском языке в сравнении с английским и русским выше в аспекте плотности и интенсивности использованных метафор, что свидетельствует о стремлении авторов Белой Книги сделать ее более убедительной и эмоционально воздействующей. «Стратегия национальной обороны США» менее насыщена новыми авторскими метафорами, но при этом в ней использовано большее количество структурных метафор, что свидетельствует скорее о когнитивном декларативном воздействии, чем об эмоциональном. Текст Военной доктрины на русском языке имеет наименьшие показатели плотности и интенсивности метафор, также в нем было выявлено наименьшее количество структурных метафор, что приводит нас к выводу, что Военная доктрина РФ носит более информативный, идентификационный характер. Предложенная и апробированная в данном исследовании методика анализа метафоричности позволяет выявлять разные типы речевого воздействия (эмоциональное и когнитивное), а также определять их степень. Кроме того, значения индексов метафоричности можно использовать для определения жанрово-стилистических особенностей текстов.

Ключевые слова

метафоричность, речевое воздействие, индексы метафоричности, военная доктрина

Для цитирования

Калинин О. И. Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-110-121

Metaphor Power of Military Doctrines in Russian, Chinese and American English

Oleg I. Kalinin

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

*Military University of the Ministry of Defense
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Metaphor in modern linguistics is understood not only as a means of decorating speech, but also as a means of structuring, transforming and creating new knowledge, evoking emotions, influencing the perception. The article aims to estimate the potential speech impact of the military doctrines' texts with the help of the metaphor power quantitative index. The methodology is based on calculating the indices of metaphor density (MDI), intensity (MI) and functionality of metaphors in the text (MfPI). The theoretical basis of the research is the conceptual metaphor theory by J. Lakoff and M. Johnson, as well as ideas about the metaphor power and the potential persuasiveness of metaphors in the text and discourse, most fully presented in the works on meta-analysis of the metaphor speech impact by P. Sopory and S. van Stee. Thus, we assume that the higher the density of metaphors in the text, the higher is the persuasiveness of the given speech message. Metaphors of different intensity are based on two different cognitive mechanisms, namely, categorization and comparison, and affect the recipient in different ways, since they are perceived differently by him. Conventional metaphors tend to have a so-called cognitive effect, and new "creative" metaphors, in turn, may have a considerable emotional impact. Different types of metaphors also have different functions: orientational metaphors perform a descriptive function, ontological metaphors are used to explain (translate) complex objects and phenomena, identifying them in the mind of recipients, structural metaphors serve the purpose of restructuring the signified (le signifié in terms of Saussure) of an object or phenomenon, changing the recipient's point of view on the subject. The material under study includes the latest published doctrinal military documents – the Military Doctrine of the Russian Federation (2014), the White Paper "China's Defense in the New Era" (2019), and a Summary of the US National Defense Strategy (2020). The empiric results of the study show that the metaphor power of the Chinese text in comparison with American English and Russian is higher in terms of the density and intensity of the metaphors used, which indicates the intention to make the White Paper more convincing and emotionally affecting. "The US National Defense Strategy" is less saturated with novel metaphors, but at the same time it uses a greater number of structural metaphors, which indicates the intention to produce a cognitive declarative impact rather than emotional effect. The text of the Russian Military Doctrine has the lowest indices of the density and intensity of metaphors; the number of structural metaphors found in it was also the smallest, which leads us to conclude that this document highlights the informative function, having the identifying nature. The method of metaphor power analysis proposed and tested in this study allows us to single out two different types of speech impact – emotional and cognitive –, as well as makes it possible to express quantitatively their degree. In addition, the values of the metaphorical indices can be used to specify the genre and style of texts under study.

Keywords

metaphor power, speech impact, metaphor indices, military doctrine

For citation

Kalinin, Oleg I. Metaphor Power of Military Doctrines in Russian, Chinese and American English. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-110-121

Введение

Метафора в современном языкознании понимается не только как средство украшения речи, но и как средство, способное структурировать, преобразовывать и создавать новое знание [Thibodeau, Boroditsky, 2011], вызывать эмоции, оказывать влияние на формирование оценки [Воеунаемс et al., 2017], а также усиливать персуазивность речевого высказывания [Stee van, 2018]. В этой связи лингвистами активно проводится анализ метафорических моделей как с позиций дескриптивного подхода, когда изучаются метафорические проекции, объединенные вокруг одной сферы-цели (см. [Калинин, 2020a]) или сферы-источника (см. [Будаев, 2020]), так и с позиций количественного анализа метафоричности текста или дискурса в целом, представленного, например, в [Branum, Charteris-Black, 2015]. Как верно указывает

М. А. Сафонова со ссылкой на А. Б. Нейделя, «необходимо признавать переносное использование языковых единиц в составе метафоры, метонимии, синекдохи и иронии как основного инструмента выражения определенной точки зрения на описываемого человека. Двумя важнейшими способами построения биографии он считает, с одной стороны, репрезентацию фактов, и, с другой – использование средств языка, выражающих авторскую интенцию» [Сафонова, 2018. С. 71].

При этом число описательных исследований отдельных метафор в разных дискурсах заметно больше, чем работ, посвященных исследованию метафоричности как специфической характеристики текста или дискурса в целом. К тому же в существующих работах, посвященных выявлению метафоричности отдельных текстов или дискурса, чаще всего предметом изучения становится политическая метафора [Мавлеев, Фомин, 2017] или метафора в дискурсе СМИ [Калинин, Мавлеева, 2020].

В этой связи нам представляется актуальной задача рассмотреть метафоричность текстов военно-документального дискурса в сопоставительном ключе, а именно: изучить количественные параметры использования метафор в текстах официальных военно-доктринальных документов на русском, китайском и английском языках.

Целью работы мы полагаем изучение степени метафоричности при помощи методики количественного анализа плотности, интенсивности и функций метафоры, которые они несут на себе в текстах обозначенного речевого жанра.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, прояснить суть понятия «метафоричность» и описать методику количественного анализа этой характеристики; во-вторых, провести собственно количественный анализ метафоричности, подразумевающий анализ трех ее показателей: плотности, интенсивности и функционала метафор в текстах военных доктрин; в-третьих, интерпретировать полученные результаты.

Для исследования степени метафоричности военно-документального дискурса мы опираемся на количественные методы контент-анализа, где предметом анализа в соответствии с [Сунь, Калинин, Игнатенко, 2021; Landtsheer De, 2009] становится метафорическая проекция. В качестве основного метода выявления метафор в тексте нами используется методика MIP (Metaphor Identification Procedure), описанная, в частности, в [Deignan, 2015; Nacey et al., 2019].

Теоретической базой исследования стала теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], а также представления о персуазивном потенциале метафор в тексте и дискурсе, наиболее полно представленные в работах, содержащих мета-анализ особенностей речевого воздействия метафоры (см. [Sopory, 2006; Stee van, 2018]).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные по метафоричности текстов военно-документального дискурса могут быть использованы в качестве основы для дальнейшего анализа метафоричности как дискурсивной характеристики в целом.

Материалом исследования стали последние опубликованные военные документы доктринального характера, включающие Военную доктрину РФ (от 25 декабря 2014), 《新时期的中国国防》白皮书 (Белую книгу «Оборона Китая в новую эпоху» от 24 июля 2019), Summary of the National Defense Strategy of the United States of America (Краткое изложение Стратегии национальной обороны США от 8 ноября 2020 года). На наш взгляд, прагматические и интенциональные характеристики вышеуказанных текстов в общих чертах сходны, поэтому сопоставительный анализ степени их метафоричности позволит судить об отличиях в функциональной роли метафоры в текстах военно-политической тематики в рамках официально-документального дискурса. Тексты военных доктрин являются основополагающими документами военно-политического характера, они создаются при непосредственном участии высшего военно-политического руководства. Подобные документы призваны ознако-

мить население страны и мировое сообщество с ключевыми принципами военного строительства и военной политики государства, сформировать среди населения в целом и представителей военно-политической сферы жизни общества в частности концептуальное понимание военной политики государства. Кроме того, военные доктрины играют важную роль в формировании образа государства на международной арене, так как пропагандируемое в форме военной доктрины отношение к войне, способам ведения боевых действий и условиям применения оружия является важным показателем статуса государства и одной из основ всей внешней политики. В этой связи исследование метафоричности текстов военных доктрин, которое позволяет выявить потенциальное речевое воздействие, представляется нам актуальным и важным на современном этапе.

Методика анализа степени метафоричности текста с использованием индексов метафоричности

Термин *метафоричность* не является еще широко распространенным в научной литературе. Обычно под метафоричностью понимается образность, выразительность, иносказательность. Именно в таком толковании термин *метафоричность* встречается в многочисленных исследованиях, например, на русском языке [Великова, 2014; Ковальчук, 2019].

В нашей работе под термином *метафоричность* будет подразумеваться референция к более широкой сфере, прежде всего к тем специфическим функциям, которыми метафорические модели наделяются в дискурсе – персуазивной, сенсуарной, воздействующей – способными проявляться имплицитно.

Наше исследование базируется на допущении, что имплицитные характеристики текста можно исследовать посредством последовательного вычисления определенных индексов/показателей, связанных с использованием метафор в тексте: индекса плотности метафор (MDI – Metaphor Density Index), индекса интенсивности метафор (МИ – Metaphor Intensity Index), индекса функциональной типологии метафор (MfTI – Metaphor Functional Typology Index).

Применение каждого из этих индексов базируется на работах П. Сопори [Sopory, 2006] и С. ван Стее [van Stee, 2018], где был проведен убедительный метаанализ причин, которые обуславливают персуазивный эффект метафоры и, самое главное, тех аспектов использования метафоры, которые связаны с персуазивностью. В работах П. Сопори и С. ван Стее в зону статистической значимости попали следующие факторы: взаимосвязь персуазивности с новизной метафор, позиция в тексте, содержание сферы-источника. Частично доказанной считается гипотеза о влиянии на последующее речевое поведение адресата количества метафор, воздействию которых он подвергся.

Несмотря на то что в мета-анализе П. Сопори гипотеза о количестве метафор подтвердилась лишь частично, этот показатель, то есть плотность метафор в тексте, нельзя игнорировать. Ранее нами было доказано, что чем выше плотность метафор в тексте, тем более высокой является персуазивность данного речевого сообщения; при этом высокометафоричные тексты продемонстрировали более высокий уровень речевого воздействия, чем неметафоричные и низкометафоричные [Калинин, 2020b].

Для определения плотности метафор в тексте мы используем формулу индекса частотности метафор, разработанную К. де Ландсхеер [Landtsheer De, 2009] и имеющую следующий вид:

$$\text{MDI (Metaphor Density Index)} = nme * 100 / nwords,$$

где *nme* – количество метафор в тексте, а *nwords* – количество слов в тексте. Таким образом, показатель отражает среднее количество метафор на 100 слов текста, включая служебные.

Под интенсивностью метафор обычно понимается их персуазивность, связанная с дихотомией «конвенциональные – авторские метафоры». Эти два типа метафор естественно противостоят друг другу, так как они базируются на разных когнитивных механизмах: на кате-

горизации и сравнении соответственно. Отсюда следует, что они по-разному воздействуют на реципиента речевого сообщения, поскольку по-разному воспринимаются им. Конвенциональные метафоры имеют свойство оказывать так называемый когнитивный эффект, так как снижают уровень сложности сообщения и повышают качество аргументации автора сообщения, о чем говорится в работах Т. Хартмана [Hartman, 2012] и К. Бюргерса [Burgers et al., 2015]. Новые метафоры, в свою очередь, оказывают аффективное, то есть эмоциональное воздействие, увеличивая эмоциональную привлекательность сообщения и воздействуя на воображение получателя сообщения, о чем пишут Х. Хёкен [Hoeken et al., 2009] и Р. Джора [Giora et al., 2004].

Из сказанного однозначно следует, что интенсивность метафоры является важным показателем анализа метафоричности текста и дискурса. Для ее квантификации мы полагаем уместным использовать индекс интенсивности (МИ) метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер [Landsheer De, 2009]. Он имеет следующий вид:

$$\text{МИ} = (1*w + 2*a + 3*s) / nme,$$

где w – количество низкоинтенсивных (то есть стертых, конвенциональных) метафор, a – количество метафор средней интенсивности, s – количество высокоинтенсивных (то есть новых, авторских метафор).

Понятие «средняя интенсивность» кажется несколько расплывчатым, однако на практике различить метафоры по степени интенсивности довольно просто; для этого следует использовать словарь и корпус национального языка. Если метафорическая лексема или оборот включены в словарный состав как устоявшиеся, то есть отражены в словаре национального языка, то они относятся к конвенциональным метафорам с низким уровнем интенсивности. Если метафорический оборот в словарь еще не включен, но его можно найти в электронном корпусе национального языка, то эта метафора соотносится со средним уровнем интенсивности. Если же обнаруженного метафорического выражения нет ни в словаре самого полного объема, ни в национальном корпусе, то эта метафора рассматривается как новая.

Одним из аспектов, который признанно считается существенным в контексте повышения эффективности речевого воздействия, является само содержание метафорического переноса, а именно семантика сферы-источника метафоры. Однако перевести конкретное содержание метафоры в плоскость количественного анализа довольно трудно.

На наш взгляд, учесть влияние содержания метафоры можно, обратив внимание на функции метафоры в тексте, которые как раз и базируются на содержании метафорического переноса. Наиболее тесно взаимосвязь между содержанием и функцией метафор в тексте прослеживается в классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004]. Как известно, авторы разделили метафоры на ориентационные, онтологические и структурные. Ориентационные метафоры отражают наиболее характерные, то есть примарные представления носителей лингвокультуры относительно пространства, и тем самым выполняют описательную функцию. Онтологические метафоры объясняют сложные объекты и явления, идентифицируя их в сознании реципиентов речевого сообщения через что-то конкретное, доступное чувственному восприятию. Они несут идентификационную функцию, как бы «объясняя» сложное через простое и тем самым способствуя категоризации сложных абстрактных понятий. Структурные метафоры служат целям реструктуризации представления об объекте или явлении, меняя в том числе и точку зрения реципиента на предмет метафоризации; соответственно, они несут в себе реструктурирующую функцию, то есть смещают точку зрения на предмет речи, меняя содержание понятия.

На основе этой классификации мы предлагаем использовать индекс функциональной типологии метафоры, который отражает среднее значение для функций всех метафор в данном тексте или в дискурсе.

Формула индекса функциональной типологии метафоры будет выглядеть следующим образом:

$$MfTI = (1*Or+2*O+3*St)/nme,$$

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

Результаты исследования

Наше исследование степени метафоричности текстов военно-документального дискурса на русском, английском и китайском языках имело своей основной задачей вычисление вышеописанных индексов. Ниже последовательно представлены его результаты.

Результаты анализа метафоричности текстов военно-документального дискурса на русском, английском и китайском языках

Metaphor power analysis of the military documentary discourse in Russian, English and Chinese

Текст	Объем (слов)	MDI	МП	MfTI
Военная доктрина Российской Федерации	5 847	0,71	1,07	1,92
《新时代的中国国防》白皮书 (Белая книга «Оборона Китая в новую эпоху»)	11 513	1,33	1,2	2,09
Summary of the National Defense Strategy of the United states of America	5 537	1,24	1,11	2,02

Как мы видим в таблице, показатель плотности метафор в тексте китайской военной доктрины несколько выше, чем в английском, и значительно выше, чем в русском. Исходные данные были таковы: в тексте «Белой книги по обороне Китая» было обнаружено 154 метафорических оборота на 11 513 слова и значение индекса MDI составило, соответственно, 1,33. В тексте «Краткого изложения Стратегии национальной обороны США» было выявлено 69 метафор на 5 537 слов и значение индекса плотности метафор составило 1,24. Текст военной доктрины на русском языке оказался наименее насыщен метафорами: на 5 847 слов было выявлено 42 метафорических оборота, что отражено в значении индекса плотности метафор – 0,71.

По интенсивности использованных метафор наиболее значительный показатель индекса МП был выявлен для китайского языка – 1,2. Он отражает факт наличия в тексте «Белой книги по обороне КНР» 127 слабых (конвенциональных), 23 метафор средней интенсивности и 4 сильных метафор. Метафоры в «Стратегии национальной обороны США» также были преимущественно слабоинтенсивными: из 69 метафор только 4 отнесены к метафорам средней интенсивности и всего 2 – к метафорам высокой интенсивности. Текст «Военной доктрины РФ» получил по показателю МП значение 1,07, что близко к минимальному значению 1. Это связано с тем, что почти все метафоры (39 из 42) являются конвенциональными.

Приведем примеры метафор разной степени интенсивности из исследованных текстов.

(1) «Деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации».

Словосочетание «подрыв суверенитета» переосмысливает деятельность, направленную на дестабилизацию внутренней обстановки в стране через ассоциацию с военным термином

«подрыв». Данное словосочетание относится к клишированным оборотам, зафиксировано в словарях сочетаемости¹ и поэтому является конвенциональной метафорой.

(2) «亚太地区成为大国博弈的焦点，给地区安全带来不确定性» (АТР становится центральным местом для «игры в шашки» (геополитических авантур), что приносит нестабильность в данный регион).

В данном примере Азиатско-Тихоокеанский регион напрямую сравнивается с «игрой», точнее с местом проведения «геополитических игр». Подобное метафорическое сравнение не зафиксировано в словарях, проверка его употребления в других контекстах посредством поисковика Baidu также показала, что оно не используется в других документах, кроме этого. На этом основании мы можем определить данную метафору как метафору с высоким уровнем интенсивности.

(3) These variables often combine to cause “the fog of war.” (Эти переменные часто сочетаются друг с другом, вызывая «туман войны». Здесь и далее перевод мой. – О. К.).

В английском тексте «Стратегии» использовано образное метафорическое выражение Карла фон Клаузевица «туман войны». Хотя данное выражение является вполне устоявшимся английским военным термином², мы полагаем, что оно сохранило высокий потенциал интенсивности, представив образно неопределенность положения как туман («НЕИЗВЕСТНОЕ – это ТУМАН»), и поэтому использование словосочетания *the fog of war* в значении «военные факторы неопределенности» может считаться сильной по интенсивности метафорой.

С точки зрения значения индекса функциональной типологии метафоры тексты обследованных военных доктрин России, Англии и Китая находятся примерно на одном уровне. Средний и чуть ниже среднего уровень значений MfTI (для русского языка – 1,92, для английского – 2,02, для китайского – по 2,09) свидетельствует о том, что использованные метафоры преимущественно идентифицировали уже существующие военно-политические концепты. Это вполне соотносится с декларативным характером такого официального военно-политического документа, как военная доктрина.

Стоит отметить, что большинство метафор в исследованных текстах официально-документального дискурса носит онтологический характер: в Военной доктрине РФ – 39 онтологических и 3 ориентационных метафоры из 42; в Белой книге по обороне КНР – 140 онтологических метафор и 14 структурных; и в «Стратегии по национальной обороне США» – 65 онтологических, 3 структурных и 1 ориентационная.

Приведем примеры метафор разного типа из текстов военных доктрин.

(1) «Расширение масштабов транснациональной организованной преступности, прежде всего незаконного оборота оружия и наркотиков».

Это ориентационная метафора, которая отражает метафорический перенос «ДВИЖЕНИЕ ВШИРЬ – это УВЕЛИЧЕНИЕ ЗНАЧИМОСТИ».

(2) «中国军队坚持履行国际责任和义务，始终高举合作共赢的旗帜» (Армия Китая ответственно выполняет международные обязательства, постоянно опираясь на принцип взаимовыгодного сотрудничества (досл. высоко поднимая знамя взаимовыгодного сотрудничества)).

В этом примере имеет место довольно стандартная для китайских официальных документов онтологическая метафора в форме клишированного оборота «высоко поднять знамя чего-то». Данный речевой штамп подчеркивает сущность описываемого объекта, сравнивая

¹ URL: <https://kartaslov.ru/сочетаемость-слова/подрыв>.

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Туман_войны.

в данном случае «взаимовыгодное сотрудничество» с «тем, что может быть указано на знамени», то есть подчеркивая важность и значимость этого принципа.

(3) «Warfare is the mechanism, method, or modality of armed conflict against an enemy» (Война – это механизм, метод или прием ведения вооруженного конфликта с врагом).

В данном примере грамматическая форма метафоры «Warfare is the mechanism» свидетельствует о структурном характере метафорического переноса, «война, боевые действия» рассматриваются как некий механизм, что формирует вполне определенное представление о войне. Метафорическое переосмысление механизма часто используется для описания скрытого воздействия какого-либо явления: например, метафора «шестереночного механизма» использована Р. Кипплингом для описания смертоносного воздействия чумы [Боголюбов, 2020. С. 141].

Обсуждение результатов

Анализ индексов метафоричности текстов официальных военных документов в виде «Военной доктрины РФ», «Краткого изложения Стратегии национальной обороны США» и «Белой книги по обороне КНР» показывает, что метафоричность текста на китайском языке в сравнении с английским и русским выше в аспекте плотности и интенсивности использованных метафор. Другими словами, в «Белой книге по обороне КНР» использовано больше метафор на объем текста, при этом использованные метафоры в среднем более интенсивные, и это значит, что пропорция метафор средней и сильной интенсивности больше, чем в текстах двух других языков. Мы можем предположить, что данные цифры свидетельствуют о стремлении ее авторов сделать текст основного военного документа страны более убедительным и действенным, однако маленькая разница по сравнению с показателями метафоричности, выявленными для текста на английском языке, не позволяет нам определить это как важный фактор.

На наш взгляд, отличия в значении индексов для исследованных документов, и особенно тот факт, что текст Военной доктрины РФ наименее метафоричен по всем показателям, свидетельствует не только об отличиях в персуазивности или воздействующем потенциале исследованных текстов, но и о принципиальных различиях в характере самих документов. С точки зрения содержания «Военная доктрина РФ» является более формализованным документом, который содержит, в том числе, основные определения ключевых военно-политических терминов и понятий; при этом описание угроз безопасности России сведено к минимуму. По сравнению с ней «Белая книга по обороне КНР» и «Стратегия национальной обороны США» представляют собой в жанровом отношении скорее своего рода военно-политическую декларацию, и реализация этой прагматико-коммуникативной установки требует более «пафосных» средств. Так, в английском тексте мы встречаем много цитат из классиков военного искусства (Клаузевиц и Сунь Цзы); также довольно весомое место в обеих занимает описание конкретных угроз для США и КНР, мотивирующее важность развития Вооруженных сил этих грозных противников.

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что основная цель работы достигнута, методика анализа метафоричности текстов военно-документального дискурса на примере трех разноструктурных языков со специфической ментальностью их носителей апробирована. Мы последовательно описали индексы плотности, интенсивности, предложили разработанный индекс функциональной типологии метафор и обосновали возможность их применения. Отметим, что предложенный метод анализа метафоричности учитывает основные параметры использования метафоры в текстах и в дискурсе: количество метафорических проекций, степень их конвен-

циональности и функции, которые метафоры играют. В совокупности это позволяет выявлять разные типы речевого воздействия (эмоциональное и когнитивное), а также определять их степень.

Практические результаты исследования показали большую метафоричность текста «Белой книги по обороне Китая» и меньшую метафоричность Военной доктрины РФ, что указывает на разницу в потенциальном речевом воздействии их текстов: доктрина на китайском языке направлена на большее эмоциональное воздействие. «Стратегия национальной обороны США» менее насыщена метафорами, чем военная доктрина КНР, но при этом в ней использовано большее количество структурных метафор, тогда как количество новых авторских метафор невелико, что свидетельствует больше о когнитивном воздействии, чем об эмоциональном. Военная доктрина РФ малометафорична, поэтому мы полагаем невозможным определить воздействующий потенциал ее текста.

Кроме того, мы предполагаем, что значения индексов метафоричности можно использовать для определения жанрово-стилистических особенностей текстов, так как в результате исследования было доказано, что текст военной доктрины на русском языке, которая носит более информативный, идентификационный характер, имеет наименьшие показатели плотности и интенсивности метафор, в то время как военно-доктринальные документы КНР и США менее формализованы и более декларативны, написаны более живым, «метафоричным» языком, что отражено в числовых показателях метафоричности, и потому имеют больший воздействующий потенциал.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении проблемы метафоричности дискурса в целом, а также в проведении большего количества практических исследований для установления точных пороговых значений показателей интенсивности, выявления их средних значений для текстов разных дискурсов на разных языках. Это позволит соотнести причины использования метафор в текстах с типологией языка, прагматическими характеристиками текста (включая жанры и функциональные стили) и с культурой в целом.

Список литературы

- Будаев Э. В.** Война как сфера-источник метафорической концептуализации современной России в СМИ Великобритании // *Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных сетях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* Екатеринбург: УрГПУ, 2020. С. 8–13.
- Боголюбов А. Ф.** Bring us deliverance, spy! (прочтения Марша шпионов Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Великова Л. Н.** Антропоморфизм и метафоричность категории времени // *Язык и культура.* 2014. № 11. С. 169–172.
- Калинин О. И.** Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки.* 2020а. № 8(837). С. 26–37.
- Калинин О. И.** К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2020б. № 2. С. 31–43. DOI 10.29025/2079-6021-2020-4-82-92
- Калинин О. И., Мавлеева Д. В.** Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. Т. 18, № 4. С. 99–109. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109

- Ковальчук О. В.** Метафоричность как определяющая черта дипломатического дискурсивного пространства // Вопросы психолингвистики. 2019. Т. 39. № 1. С. 252–261.
- Лакофф Д., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Мавлеев Р. Р., Фомин А. Г.** Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В. В. Путина в рамках Международного форума «Один пояс – один путь» // Политическая лингвистика. 2017. Т. 66, № 6. С. 112–121.
- Сафонова М. А.** Лингвистические параметры стилистического варьирования в биографическом тексте (на материале англоязычных биографий Уинстона Спенсера Черчилля) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 69–83.
- Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В.** Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. С. 232–258. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-1-00-00
- Boeynaems, A. et al.** The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review. *Metaphor and Symbol*, 2017, vol. 32, no. 2, p. 118–134. DOI 10.1080/10926488.2017.1297623
- Branum, J., Charteris-Black, J.** The Edward Snowden affair: A corpus study of the British press. *Discourse and Communication*, 2015, vol. 9, no. 2, p. 199–220. DOI 10.1177/1750481314568544
- Burgers, C. et al.** Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising. *International Journal of Advertising*, 2015, vol. 34, no. 3, p. 515–532. DOI 10.1080/02650487.2014.996200
- Giora, R. et al.** Weapons of Mass Distraction: Optimal Innovation and Pleasure Ratings. *Metaphor and Symbol*, 2004, vol. 19, no. 2, p. 115–141. DOI 10.1207/s15327868ms1902_2
- Hartman, T. K.** Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality. *Political Communication*, 2012, vol. 29, no. 3, p. 278–298. DOI 10.1080/10584609.2012.694983
- Hoeken, H. et al.** Using Message Form to Stimulate Conversations: The Case of Tropes. *Communication Theory*, 2009, vol. 19, no. 1, p. 49–65. DOI 10.1111/j.1468-2885.2008.01332.x
- Landtsheer, C. De.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: *Metaphor and Discourse*. London, Palgrave Macmillan UK, 2009, p. 59–78.
- Sopory, P.** Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal*. 2006, vol. 71, no. 3, p. 251–272. DOI 10.1080/10417940600846037
- Stee, S van.** Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Communication Studies*, 2018, vol. 69, no. 5, p. 545–566. DOI 10.1080/10510974.2018.1457553
- Thibodeau, P. H., Boroditsky, L.** Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning. *PLoS One*, 2011, vol. 6, no. 2, p. e16782. DOI 10.1371/journal.pone.0016782

References

- Budaev, E. V.** War as a sphere—a source of metaphorical conceptualization of modern Russia in the UK media. In: *Memory of generations: the Great Patriotic War in education, museum space and social networks. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Yekaterinburg, USPU, 2020, p. 8–13. (in Russ.)
- Bogolubov, A. F.** Bring us de iverance, spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic). *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, no. 2, p. 132–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Velikova, L. N.** Anthropomorphism and metaphoricity of the category of time. *Language and culture*, 2014, no. 11, p. 169–172. (in Russ.)

- Kalinin, O. I.** Discursive metaphor of the coronavirus in the PRC media. *Vestnik MGLU. Humanities*, 2020a, no. 8 (837), p. 26–37. (in Russ.)
- Kalinin, O. I.** The correlation between metaphor content and the message persuasive power. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no. 4, p. 82–92 (in Russ.) DOI 10.29025/2079-6021-2020-4-82-92
- Kalinin, O. I., Mavleeva, D. V.** Comparative Analysis of Coronavirus-Related Discursive Metaphors in PRC and ROK Media. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 99–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109
- Kovalchuk, O. V.** Metaphoricity as a defining feature of the diplomatic discursive space. *Current issues of psycholinguistics*, 2019, vol. 39, no. 1, p. 252–261. (in Russ.)
- Lakoff, J., Johnson, M.** *Metaphors That We Live By*. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256 p. (in Russ.)
- Mavleev, R. R., Fomin, A. G.** Political metaphor as an effective means of influence (based on the material of speeches by Chinese President Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin within the framework of the International Forum “One Belt – One Road”). *Political Linguistics*, 2017, vol. 66, no. 6, p. 112–121 (in Russ.)
- Safonova, M. A.** Linguistic parameters of stylistic variation in the biographical text (based on the English-language biographies of Winston Spencer Churchill). *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, p. 69–83. (in Russ.)
- Sun, Yu., Kalinin, O. I., Ignatenko, A. V.** The use of metaphoricity indices for analyzing the speech impact of metaphors in the texts of public speeches of politicians. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, p. 232–258. (in Russ.) DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-1-00-00
- Boeynaems, A. et al.** The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review. *Metaphor and Symbol*, 2017, vol. 32, no. 2, p. 118–134. DOI 10.1080/10926488.2017.1297623
- Branum, J., Charteris-Black, J.** The Edward Snowden affair: A corpus study of the British press. *Discourse and Communication*, 2015, vol. 9, no. 2, p. 199–220. DOI 10.1177/1750481314568544
- Burgers, C. et al.** Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising. *International Journal of Advertising*, 2015, vol. 34, no. 3, p. 515–532. DOI 10.1080/02650487.2014.996200
- Giora, R. et al.** Weapons of Mass Distraction: Optimal Innovation and Pleasure Ratings. *Metaphor and Symbol*, 2004, vol. 19, no. 2, p. 115–141. DOI 10.1207/s15327868ms1902_2
- Hartman, T. K.** Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality. *Political Communication*, 2012, vol. 29, no. 3, p. 278–298. DOI 10.1080/10584609.2012.694983
- Hoeken, H. et al.** Using Message Form to Stimulate Conversations: The Case of Tropes. *Communication Theory*, 2009, vol. 19, no. 1, p. 49–65. DOI 10.1111/j.1468-2885.2008.01332.x
- Landtsheer, C. De.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: *Metaphor and Discourse*. London, Palgrave Macmillan UK, 2009, p. 59–78.
- Sopory, P.** Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal*. 2006, vol. 71, no. 3, p. 251–272. DOI 10.1080/10417940600846037
- Stee, S van.** Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Communication Studies*, 2018, vol. 69, no. 5, p. 545–566. DOI 10.1080/10510974.2018.1457553
- Thibodeau, P. H., Boroditsky, L.** Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning. *PLoS One*, 2011, vol. 6, no. 2, p. e16782. DOI 10.1371/journal.pone.0016782

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
26.03.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Калинин Олег Игоревич, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры (дальневосточных языков) Военного университета Министерства обороны (Москва, Россия), доцент кафедры восточных языков МПГУ (Москва, Россия)

Oleg I. Kalinin, PhD of Philology, Lecturer, Department 40 (Far Eastern Languages), Military University of the Ministry of Defense (Moscow, Russian Federation); Associate Professor, Department of Oriental Languages, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation)

okalinin.lingua@gmail.com

ORCID 0000-0002-1807-8370

Семантика глаголов с приставкой *при-* в художественном тексте Н. В. Гоголя на фоне китайских переводов

Янь Кай, Хуан Юньюй

Университет имени Сунь Ятсена
Гуанчжоу, Китайская Народная Республика

Аннотация

Статья посвящена анализу глаголов с приставкой *при-* в русском оригинальном художественном и в китайском переводном текстах с учетом лингвокогнитивного подхода. Актуальность работы определяется необходимостью преодоления межкультурных барьеров, возникающих вследствие недостаточного сопоставительного анализа русских приставочных глаголов и их китайских эквивалентов по дифференцирующим семантическим признакам. Цель статьи – выявление семантических характеристик словообразовательной приставки *при-*, обуславливающих значение глаголов в русском оригинальном и китайском переводном художественных текстах. Соответственно, задачами статьи являются: 1) представление основных значений приставки *при-* в составе глаголов в выбранном художественном тексте Н. В. Гоголя; 2) рассмотрение основных способов перевода глаголов с приставкой *при-* на китайский язык; 3) выявление культурно-национальной специфики перевода указанной приставки на китайский язык. Материалом работы послужили контексты, содержащие глаголы с приставкой *при-*, из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». В работе используются методы семантического, сопоставительного и лингвокогнитивного анализа. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые 1) проводится сопоставительный, семантический и лингвокогнитивный анализ глаголов с приставкой *при-* в русском оригинальном и китайском переводном художественных текстах; 2) рассматриваются основные способы перевода глаголов с приставкой *при-* с русского языка на китайский; 3) выявляются некоторые основные культурно-национальные особенности перевода данной приставки на китайский язык. Все полученные в ходе анализа данные, на наш взгляд, актуальны для изучения таких разделов науки о языке, как грамматика, словообразование, семантика, и таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, теория и практика перевода.

Ключевые слова

приставка, словообразовательная категоризация, семантический признак, художественный текст, перевод

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта «Повышение исследовательских способностей преподавателей» (2021qntd70) Университета имени Сунь Ятсена (本文系 2021 年中山大学《中青年教师科研能力提升》(2021qntd70) 项目研究成果)

Для цитирования

Янь Кай, Хуан Юньюй. Семантика глаголов с приставкой *при-* в художественном тексте Н. В. Гоголя на фоне китайских переводов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 122–134. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-122-134

Semantics of Verbs with the Prefix *при-* in a Russian Literary Work by N. V. Gogol with Reference to Their Chinese Equivalents

Yan Kai, Huang Yongyu

Sun Yat-sen University
Guangzhou, People's Republic of China

Abstract

The article analyzes verbs with the prefix *при-* in a Russian literary work and its Chinese translation from the linguistic perspective. The relevance of the work is determined by the need to overcome intercultural barriers that arise as a result of insufficient comparative analysis of Russian prefixed verbs and their Chinese equivalents in terms of semantics. The purpose of the article is to identify the semantic characteristics of the word-formation prefix *при-* which determine the meaning of verbs in the Russian literary fiction and its Chinese translation.

To achieve this goal, we have formulated the following objectives: 1) to present the main meanings of the prefix *при-* in the verbs selected from "Revizor" by N. V. Gogol; 2) to find out the main ways of translating the Russian verbs with this prefix the above literary work into Chinese; 3) to identify national and cultural specifics of the translation of the prefix *при-* into the Chinese language.

The sources of materials are contexts, containing verbs with the prefix *при-*, from the comedy "The Inspector General" by N. V. Gogol. The methods used are a comparative, a semantic, and a linguo-cognitive types of analyses.

The novelty of the research is that it is by far the first attempt to: 1) analyze the verbs with the prefix *при-* in the Russian literary work and in the Chinese translated text based on the comparative, semantic, and linguo-cognitive types of analyses; 2) find out the main methods of translating verbs with the prefix *при-* from Russian into Chinese; 3) reveal some national and cultural features of the translation of this prefix into Chinese. In our opinion, the results obtained during the analysis are relevant for the study of such branches of linguistics as grammar, word formation, semantics, as well as cognitive linguistics and theory and practice of translation.

Keywords

prefix, word-formation categorization, semantic feature, literary work, translation

Acknowledgements

The work was supported by the Sun Yat-sen University, China, under Grant № 2021qntd70 "Enhancement of the faculty research competence" (本文系 2021 年中山大学《中青年教师科研能力提升》(2021qntd70) 项目研究成果)

For citation

Yan Kai, Huang Yongyu. Semantics of Verbs with the Prefix *при-* in a Russian Literary Work by N. V. Gogol with Reference to Their Chinese Equivalents. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 122–134. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-122-134

I. Введение

Анализ приставочных глаголов осуществляется чаще всего в русле лексикологии, семантики, словообразования и грамматики русского языка. В лексико-грамматической системе современного русского языка насчитывается около 800 глагольных лексем с приставкой *при-*. В данный список входят «глаголы, возникшие в результате соединения приставки *при-* с мотивирующими глагольными и неглагольными основами, образованные путем префиксации, суффиксации и циркумфиксации, а также глаголы, в которых эта приставка вычленяется лишь этимологически» [Набати, 2017. С. 136]. При этом функционирование в русском языке столь многочисленной группы приставочных глаголов объясняется тем, что эти глаголы являются широко известными, часто употребляемыми обозначениями *действий, процессов, состояний действительности* [Там же] (курсив наш. – Я. К., Х. Ю.). В рамках теории словообразования Г. О. Винокур считает, что одна и та же приставка может участвовать: 1) в выражении многих значений, как близких друг другу, так и омонимичных; 2) в выражении близких, синонимичных, а порой и тождественных значений [Винокур, 1959. С. 3]. В данном случае глагольные приставки являются мощным деривационным средством, связывающим разряд глаголов с классом производных слов [Вараксин, 1996. С. 16].

В настоящей статье была предпринята попытка рассмотреть семантику приставки *при-* и ее сочетаемость с глаголами в процессе словообразования в русском оригинальном художественном тексте на фоне китайских переводов с учетом лингвокогнитивного подхода.

II. Теоретическая база работы

2.1. Когнитивная лингвистика и словообразование

Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских авторов Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джакендоффа и ряда других. Формально в лингвистической историографии возникновение когнитивной лингвистики относят к 1989 г., когда в Дуйсбурге (ФРГ) на научной конференции было объявлено о создании ассоциации когнитивной лингвистики, ставшей, таким образом, «отдельным лингвистическим направлением» (цит. по: [Попова, Стернин, 2007. С. 8]).

Когнитивная лингвистика, согласно В. З. Демьянкову и Е. С. Кубряковой, – это наука, которая изучает «язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации» (цит. по: [Кубрякова и др., 1996. С. 53–55]). В современных российских подходах, то есть в XXI веке, когнитивная лингвистика прямо связывается с речевой деятельностью: она направлена на изучение того, каким образом «язык реализует свою способность служить в качестве важнейшего способа получения, хранения, переработки и передачи информации об окружающем человека мире» [Беляевская, 2013. С. 77]. Другими словами, когнитивная лингвистика сосредоточила свое внимание «на поиске ментальных механизмов, лежащих в основе речевой деятельности человека» [Беляевская, 2017. С. 20–21].

В нынешних лингвокогнитивных исследованиях в центре внимания находятся вопросы изучения смысловой стороны языка, такие как анализ семантической структуры его единиц, способов номинации и семантической деривации. Описание семантики языковых единиц, конструкций и моделей непосредственно связано с проблемами аналитического исследования многообразных фактов концептуализации знания, общих механизмов и конкретных способов его категоризации, изучением особенностей структурирования и функционирования разных видов знания, закодированных в семантике языковых единиц [Евсеева, 2018. С. 19].

Одним из классических способов репрезентации знания посредством языковых единиц является словообразовательная система национального языка того или иного народа. В российской лингвистике словообразование как раздел русского языкознания выделилось в отдельную дисциплину в середине XX века, то есть еще до формального появления когнитивной лингвистики. Большой вклад в разработку проблем словообразования внесли такие исследователи советского периода, как Г. О. Винокур («Заметки по русскому словообразованию»), В. В. Виноградов («Вопросы современного русского словообразования», «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)»), а также В. М. Жирмунский, Е. С. Кубрякова, М. М. Покровский, А. И. Смирницкий, М. Д. Степанова, В. В. Лопатин, Е. А. Земская, А. М. Шахнарович, А. М. Шахматов, Л. В. Щерба и др.

Действительно, словообразование является концентрированным выражением языковой креативности и продуктивности; более того, изучение данного процесса с когнитивной точки зрения, особенно изучение общности словообразовательных процессов в разных языках, способствует углублению нашего понимания сущности языка [Stein, 1973. С. 29]. В. В. Виноградов, отметив особый статус словообразования в кругу лингвистических наук, пишет, что «законы современного русского словообразования тесно связаны как с грамматическими категориями и формами, так и с лексической (словарной) системой русского языка, с его основным словарным фондом и словарным составом в целом в их взаимодействии» [Виноградов, 1975. С. 164].

Что касается системы современного китайского языка, то в основном словообразование китайского языка включается в лексикологию для изучения методов и правил словообразо-

вания. Методы китайского словообразования обычно делятся на шесть типов: чтение переменных, наложение, добавление префиксов, добавление суффиксов, составных слов и сокращений. В более ранних исследованиях словообразование уделяло основное внимание макроанализу и построению систем; ему не хватало глубокого анализа правил словообразования, а также не удавалось распознать тесную взаимосвязь между словообразованием и человеческим познанием. В настоящее время изучение китайского словообразования с точки зрения когнитивной семантики и изучение мотивов словообразования на когнитивном уровне имеет большое практическое значение для выявления глубокой связи между формой и значением, словообразованием и познанием. Словообразование более тесно связано теперь «с формированием и использованием особого рода номинативных единиц, участвующих в общей функции языка – функции отображения и описания действительности в процессе мышления и языкового общения, сохранения и развития внешнего и внутреннего опыта человека» [Искандарова, Мурысов, 2013. С. 83].

Главные задачи анализа словообразовательных единиц в свете лингвокогнитивного подхода состоят в «выделении непосредственно составляющих компонентов слова – производящей основы и словообразовательного форманта, а также в установлении и описании словообразовательных моделей как типичных структур, обладающих обобщенным лексико-семантическим и категориальным значением» [Абросимова, 2015. С. 20]. При этом лингвокогнитивный анализ словообразовательных единиц способствует «выявлению тех видов знаний, на которые ссылается человек при создании деривата, то есть знаний, которые несут в себе важную информацию для носителей данного лингвокультурного сообщества» [Евсеева, 2018. С. 40].

2.2. Словообразовательная категоризация

В современной когнитивной лингвистике значимым является «вопрос, касающийся категоризации знаний с последующей их категоризацией при наличии условий – отнесение определенного предмета или явления к конкретной категории» (цит. по: [Евсеева, 2018. С. 22]). По мнению И. В. Евсеевой, важность его решения предопределена тем, что человек говорящий познает мир через классификацию и категоризацию представляющих мир элементов [Там же. С. 22]. Категоризация, по мнению Н. Н. Болдырева, является одним из фундаментальных когнитивных механизмов, для каждой категории объектов или предметов мира можно определить более или менее репрезентативные члены [Болдырев, 2002. С. 66–67].

В лингвокогнитивном освещении термин «словообразовательная категоризация» может пониматься в двух смыслах: узком и широком. «В узком смысле он связан с обозначением набора словообразовательных типов с единым словообразовательным значением, т. е. со словообразовательной категорией. В широком смысле словообразовательная категоризация – процесс познавательной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта при помощи словообразования. Такая деятельность связана с процессами членения окружающего мира, с упорядочиванием выделяемых объектов в категории при помощи словообразовательных средств» [Абросимова, 2015. С. 12].

По мнению Л. С. Абросимовой, углубленное рассмотрение процессов словообразовательной категоризации обусловлено целым рядом обстоятельств: 1) «потребностью в изучении данных явлений с целью выявления главных признаков системы словообразования как таковой, служащей объективизации структур знания, их хранения и их использования в дискурсивной деятельности; 2) обнаружением существующей диалектической связи между законами логического функционирования языка и законами работы человеческого мышления; 3) возможностью соотнесения языковых форм с различными форматами знания, которые данные формы объективируют, поскольку в языке в сжатой форме присутствует весь набор не только дискурсивных, но и семантических мыслительных операций – кодификационных, декодификационных и интерпретационных» [Абросимова, 2015. С. 24]. С точки зрения исследователя, перечисленные обстоятельства обуславливают необходимость «перестройки

методологии изучения словообразования с опорой на когнитивный подход, который призван расширить наши знания и взгляды на процессы словотворчества, включая многоаспектный человеческий фактор» [Абросимова, 2015. С. 24].

III. Практическая часть

3.1. Основные семантические признаки глаголов с приставкой *при-* в «Ревизоре» Н. В. Гоголя

Одним из способов языковой категоризации знаний о действительности являются различные соединения языковых знаков, в том числе глаголы с различными приставками. Соответственно, одной из главных задач данной работы является выявление семантических характеристик словообразовательной приставки *при-*, обуславливающих значение глаголов в русском оригинальном и китайском переводном художественных текстах. При этом очень важно принять во внимание положение М. М. Бахтина, которое имеет прямое отношение к речевой деятельности. Он пишет, что «вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же; чтобы воздействовать на личности, она должна раскрыть свой смысловой потенциал, стать словом, то есть приобщиться к возможному словесно-смысловому контексту» [Бахтин, 1979. С. 366]. По его мнению, все воздействующие на человека виды деятельности переводятся «в смысловой контекст его поступков, мыслей и переживаний: или это прямо слова, или события и обстоятельства, переведенные на язык осмысливающего потенциального слова» [Там же. С. 366]. Если язык является ключом к пониманию природы говорящих, то слова являются важным способом понять их (т. е. говорящих) сущность. В настоящей работе была предпринята попытка проследить эту связь на примере анализа глаголов с приставкой *при-* в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на фоне китайских переводов.

В комедии было выявлено **89** контекстов, в которых содержатся глаголы с приставкой *при-*; они были проанализированы и классифицированы по следующим семантико-тематическим группам.

В первую группу вошли те глаголы с приставкой *при-*, которые обозначают ‘приближение, движение до определенного места, до цели’. Для передачи указанного значения в комедии Н. В. Гоголя используются следующие глаголы (формы совершенного и несовершенного вида различаются, что существенно для их перевода на китайский): *прийти, приходиться, приехать, приезжать, привести, приводить, привозить, принести, приносить, прислать, придвигаться, прибежать, прибегать*.

Например:

1) Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, *приехать* домой в карете, подкатить таким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею.

2) «Что, Авдотья, ты слышала, там *приехал* кто-то? ...Не слышала?»

Во второй группе относятся глаголы с приставкой *при-*, которые имеют значение ‘достигнуть определенного места, приблизить или присоединить что-л. к чему-л. с помощью действия, названного мотивирующим словом’. Для передачи указанного значения в выбранном художественном тексте Н. В. Гоголя используются следующие глаголы: *прикинуться, придавить, прижать, притиснуть, прилести, приставать, припадать, присыкнуться, привалить, прибавить*.

Например:

1) Голос Бобчинского: «Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!» Голос Земляники: «Отпустите, господа, хоть душу на покаяние – совсем *прижали!*»

2) Городничий (в сторону): «Славно завязал узелок! Врет, врет – и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы *придавил* его».

В третьей группе контекстов содержатся глаголы с приставкой *при-*, которые имеют значение ‘действие, совершающееся не в полном объеме’. Для передачи указанного значения в выбранном художественном тексте Н. В. Гоголя используются следующие глаголы: *при-*

помнить, пришепetyвать, попридержатъ, прислушиваться, приподыматься, придерживать, прихлопывать, прилгнуть, прибрать.

Например:

1) Так точно-с. (Встает, вытягивается и *придерживает* шпагу.) Не смея доле беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

2) Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы *пришепetyваете*; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом...

Таким образом, при анализе контекстов с приставочными глаголами в «Ревизоре» Н. В. Гоголя можно выявить следующие основные семантические признаки приставки *при-*: 1) *приближение*; 2) *присоединение*; 3) *неполнота действия*.

3.2. Особенности передачи семантики глаголов с приставкой *при-* в китайском переводе

Данный раздел статьи посвящен анализу особенностей перевода глаголов с приставкой *при-* из комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя на китайский язык с целью выявить, может ли китайский перевод точно передать значение глагольной приставки и каким образом это осуществляется. Существуют 9 китайских переводов русской комедии «Ревизор», а именно: Хэ Цимин [1921], Фанг Синь [1950], Хуан Цзяньчжун [1981], Дэн Кэ [1984], Ман Тао [1990], Ван Янь [2001], Цзинь Лючунь [2004], Цзан Чжунлунь и Ху Минся [2005], Гэн Цзичжи [2006]. Список показывает, что в начале XXI в. в Китае наблюдался всплеск интереса к пьесе Гоголя. Для сравнительного исследования нами были выбран самый популярный на данный момент вариант перевода Гэн Цзичжи; всего в нем было найдено 89 контекстов с интересующей нас приставкой.

В первую группу контекстов вошли примеры, в которых значения глаголов в китайском переводном тексте полностью совпадают со значениями глаголов с приставкой *при-* в русском оригинальном тексте (ИТ). Например:

1) Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не *притиснули* кое-кого.

кит. перевод: 大家连忙跑出门去,互相推搡,努力挤出门外,不免压撞着什么,传出低微的呼喊。

В данном контексте русский глагол *притиснуть* переводится на китайский язык с помощью конструкции с двойным глаголом 压撞 со значением 'давить и столкнуться'. В современном китайском языке существует модифицированное составное слово (偏正式复合词), которое включает в себя модификатор (修饰语) и определяемое слово (中心语). При этом составное слово 压撞 относится к глагольному модифицированному составному слову. Юй Синьлин выделил пять видов семантических отношений внутри китайского глагольного модифицированного составного слова. Модификаторы указывают на способ, инструмент (орудие), модальность, степень и результат действия определяемого слова [Юй Синьлин, 2007]. В структуре составного слова 压撞 модификатор 压 указывает на способ выполнения действия, обозначенного определяемым словом 撞; иными словами, информация «объект находится под давлением сверху вниз» получена при помощи модификатора 压. По данным русско-китайского словаря, глагол *притиснуть* переводится как 压住、挤住 (букв.: 'придавить').

В русском языке глагол *притиснуть* имеет значение 'сильно придавить, прижать'. Приставка *при-* в этом слове имеет значение 'достигнуть определенного места, приблизить или присоединить что-л. к чему-л. с помощью действия, названного мотивирующим словом'¹.

¹ Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/>.

Следовательно, в данном случае можно выделить такой семантический признак приставки *при-*, как *присоединение*.

В китайском языке глагол 碰撞 обозначает ‘удар или давление’. При этом слово 压 имеет значение ‘давить кого-что, давление на кого-что’². Слово 撞 определяется как ‘столкнуться с кем-чем; натолкнуться, наскочить на кого-что; ударить кого-что, во что, по чему’³. Соответственно, в данном переводе сохраняются значения приставки *при-*, характерные для русского языка, а также для идиостиля Гоголя, и выделяется тот же семантический признак рассматриваемой приставки.

2) Конечно, *прилгнул* немного; да ведь не *прилгнувши* не говорится никакая речь.

кит. перевод: 他自然有点撒谎, 但是不撒谎是说不成话来的。

В данном контексте русский глагол *прилгнуть* переводится на китайский язык с помощью обстоятельства 有点撒谎, имеющего значение ‘говорить правду и неправду’. По данным русско-китайского словаря, глагол *прилгнуть* переводится как 添枝加叶地说, 夹杂着谎话说 (букв.: ‘приврать’).

В русском языке глагол *прилгнуть* обозначает ‘рассказывая, прибавить выдумок, лжи’. Приставка *при-* в этом слове имеет значение ‘неполная, слабая мера действия’⁴. Соответственно, в данном случае можно выделить такой семантический признак рассматриваемой приставки, как *неполнота действия*.

В китайском языке словосочетание 有点撒谎 обозначает ‘говорить правду не в полной мере’. При этом слово 撒谎 имеет значение ‘лгать, врать’⁵. обстоятельство 有点 может пониматься как ‘немного, несколько, чуть-чуть’⁶. Соответственно, в данном переводе сохраняются значения приставки *при-*, характерные для русского языка, и выделяется тот же семантический признак рассматриваемой приставки.

Во вторую группу контекстов вошли примеры, в которых значения глаголов с приставкой *при-* в русском оригинальном тексте частично совпадают со значениями глаголов в китайском переводном тексте. Например:

1) Там зачем-то городничий *приехал*, осведомляется и спрашивает о вас.

кит. перевод: 不知为什么事情跑来, 在那里问您, 还打听您。

В данном контексте русский глагол *приехать* переводится на китайский язык с помощью слова 跑来, имеющего значение ‘прибежать’. По данным русско-китайского словаря, глагол *приехать* переводится как 到, 到达 (букв.: ‘прибыть’).

В русском языке глагол *приехать* определяется как ‘прибыть, передвигаясь на чем-нибудь’. Приставка *при-* в этом слове имеет значение ‘доведение действия до конечной цели’⁷. Соответственно, в данном случае можно выделить такой семантический признак рассматриваемой приставки, как *приближение*.

В китайском языке словосочетание 跑来 обозначает ‘прибежать’. При этом слово 跑 имеет значение ‘бежать’⁸. Лексема 来 может использоваться как глагол и как суффикс глагола. Здесь лексема 来 используется как глагольный суффикс, указывающий на направление

² Китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/>.

³ Там же.

⁴ Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

⁵ Китайско-русский словарь.

⁶ Там же.

⁷ Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

⁸ Китайско-русский словарь.

действия к говорящему. Лексема 来, выступающая в качестве самостоятельного глагольного дополнения, может пониматься как ‘прийти, приехать, прибыть’⁹. Так, в переводном тексте частично сохраняется значение русского слова *приехать*, то есть направление движения выражается, а способ передвижения игнорируется. При этом выделяется тот же семантический признак рассматриваемой приставки.

2) (*Приподымается* со стула, вытянувшись и руки по швам.) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

кит. перевод: (从椅上立起。挺直身体,手垂放在裤缝上面)我不敢再惊吵您。有没有什么命令?

В данном контексте русский глагол *приподыматься* переводится на китайский язык с помощью слова 立起, имеющего значение ‘стоять’. По данным русско-китайского словаря, глагол *приподыматься* переводится как (身体)稍微抬起(提起)一些来,稍稍升高一点 (букв.: ‘привстать’).

В русском языке глагол *приподыматься* толкуется как ‘слегка подняться’. Приставка *при-* в этом слове имеет значение ‘неполная, слабая мера действия’¹⁰. Соответственно, в данном случае можно выделить такой семантический признак рассматриваемой приставки, как *неполнота действия*.

В китайском языке словосочетание 立起 обозначает ‘привстать, полупоклон’. При этом слово 立 имеет значение ‘стоять, останавливаться’¹¹. Лексема 起, употребленная в функции дополнения, может пониматься как ‘подняться (оторваться от поверхности)’¹². Так, в переводном тексте значение русского слова *приподыматься* частично сохраняется, то есть значение корня глагола выражается, а значение приставки *при-* никак не передается.

В третью группу контекстов вошли примеры, в которых значения глаголов с приставкой *при-* в русском ИТ не совпадают со значениями глаголов в китайском ПТ. Например:

1) К твоей милости *прибегаем*. Прикажи, государь, просьбу принять.

кит. перевод: 我们有事求见。请您收下我们的状子。

В данном контексте русский глагол *прибегать* переводится на китайский язык с помощью слова 求见, имеющего значение ‘просить о приеме’. По данным русско-китайского словаря, глагол *прибегать* переводится как 跑来,跑到 (букв. *перев.*: ‘бегом достигать какого-л. места’).

В русском языке глагол *прибегать* имеет значение ‘достигнуть какого-нибудь места бегом’¹³. В данном контексте слово употреблено в другом значении, ставшем переносным, поскольку значение корня в нем полностью переосмыслилось, а словарное значение приставки сильно ослаблено: *прибегать* как ‘обращаться к кому-либо / чему-либо’. Приставка *при-* в этом слове обозначает ‘доведение действия до конечной цели’¹⁴. Соответственно, в данном случае можно выделить такой семантический признак рассматриваемой приставки, как *приближение*.

В китайском языке словосочетание 求见 обозначает ‘просить о приеме’. Выбор этого эквивалента мотивируется в значительной степени формой настоящего времени глагола в ИТ.

⁹ Китайско-русский словарь.

¹⁰ Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

¹¹ Китайско-русский словарь.

¹² Там же.

¹³ Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

¹⁴ Там же.

Она получает значение ‘вынуждены обратиться’. При этом лексема 求 имеет значение ‘просить, умолять’¹⁵. Слово 见 может пониматься как ‘видеть, обладать зрением’¹⁶. В данном случае переводчик пытается сохранить исходный смысл ИТ (‘обращаться к кому-либо с просьбой’ – ‘просить о приеме’), но прибегает к замене, и поэтому семантический признак приставки здесь выражен не прямо.

2) А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как *прижал*?

кит. перевод: 我认为, 将军还够不上他的脚跟。即使是将军, 总是上将。你听见没有, 国务委员会全怕他?

В данном контексте русский глагол *прижать* переводится на китайский язык с помощью слова 怕, имеющего значение ‘бояться’. По данным русско-китайского словаря, глагол *прижать* переводится как 挤住; 压住; 使贴紧 (букв.: ‘крепко сжать, прищемить’).

В русском языке глагол *прижать* имеет значение ‘прислонить, придавить к чему-н.’¹⁷. При этом в данном контексте глагол употреблен в переносном значении, не теряющем, однако, семантической связи с прямым значением (в отличие, например, от глагола *притеснять*): ‘заставить кого-то бояться себя, притеснить, оказать давление на кого-то, обидеть’. Прижать означает в этом примере ‘ограничить свободу действий, как бы оказав физическое воздействие’. Приставка *при-* в этом слове действительно обозначает ‘направленное воздействие на предмет сверху вниз’¹⁸. Соответственно, в данном употреблении можно выделить такой семантический признак рассматриваемой приставки, как *присоединение*.

В китайском языке употребленное переводчиком словосочетание 怕 обозначает ‘бояться, беспокоиться’¹⁹. Переводчик опять-таки пытается сохранить исходный смысл высказывания в ИТ, включая сему ‘страх’, которая почти обязательно появляется в ситуации, когда действие, выраженное глаголом, обращено на одушевленное лицо, но в переводе эта сема выходит на первый план, тогда как семантический признак приставки здесь выражается не в полной мере и становится периферийным. Такое решение не только не искажает, но, наоборот, передает самую суть предложения: государственный совет ЕГО боится. Отнести данное решение переводчика к вольным приемам перевода нельзя, поскольку такое значение описано в толковых словарях русского языка и имеет словарные соответствия в двуязычных.

Ситуация, при которой китайские иероглифы, выбранные в переводе текста на китайский язык, могут передать смысл русского приставочного глагола в полной мере и отразить значение не только корня, но и приставки, обозначена как ситуация «полного совпадения» (полная симметрия семантических структур единиц в ИТ и ПТ, которой соответствует наличие полных и константных словарных соответствий). Анализ материала показал, что используются следующие способы перевода русских глаголов с приставкой *при-* на китайский язык.

Способ первый: использование китайских глаголов или глагольных сочетаний (обозначены подчеркиванием), по значению сходных с русскими глаголами с приставкой *при-*.

1) (кричит в окно). Пошли, пошли! Не время, завтра *приходите!*

кит. перевод: (向窗外喊) 去吧, 去吧! 没有工夫, 明天再来!

2) «Все (*пристают* к нему.) Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении...»

¹⁵ Китайско-русский словарь.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Китайско-русский словарь.

кит. перевод: 众人 (和他**纠缠**) 您不但会谈狗, 还会谈天翻地覆的情景.....。

Способ второй: использование грамматической конструкции с дополнением.

1) «Ступай на улицу... или нет, стой! Ступай принеси...»

кит. перевод: 你到街上去吧.....不行, 你等一等! 你去吧, 你去**取来**.....

2) «Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается* ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)

кит. перевод: 我可以说的是我不惜一切, 勤奋地执行职务。(把椅子**挪近些**, 低声说)

Способ третий: использование грамматической конструкции с обстоятельством.

1) «Конечно, прилгнул немного; да ведь не *прилгнувши* не говорится никакая речь»

кит. перевод: 他自然**有点撒谎**, 但是不撒谎是说不成话来的。

2) «(*прихлопывает* в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле). Несут! несут! несут!»

кит. перевод: (拍掌, 在椅子上**微跳**) 端来了! 端来了! 端来了!

Проанализировав глаголы с приставкой *при-* в оригинальном тексте и его переводе, можно сделать вывод о том, что в китайском языке значения русской глагольной приставки *при-* могут передаваться с помощью: 1) дополнений; 2) обстоятельств; 3) словосочетаний, сходных по смыслу с первоисточником. Среди этих способов наиболее распространенным является использование грамматической конструкции с дополнением.

В ходе исследования в тексте перевода были выделены семантические признаки китайских эквивалентов приставки *при-* и сопоставлены с семантическими признаками этой приставки в исходном тексте Гоголя (см. таблицу).

Способы выражения семантических признаков приставки *при-*
в китайской версии «Ревизора»
Ways of expressing semantic features of the prefix *при-*
in Chinese version of “Revizor”²⁰

Семантический признак приставки <i>при-</i>	Китайский эквивалент	Семантический признак китайского эквивалента
Приближение	1) китайские глаголы со значением ‘достижение’ “给” 2) при помощи дополнения со значением направления “取来” 3) при помощи дополнения со значением результата “挪近”	перемещение субъекта или объекта
Присоединение	китайские глаголы со значением ‘сжатие, уплотнение’ “压撞”“掐”	поверхностный контакт между двумя объектами
Неполнота действия	1) китайские глаголы с значением ‘не в полном объеме’ “偷听” 2) при помощи обстоятельства “维持一下”	неполнота действия (в плане его масштаба и продолжительности)

Исходный и переводной тексты написаны на двух разных языках с совершенно различным грамматическим строем. В процессе перевода переводчик действительно тщательно погружается в изображенные Н. В. Гоголем сцены и психологию персонажей, чтобы найти точные слова для перевода. В силу того, что все люди так или иначе испытывают на себе

²⁰ В переводах на английский язык *The Government Inspector* или *The Inspector General*.

воздействие социальной и культурной среды, у каждого переводчика может быть своя концепция перевода, которой он придерживается. Таким образом, выбор лексики для перевода отражает языковую индивидуальность и картину мира переводчика и во многом зависит от национальной культуры и окружающей его социальной среды. Это заметно даже на нашем специфическом грамматическом материале, ограниченном семантикой русских префиксальных глаголов. Например, при переводе словосочетания *приподымается со стула* переводчик выбрал именно китайский иероглиф 立, отражающий языковые привычки шанхайцев. По данным русско-китайского словаря, глагол *приподыматься* обычно переводится как 站起来, 抬起来, 欠身, 升起, 提起. На перевод повлиял местный диалект, на котором 站 обозначается как 立, например 罚站 (букв.: 'стоять в наказание') обозначается иероглифами 立壁角. Из приведенного примера можно сделать следующий вывод: выбор лексики для перевода отражает языковую личность переводчика. Обращение к разным способам передачи значений приставки *при-* в китайском языке показало, что культурно-национальные особенности мировосприятия и языковая личность говорящего проявляются в толковании мира писателем и переводчиком.

IV. Заключение

Одним из способов языковой категоризации знаний о действительности являются различные соединения языковых единиц, в том числе приставки *при-* с различными глаголами. Анализ словообразовательных значений языковых единиц в свете лингвокогнитивного подхода позволяет предпринимать новые попытки выявления словообразовательной категоризации глагольной приставки *при-* в художественном тексте в сопоставлении с китайскими переводами.

В результате анализа контекстов с глаголами с приставкой *при-* в художественном тексте Н. В. Гоголя были выявлены следующие семантические признаки указанной приставки: *приближение, присоединение, неполнота действия*. Кроме того, были обнаружены особенности перевода русских глаголов с приставкой *при-* на китайский язык и обобщены способы передачи значений русской глагольной приставки *при-*, используемые в процессе перевода. Исследование словообразовательной категоризации глагольных приставок и их концептуального содержания помогает не только более точно переводить глаголы с приставками в художественных текстах, но и узнавать особенности миропонимания носителей данного языка и культуры.

Отметим, что обнаружение культурно-национальных особенностей миропонимания носителей русской и китайской культур путем анализа русских приставочных глаголов и их переводов на китайский язык в свете лингвокогнитивистики ранее не предпринималось. Перспективой такого подхода представляется исследование не только единиц различных языков, но и общих процессов категоризации и концептуализации, происходящих в языковом сознании человека говорящего.

Список литературы

- Абросимова Л. С. Словообразование в языковой категоризации мира. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2015. 328 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Беляевская Е. Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 76–83.
- Болдырев Н. Н. Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2002. 123 с.
- Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1996. 177 с.

- Виноградов В. В.** Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 371 с.
- Винокур Г. О.** Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–442.
- Евсеева И. В.** Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход. М.: Либроком, 2018. 312 с.
- Искандарова Г. Р., Мурясов Р. З.** Функционализм в науке о языке и в словообразовании // Вестник Башкирского ун-та. 2013. № 1. С. 82–85.
- Кубрякова Е. С.** Роль словообразования в формировании картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картины мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрай Ю. Г., Лузина Л. Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
- Набати Ш.** Семантика глаголов с приставкой *при-*, выражающих «некоторое количество действия» в русском языке в сопоставлении с их эквивалентами в персидском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 4. С. 136–141.
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
- Stein, G.** English word-formation over two Centuries. In honour of Hans Marchand on the occasion of his sixty-fifth birthday. Tübingen, Narro, 1973, 356 p.
- 于信玲. 从中心语看汉语偏正复合词 / 于信玲 // 宜春学院学报. Юй Синьлин. 2007. № 29. С. 147–148.

Список источников

- 俄国戏曲集/郑振铎主编; 贺启明译. 北京: 商务印书馆, 1921. (Собрание русской оперы. Пекин, 1921. 205 с.).
- 果戈理与<钦差大臣>, 王艳译. 北京: 中国少年儿童出版社, 2001. (Гоголь и «Ревизор». Пекин, 2001. 143 с.).
- 钦差大臣, 芳信译. 上海: 海燕书店, 1950. (Ревизор. Шанхай, 1950. 148 с.).
- 钦差大臣, 黄建中改编. 湖北: 湖北人民出版社, 1981. (Ревизор. Хубэй, 1981. 174 с.).
- 钦差大臣, 邓柯译. 天津: 天津人民美术出版社, 1984. (Ревизор. Тяньцзинь, 1984. 173 с.).
- 钦差大臣, 满涛译. 北京: 人民文学出版社, 1990. (Ревизор. Пекин, 1990. 128 с.).
- 钦差大臣, 金留春译. 上海: 上海译文出版社, 2004. (Ревизор. Шанхай, 2004. 181 с.).
- 钦差大臣, 臧仲伦、胡明霞译. 江苏: 译林出版社, 2005. (Ревизор. Цзянсу, 2005. 498 с.).
- 钦差大臣, 耿济之译. 湖北: 长江文艺出版社, 2006. (Ревизор. Хубэй, 2006. 238 с.).

References

- Abrosimova, L. S.** Word formation in the linguistic categorization of the world. Rostov-on-Don, Publisher of Southern Federal University, 2015, 328 p. (in Russ.)
- Bakhtin, M. M.** Aesthetics of verbal creativity. Moscow, Art, 1979, 424 p.
- Belyaevskaya E. G.** Cognitive Linguistics and Foreign Language Teaching. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University*, 2013, vol. 5, no. 32, p. 76–83. (in Russ.)
- Boldyrev, N.N.** Course of lectures in English philology. Tambov, Publisher of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2002, 123 p.
- Evseeva, I. V.** Complex Units of Russian Word Formation: Cognitive Approach. Moscow, Librokom, 2018, 312 p. (in Russ.)
- Iskandarova, G. R., Murjasov, R. Z.** Functionalism in the science of language and in word formation. *Bulletin of the Bashkir University*, 2013, no. 1, p. 82–85. (in Russ.)
- Kubryakova, E. S.** The role of word formation in the formation of a picture of the world. In: *Language and pictures of the world. The role of the human factor in the language.* Moscow, Science, 1988, p. 141–172. (in Russ.)

- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankran, Yu. G., Luzina, L. G.** A Concise Dictionary of Cognitive Terms. Moscow, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, 1996, 245 p. (in Russ.)
- Nabati, S.** Semantics of verbs with a prefix expressing “a certain amount of action” in Russian in comparison with their equivalents in Persian. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2017, no. 4, p. 136–141.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A.** Cognitive linguistics. Moscow, AST “East-West”, 2007, 314 p. (in Russ.)
- Varaksin, L. A.** Semantic aspect of Russian verbal prefixation. Yekaterinburg, Publisher of Ural University, 1996, 177 p. (in Russ.)
- Vinogradov, V. V.** Word formation in its relation to grammar and lexicology. Moscow, Science, 1975, 371 p. (in Russ.)
- Vinokur, G. O.** Notes on Russian word formation. Moscow, Uchpedgiz, 1959, p. 419–442. (in Russ.)
- Stein, G.** English word-formation over two Centuries. In honour of Hans Marchand on the occasion of his sixty-fifth birthday. Tübingen, Narro, 1973, 356 p.
- Yu Xinling.** Analysis of Chinese modified compound word from the Headword. *Journal of Yichun University*, 2007, no. 29, p.147–148. (in Chin.)

List of Sources

- Sobraniye russkoy opery (Editor-in-Chief Zheng Zhenduo; Translated by He Qiming). Beijing, The Commercial Press, 1921, 205 p.
- Revizor (Fangxin, Trans.). Shanghai, Haiyan Bookstore, 1950, 148 p.
- Revizor (Adapted by Huang Jianzhong). Hubei, Hubei People's Publishing House, 1981, 174 p.
- Revizor (Deng Ke, Trans.). Tianjin, Tianjin People's Fine Arts Publishing House, 1984, 173 p.
- Revizor (Man Tao, Trans.). Beijing, People's Literature Publishing House, 1990, 128 p.
- Gogol' i “Revizor” (Wang Yan, Trans.). Beijing, Китайское детское издательство, 2001, 143 p.
- Revizor (Jin Liuchun, Trans.). Shanghai, Shanghai Translation Publishing House, 2004, 181 p.
- Revizor (Zang Zhonglun & Hu Mingxia, Trans.). Jiangsu, Yilin Publishing House, 2005, 498 p.
- Revizor (Geng Jizhi, Trans.). Hubei, Changjiang Literature and Art Publishing House, 2006, 238 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
16.03.2021

Сведения об авторах / Information about the Authors

Янь Кай, кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Университета имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, КНР)

Yan Kai, PhD, AP, Sun Yat-sen University (Guangzhou, P. R. China)

Ky_710@mail.ru

Хуан Юной, магистр теоретической и прикладной лингвистики Университета имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, КНР)

Huang Yongyu, MA, Sun Yat-sen University (Guangzhou, P. R. China)

326791507@qq.com

УДК 80

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-135-147

К проблеме корректности употребления термина «литература на алхамиадо»

О. В. Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Понятие «литература на алхамиадо» одними учеными трактуется очень широко, другими – очень узко. В строгом смысле под «литературой на алхамиадо» понимают литературу на романсе в арабской графике. Такая литература в средневековой Испании создавалась морисками (испанскими криптомусульманами) после Реконкисты и до изгнания (1609–1614 гг.), т. е. преимущественно в XVI в.

В широком смысле понятие «литература на алхамиадо» распространяется на литературу испанских мусульман вообще, созданную как в арабской, так и в латинской графике. Таким образом, речь идет уже не только о литературе морисков, написанной до изгнания с территории Перинейского полуострова, но и о той, которую они продолжали развивать после этого события, но уже в латинской графике. Это понятие предположительно охватывает еще и литературу мудехаров (испанских мусульман до Реконкисты), создававшуюся также в латинской графике. При таком подходе к дефинированию понятия временные рамки этого литературно-исторического явления охватывают период с сер. XV до кон. XVII вв.

При бесспорно верном включении в такую классификацию литературы как мудехаров, так и морисков (иначе говоря, всей литературы испанских мусульман, проживавших за пределами аль-Андалуса) вызывает сомнение правомерность использования понятия «литература на алхамиадо» или «литература на алхамиадо морисков» для описания всех изложенных явлений.

Задача данной работы состоит в том, чтобы показать сущность этого противоречия и причины его возникновения в рамках испано-арабского культурно-исторического контекста и предложить более точное и адекватное определение понятия «литература на алхамиадо» и его объема, а также связанных с ним понятий.

Ключевые слова

литература на алхамиадо, алхамиадо, алхамия, мосарабы, мудехары, мориски

Для цитирования

Тихонова О. В. К проблеме корректности употребления термина «литература на алхамиадо» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 135–147. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-135-147

Aljamiado Literature: The Problem of Definition

Oxana V. Tikhonova

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The scope of the term “aljamiado literature” is still open to discussion because it is defined differently by scholars in Russia and beyond. In the ‘strict’ literal meaning, the term “aljamiado literature” covers the literature in Spanish written in Arabic script. Its texts were mostly created by the Moriscos (or crypto-Muslims for Spanish people) after the Reconquista and before their expulsion (1609–1614), i. e. mainly during the 16th century.

In a broader sense, “aljamiado literature” is defined as the literature of Spanish Muslims in general, and in this case it is meant to include both Arabic and Latin scripts. And it refers therefore not only to the literature of the Moriscos

© О. В. Тихонова, 2021

before their expulsion, but also relates to that written after their expulsion in Latin script, as well as to the texts produced, also in Latin script, by the Spanish Muslims before the Reconquista known in literary culture as Mudéjars. This broader definition covers the period from the mid-15th century until late 17th century.

Sure, using the term “aljamiado literature” to denote the texts of both the Mudéjars and the Moriscos, i. e. all the texts of Spanish Muslims that had to live outside Al-Andalus, is absolutely correct, but at the same time this raises doubts about whether we may employ the terms “aljamiado literature” or “aljamiado literature of the Moriscos” for describing all the phenomena mentioned above.

In this article, taking into account relevant cultural and historical circumstances which shaped this literary phenomenon and related concepts we have described in detail this contradictory usage of the term “aljamiado literature” and suggested a more adequate definition of its scope.

Keywords

aljamiado literature, aljamiado, Aljamia, Mozarabs, Mudéjars, Moriscos

For citation

Tikhonova, Oxana V. Aljamiado Literature: The Problem of Definition. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 135–147. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-135-147

...взял я у мальчика одну из тетрадей, которые он продавал, и по начертанию букв догадался, что это арабские буквы. Но догадаться-то я догадался, а прочесть не сумел, и вот стал я поглядывать, не идет ли мимо какой-нибудь мориск [алхамиадо. – *О. Т.*], который мог бы мне это прочесть, – кстати сказать, в Толедо такого рода переводчики попадаются на каждом шагу...

M. de Сервантес Сааведра
Дон Кихот, ч. 1, гл. 9¹

Понятие «литература на алхамиадо»

Понятие *литература на алхамиадо* одними ученым трактуется очень широко, другими – очень строго. В **строгом смысле** под *литературой на алхамиадо* понимают литературу на испанском языке в арабской графике. Эта литература создавалась испанскими мусульманами – преимущественно *морисками* – в XV–XVI вв. *Морисками* (исп. *moriscos*) испанцы называли мусульман, которые по окончании Реконквисты были крещены и остались жить в Испании². Необходимо, однако, уточнить, что хотя речь идет о мусульманах, принявших христианство, в тайне они все-таки продолжали исповедовать ислам, иначе говоря, оставались криптомусульманами.

Неизвестно, кто и когда первым обратился к арабской вязи для записи романсе, однако к XV в. мусульмане стали записывать свои тексты именно так³ [Bernabé Pons, 1992. P. 13]. Несомненно, однако, что для морисков арабская графика была знаком религиозной (и культурной) идентичности, как еврейская графика у сефардов⁴.

В **широком смысле** под термином *литература на алхамиадо* понимают литературу испанских мусульман (как морисков, так и *мудехаров*⁵) на испанском языке как в арабской графике, так и в латинской [Bernabé Pons, 1992. P. 19–20]. Ее временные рамки шире: XV –

¹ Перевод Н. Любимова, цит. по: [Сервантес Сааведра, 1988]. При переводе Любимов опустил слово *aljamiado*: «...tomé un cartapacio de los que el muchacho vendía, y vile con caracteres que conocí ser arábigos. Y, puesto que, aunque los conocía, no los sabía leer, anduve mirando si parecía por allí algún morisco **aljamiado** que los leyese, y no fue muy dificultoso hallar intérprete semejante» [Cervantes Saavedra, 1832. P. 75].

² DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения 01.12.2020).

³ А. Монтанер Фруто предполагает, что первыми арабскую вязь для записи текста на испанском стали использовать грамотные мудехары, получившие образование на арабском [Montaner Frutos, 2014. P. 46].

⁴ Так в рукописях сефардов испанский текст был записан в древнееврейской графике, как, например, в Феррарской Библии.

⁵ Мудехарами (исп. *mudéjar*) испанцы называли мусульман, «которым было разрешено за уплату налога оставаться жить среди победивших христиан, не меняя религии» [DLE: mudéjar].

кон. XVII в. Для обозначения этой литературы в испанской научной среде также распространен термин *литература морисков на алхамиадо* (исп. *literatura aljamiado-morisca*) [Montaner Frutos, 2014. P. 45–56].

Дело в том, что такое различие толкований обусловлено неодинаковым пониманием семантического объема терминов *алхамиадо* и *алхамия*. **Строго лингвистическое толкование** понятия *литература на алхамиадо* испаноцентрично и основывается на производном значении слова *алхамиадо* (оно значит *написанный на алхамия* от исп. *escrito en aljamía*)⁶, при этом само исходное слово *алхамия* определяется как «текст морисков на романсе в арабской графике» (исп. сущ. *texto morisco en romance, pero transcrito con caracteres árabes*)⁷.

Широкое и несколько вольное толкование термина *литература на алхамиадо* основывается на мусульманцентричном толковании объема того же самого слова *алхамия*, которое испанскими мусульманами понимается как «язык испанских христиан», то есть *lengua de los cristianos peninsulares entre los antiguos musulmanes habitantes de España*⁸. Именно этим словом мусульмане-завоеватели изначально называли язык коренного христианского населения Пиренейского полуострова (исп. *aljamía* < араб.-исп. *al'aġamiyya* < кл. араб. *a'ġamiyyah* 'иностранный, неарабский')⁹ – *мосарабов*¹⁰ – для того, чтобы формально противопоставить его арабскому языку, на котором говорили они сами (араб.-исп. *al-'arabīyah* 'арабский'), и тем самым подчеркнуть свой культурный статус.

После Реконксты, когда испанские мусульмане (*мудехары* и *мориски*) стали постепенно утрачивать знание арабского, они сами начали говорить на испанском, или на *алхамии*, правда, с большим количеством арабизмов [Montaner Frutos, 2014. P. 45].

Что касается испанских христиан, то они, в свою очередь, стали называть мусульман, говорящих на *алхамии* и проживавших в закрытых мусульманских кварталах (точнее, *альхаммах* от исп. *aljamā*), *алхамиадо*, т. е. «тот, кто говорил на алхамия» (исп. *que hablaba la aljamía*)¹¹. Именно оно использовано в эпиграфе этой статьи, в переводе из «Дон Кихота»¹².

Алхамиадо морисков и алхамиадо мосарабов: историко-культурный контекст

Исторически необходимо различать, как показал Воевуцкий, «два алхамиадо». «Первый – *мосарабский* алхамиадо, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников (литература в это время создавалась на латинском языке), так что ранний (X–XIII вв.) этап истории испанского языка задокументирован плохо. Единствен-

⁶ DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения 01.12.2020).

⁷ Ibid.

⁸ DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения 01.12.2020).

⁹ Ibid.

¹⁰ *Мосарабаму* (исп. *mozárabe* < араб.-исп. *musta'rabī* < от кл. араб. *musta'rab* 'арабизированный') мусульмане-завоеватели называли «испанское население, облагавшееся налогом согласно мусульманскому праву и проживавшее в мусульманской Испании до конца XI в., сохраняя христианскую религию, церковь и судопроизводство» [DLE: *mozárabe*].

¹¹ См. DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 01.12.2020), *aljamiado*, первое словарное значение.

¹² Отсылка к имени писателя вовсе не случайна. М. де Сервантес, переживший тяжелый плен мавританских пиратов, связывает повествование о Дон Кихоте с образом вымышленного арабского историка Сида Ахмеда бен Инхали (ч. 1, с. 21): «История Дон-Кихота Ламанчского, написанная Сидом Ахметом бен Инхали, историком арабским» (ч. 1, с. 99–100) (см. [Крачковский, 1937]). Считается, что в плену М. де Сервантес услышал истории про легендарного суфия Сиди Кишара, с которым связывают происхождение имени Дона Кихота. Некоторые истории из жизни арабского суфия вошли в повествование о Дон Кихоте. Так, Сиди Кишара принял за грозных гигантов водяные мельницы, а Дон Кихот – ветряные.

ные свидетельства о нем – испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычные мувашшахи. <...> Второй алхамиадо – алхамиадо *морисков* (испанских мусульман) эпохи Реконкисты... <...> На этом алхамиадо существует обширная литература» [Воевуцкий, 1987. Р. 55]. Отличия между ними в том, что тексты на алхамиадо морисков, в отличие от алхамиадо мосарабов, всегда огласованы – явный знак отхода от арабской традиции. Орфография алхамиадо морисков также более разработана и адаптирована для передачи звуков испанского языка, отсутствующих в арабском.

Язык мосарабов (христиан аль-Андалуса). Почти восемь веков (711–1492 гг.) часть Испании находилась под властью арабов. В Андалусии жители как арабского, так и испанского происхождения были естественными билингвами, то есть свободно говорили как на арабском языке, так и на местном романсе). Однако арабский еще долго оставался официальным языком большей части Испании, а испанские христиане, если верить свидетельствам современников, к IX в. уже забыли язык Священного Писания – латынь. Так, кордовский епископ Альваро горько жаловался на это в одной из проповедей. В X в. даже пришлось перевести Евангелие на арабский язык. И XIII в. католические епископы Толедо продолжали клясться именем Бога Великого (الله أكبر) (араб. *Аллах Акбар*) и начинали официальные письма с формулы «басмаля» (بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ – араб. *Во имя Бога милостивого и милосердного*) [Palencia, 1930. Р. 43].

Язык мудехаров и морисков (испанских мусульман после Реконкисты). Противоположная ситуация сложилась к XV в. на территориях, отвоеванных испанцами в ходе Реконкисты. В течение XI–XIV вв. мудехары Кастилии и Арагона утратили знание арабского, а изучать его продолжали только наиболее образованные мусульмане, в частности, *факихи* и *кади*¹³. Однако в быту они изъяснялись на арабизированном романсе, называемом испанскими христианами *алхамиа* [Montaner Frutos, 2014. Р. 46]. На романсе они также записывали как теологические, так и художественные тексты, причем в латинской графике. На романсе в арабской графике мусульмане стали писать, как уже отмечалось, не ранее XV в. [Bernabé Pons, 1992. Р. 13]. Однако борьба между языками продолжалась, и к началу XVII в. испанские мусульмане снова обратились к латинской графике, поскольку утратили способность читать арабскую графику. Подтверждением тому служит единственный полностью сохранившийся Коран морисков, известный как Толедский Коран (Ms. T 235, 1606 г.); он представляет собой список с рукописи на алхамиадо, транслитерированной в латинской графике [Тихонова, Шакунова, 2019а].

В этом переводе Корана имя Бога еще передается заимствованием из арабского (исп.-араб. *Alá, Allah*), хотя часто встречается и его перевод на испанский: *Dios* (исп. *Бог*). Так, у Ибрагима Ибн Тайбили (XVII в.) в сочинении в защиту ислама, даже *шахада* записана на испанском как «No hay sino un solo Dios / y su profeta Muhammad» (исп. *Нет богов, кроме единого Бога, а Мухаммад – Его Пророк*) [Воевуцкий, 1996. Р. 43]. Таким образом, если в XIII веке католические священники Толедского собора в письмах называют Бога по-арабски: *Аллах* (الله), то к XVI веку по-испански начинают писать слово «Бог» (исп. *Dios*) мусульмане.

Арабская литература. Как отмечает И. М. Фильштинский, «в VIII–XV вв. параллельно с литературой восточных областей Халифата и в тесной связи с нею развивалась арабская литература Испании (андалусская литература), примерно с опозданием на одно столетие повторяющая те же этапы развития, но при этом представляющая особый, отличный от восточ-

¹³ *Факих* (исп. *alfaquí*) – «мусульманский юрист, богослов-законовед, знаток фикха. На Пиренейском полуострове факихи могли занимать одновременно должности кади, нотариуса, управлять имуществом мечети. Факихи выбирались общиной и за отправление должности получали плату из средств общины» [Варьяш, 2016. Р. 362].

Кади – (исп. *caquí*) «мусульманский судья. В христианских королевствах кади зачастую обладали высшей властью в общине. Должность кади жаловалась королем, могла совмещаться с должностью сальмедины, аламина, факиха, писца» [Варьяш, 2016. С. 361].

но-арабского мир. Андалусская ветвь средневековой арабской культуры дала миру много замечательных ученых, философов, поэтов и прозаиков, и ей суждено было сыграть особую роль в ознакомлении Европы с наукой и культурой Востока» [Фильштинский, 1985. С. 21]. Выдающиеся испанские представители мусульманских мыслителей-теологов (последователей Аристотеля) в XII-XIII вв.¹⁴ – философы Ибн Баджжа¹⁵ (ум. в 1139 г.), Ибн Туфейль¹⁶ (ум. в 1186 г.), Ибн Рушд (Аверроэс; 1126–1198 гг.) [Фильштинский, 1985. Р. 280].

Отдельное место занимал мусульманский мистицизм (суфизм) [Там же]. С X в. начинает стремительно развиваться «суфийская поэзия, в которой воспевается мистическая любовь к Богу, часто выражаемая в чувственных образах, так что не всегда возможно отличить религиозные стихотворения от любовных. Среди суфийских поэтов блестящим поэтическим дарованием обладал знаменитый арабо-испанский философ-мистик Мухйи ад-Дин ибн Араби (1165–1240)». А региональная поэзия арабов ярко представлена стихами «мусульманского трубадура» Ибн Кузмана (ок. 1080–1160), «вызвавшего к жизни новый изящный стиль романской поэзии» [Фролова, 1984. С. 4].

И. Ю. Крачковский отмечает две особенности арабо-испанской литературы: ее влияние на Европу и появление новых, ранее неизвестных поэтических форм, распространившихся в соседних романских странах: «Влияние это шло двояким путем – книжным, главным образом через переводы различных, преимущественно научных произведений, и устным – через поэзию и музыку». Центром первого стал г. Толедо после отвоевания в 1085 г. Альфонсом VI., который был женат на дочери арабского эмира Севильи, ввел при дворе арабский этикет и костюмы, чеканил арабскую монету. При нем даже мосарабское духовенство плохо знало латынь [Крачковский, 1937. С. 24].

Классификация литературы на алхамиадо

Центральное место в литературе на алхамиадо занимает Коран [Bernabé Pons, 1992. Р. 21] и религиозная литература (*тафсиры*¹⁷, *Бревиарио сунни*¹⁸ и др.), хотя распространены и художественные (наиболее известна «Поэма о Йусуфе» [Тихонова, 2020a]). Историю литературы на алхамиадо делят, несколько условно, на пять периодов [Bernabé Pons, 1992. Р. 19].

¹⁴ Ранний период (IX–X вв.) арабского аристотелизма «связан с деятельностью мыслителей восточных областей Халифата: араба из Басры аль-Кдшди (ум. ок. 870 г.), тюрка из Средней Азии аль-Фараби (ум. в Дамаске в 950 г.) и иранца из Афшана (около Бухары) Ибн Сины (Авиценны) (ум. в Хамадане в 1037 г.)» [Фильштинский, 1985. С. 280].

¹⁵ Для понимания реалий его времени любопытны обстоятельства его смерти. Он проходил испытание, которое было обязательным для тех, кто желал всерьез заняться врачебным делом. В коллегии лекарей Феса устраивали обед, во время которого в одном из блюд кандидату на вступление подавали медленно убивающий яд. В его конце глава коллегии называл состав яда и его рецепт. Испытуемый должен был до захода солнца найти противоядие. Вернувшись домой, Ибн Баджжа взялся за приготовление противоядия, но в соседнем доме занемог приезжий купец, и Ибн Баджжу пришлось идти на помощь. Когда купцу стало легче, он вернулся домой, но было слишком поздно, он не успел приготовить противоядие. Перед испытанием Ибн Баджжа оставил своему ученику и другу Абу-ль-Хасану Али Ибн-аль-Имаму «Прощальное послание» – трактат, в котором есть такие слова: «...Жизнь, которую веду, тебе известна, мне грозит опасность. Может случиться, что не встречу с тобой, хотя в душе моей сильно желание обсудить разные дела – не всякие, конечно, но самые настоятельные и нужные...» [Игнатенко, 1989. С. 153, 154].

¹⁶ В России в 1920 г. философская новелла Ибн Туфейля «Роман о Хайе, сыне Якзана» вышла в переводе Ив. Кузьмина под ред. И. Ю. Крачковского (Всемирная литература, Госиздат, Пгр., 1920, 108 стр.).

С этим именем также связано начало сотрудничества академика И. Ю. Крачковского и Э. Гарсиа Гомеса. В 1926 г. И. Ю. Крачковский поддержал исследования начинающего испанского арабиста Э. Гарсиа Гомеса, высоко оценив его труд в рецензии, сделанной по просьбе редактора шведского журнала. Речь идет о докторской диссертации «Un cuento árabe, fuente común de Abentofáil y de Gracián» (исп. *Арабская сказка, общий источник Ибн Туфейля и Грасиана*) двадцатилетнего Эмилио Гарсиа Гомеса. См. [Тихонова, 2020].

¹⁷ *Тафсир* – комментарий, толкование Корана [Ислам, 1991. С. 232].

¹⁸ *Бревиарио сунни* (араб.-исп. *сунна в кратком изложении*). Сунна (*обычай, пример*) – сунна, пример жизни Мухаммада как образец и руководство для всей мусульманской общины и каждого мусульманина, как источник материала для решения всех проблем жизни человека и общества [Ислам, 1991. С. 214].

1. XV в. *Появление литературы на алхамиадо*

Появление литературы на алхамиадо (т. е. литературы на испанском в латинской графике) в Кастилии в XV в. связывают с личностью **Исы де Джабира**. В 1455 г. муфтий Иса де Джабир, факих мусульманской общины г. Сеговии, выполнил первый перевод Корана на разговорный европейский язык – испанский. Перевод был записан им в латинской графике, однако позднее этот текст, очевидно, был транслитерирован арабскими символами. Этот перевод Корана не сохранился. Предполагают, что списком с него может быть единственная сохранившаяся целиком кораническая рукопись, известная как «Толедский Коран» (исп. *El Corán de Toledo*) (см. [Тихонова, Шакунова, 2019а]).

Однако сохранился другой фундаментальный труд Исы де Джабира – «Бревиарио Сунни» (исп. *Breviario çunni*). В этом произведении Иса упоминает «Коран на романсе», которым он пользовался при написании трактата [López-Morillas, 1999–2002. P. 281]. «Бревиарио Сунни» Исы де Джабира, также известный как «Китаб Сеговиано» (араб.-исп. *kitab segoviano* ‘книга из Сеговии’) [Wiegers, 2014. P. 130] – это крупнейшее произведение по мусульманскому праву испанского средневековья [López-Morillas, 2011. P. 40]. Как сообщает сам Иса в конце труда (см. его начало ниже), работа была закончена в г. Сеговии в 1462 г., через семь лет после его перевода Корана на испанский (1455 г.):

Iça de Gebir <i>Breviario çunni</i> , XVI (1–13)	Иса де Джабир Бревиарио сунни, XVI в. 1–13 строки
Cumpliose estelibro breviario çunni que copilado por el onrrado Sabidor don yse dechebir mufti alfaqui mayor delos muçilimes de castilla alimen dela muy onrrada alchama desego bia en lalmazhid de la dicha çidad en el año de mil queatrozientos y sesenta ydos	Была закончена эта книга, «Бревиарио Сунни», составленная достойным ученым Доном Исой де Джабиром, муфтием ¹⁹ и старшим факихом мусульман Кастилии, аламином ²⁰ очень достойной альхамы ²¹ г. Сеговии в мечети упомянутого города. В году тысяча четыреста шестьдесят втором (1492)

Переводя с арабского на испанский основные положения мусульманского права, Иса исходит из того, что они должны быть изложены «на языке понятном» (исп. *en lengua que lo entiendan*)²² [Paramio, 2014. P. 19]. Соблюдение этого принципа оборачивалось иногда конфликтами. Когда в 1609 г., после окончательного изгнания, морискам пришлось покинуть Испанию, тем, кто бежал в Тунис, пришлось нелегко: местное сообщество мусульман обвинило их в ереси, поскольку их Коран, тафсиры и другая религиозная литература, которую они увезли с собой, была на испанском, а значит, она воспринималась как литература неверных. В свое оправдание испанские беженцы-мусульмане, цитируя Ису де Джабира ссылались

¹⁹ *Муфтий* (исп. *mufti*) – «знаток шариа, имеет право давать разъяснения по судебным делам и юридическим вопросам» [Варьяш, 2016. P. 361].

²⁰ *Аламин* (исп. *alimen*) – «должность в мусульманской общине. Жаловалась королем и в разных альхамах Короны имела разное значение – от наиважнейшего до вспомогательного при кади» [Варьяш, 2016. P. 361].

²¹ *Альхама* (исп. *aljama*) – «община иноверцев, мусульман и иудеев, в христианских королевствах на Пиренейском полуострове в Средние века» [Варьяш, 2016. С. 361].

²² Ср. с решительным высказыванием первого переводчика Псалтыри на арабский в стихах мосараба Ибн Альбара «аль-Куртуби» (исп.-араб. *из Кордовы*) за перевод Священных текстов на арабский, вместо того чтобы использовать непонятные тексты на «иностранным» языке, т. е. на латыни [Тихонова, Шакунова, 2019б].

на слова пророка Мухаммада о том, что мусульманская литература должна быть на понятном языке и поясняли, что испанский – это язык, на котором их книги создал Аллах [Paramio, 2014. P. 19].

Существуют произведения испанских мусульман с более ранней датировкой, однако несомненно, что именно авторитет муфтия Исы де Джабира (среди последователей которого были Мансебо де Аревало и Мухаммад Рабадан) повлиял на выбор испанского, а не арабского в качестве языка религиозной литературы [Bernabé Pons, 1992. P. 18; Wieggers, 2014. P. 132–133].

Из огромного списка литературы на арабском языке, упоминаемой в архивах инквизиции, до нас дошли считанные рукописи, из которых только 25 коранические. Одна из причин – изъятие арабами списков Корана в Тунисе у изгнанников, обвиненных в ереси, вторая – преследования испанской Инквизиции.

В 1564 г. Валенсийскими кортесами был наложен запрет на использование «письменного и устного» арабского языка. В 1567 г. аналогичный запрет ввел Филипп II в Кастилии. Инквизиция устремилась на поиски следов использования арабского языка, который закономерно ассоциировался с тайной практикой ислама. Любой владеющий книгами, написанными в арабской графике, обвинялся в ереси [García-Arenal, 2010. P. 57–58]. Так, только в Сарагосе с 1568 по 1609 гг. прошло 900 инквизиционных процессов над морисками, из которых 409 связаны с изъятием книг на арабском [Montaner Frutos, 2014. P. 45].

2. *Кастильский период* (сер. XV – 1502 г.). Литература на испанском в арабской графике.

Этот период длился до нач. XVI в.; он связан с принудительным обращением в христианство кастильских мударов (1502 г.), от которых и берут свое начало мориски, или криптомусульмане. Его знаковой фигурой стал мусульманский теолог, известный под псевдонимом **Мансебо де Аревало** (исп. *Mancebo de Arévalo*²³), чье подлинное имя осталось неизвестным.

Мансебо де Аревало является одним из самых «загадочных и захватывающих» авторов литературы на алхамиадо [Bernabé Pons, 2014. P. 43]. Сохранилось несколько его трудов (*Sumario, Breve Compendio, Calendario*) и, в частности, его знаменитый *Тафсир* (Ms. Junta LXII). Этот собирательный труд включает в себя знания, сохраненные испанскими криптомусульманами, а также и знания самого Мансебо, который на страницах *Тафсира* упоминает греческих, латинских, еврейских и христианских авторов²⁴. Чтобы составить *Тафсир*, Мансебо де Аревало пришлось предпринять путешествие по значительной части Пиренейского полуострова. На страницах *Тафсира* встречаются многочисленные свидетельства морисков, которые делятся с Мансебо не только знаниями в области ислама, но и переживаниями по поводу сдачи Гранады (1492 г.) [Narváez Córdova, 2014. P. 166–168]. В этом труде Мансебо пытается осмыслить и объяснить падение аль-Андалуса, которое выражает в лирических и горьких строках:

Фрагмент el Mancebo de Arévalo, XVI

Ms. Junta LXII

Ms. Cambridge D. 9.49: л. 126 об., с. 7–15²⁵

Транслитерация текста латинскими символами	Текст на алхамиадо
Di ^y ho un- ^o alim d-exte-rreyno hablando de nu ^w ext ^o ro	دیش اُنْ عِلْمٌ دَاسْتَرَايْنُ هَيْلُنْدُ دَا نُوَأَشْتَرُ

²³ Из псевдонима следует, что свою юность он провел в г. Аревало.

²⁴ Произведения авторов-морисков вообще отличаются не только хорошим знанием христианской культуры, но и светской литературы испанцев. Так, например, встречаются упоминания «Селестины», «Дона Кихота» (у Ибн Тайбили), Лопе де Веги и др. [Bernabé Pons, 1992. P. 30].

²⁵ Цит. по [Harvey, 1995. P. 563].

<p>ençerrami^yento, yo-bi^yen konoçoko ke-xomox en-una temporada de-g^arante expanto, max-no por-exo dexara Allah de-darnux ka^wutori- zada xi-dexamox el-p^oro'ó, de-nu^wext^oro poderi^yo en-lo-ke toka al-p^ere- çeptari^yo mandami^yento. Y-a-ku^wanto l-amonex-tança, todox-la-podemox uxar por-la-bi^ya p^erebilechada. I-kon-lox-kan-tarex aĝenux por-donde lox-kⁱrixti^yanox hazen-xalba, pu^wex-todo kabe debaxo de-bu^wena diximulança. Porke-la-bu^wena dokt^rina no-la-pu^wede-bedar ninguna ley pur-inumana ke-xea.</p>	<p>ءَأَسَارَ مَيَانَتْ بِيَانُ كُنُتْكَ كَأَشْمُشْ ءَأَنَّ أَمِيرَدَ دَاغَرْنَا ءَأَشْبَنْتْ مَشْنُ بُرَاشْ دَاشَرِ اللهُ دَاوَرْنُشْ كُوْتِرْ رَدَ شِيدَاشْمُشْ ءَأَلْبُرُ دَاوُوشْتُرْخُ بُدَارِيْ ءَأَلْكَأْ تَكْ أَبَا سَابْتَرِيْ مَدْمِيَانَتْ يَكُونَتْ لُمَاشْتَنْسْ نُدُسَلْبُدَامُشْ أَشْرُ بُرَلِيْ بَارَابِلَاجَدَ إَكْنَلُشْكَنْتَرَأَشْ أَجَاشْ بُرْدُنْدَا لُشْكُرْ شَيْيُنُشْ هَرَأَشْتَلْبُ بُوَأَشْتُدُ كَبَا دَابِشْ دَا بُوَأَنْ دِشْمَلُنْسْ بُرْكَأَلْبُوَأَنْ دُكْتِرِنْ نَلْبُوَأَدَابَادَرْ نَبْعَنْ لَآي بُرْنَمَنْ كَاشَا</p>
---	--

Перевод на русский (О. Т.)

Сказал один мудрец из этого королевства, говоря о нашей напасти: «Я хорошо знаю, что мы переживаем времена великого страха. Но не потому попустил Бог наказать нас, если мы оставим преимущество нашей силы в том, что касается назидания этой заповеди. Что же до притворства²⁶, то все мы можем им воспользоваться предпочтительным путем, даже с чужими песнями там, где христиане ищут спасения. Ибо всё укрывается под хорошим притворством, потому что доброму учению не может воспрепятствовать никакой закон, каким бы бесчеловечным он ни был.

Некоторые исследователи полагают, что Мансебо де Аревало послужил мостом между мистикой суфия Аль-Газали (персидский мистик XII в.) и Св. Хуана де ла Крус и Св. Терезы Авильской [López-Baralt, Narváez, 1981].

3. **Арагонский период** (1501–1525 гг.). Литература на испанском в арабской графике.

В Арагоне сложилась благоприятная социолингвистическая и политико-религиозная атмосфера для создания литературы на алхамиадо. Традиция, позаимствованная в Кастилии. Переезд Мансебо де Аревало из Кастилии в Арагон.

4. **Период христианизации** (1526–1614). Литература на испанском в арабской графике, постепенное возвращение к латинской графике.

С 1526 г. происходит принудительное обращение арагонских мусульман в христианство²⁷ до изгнания морисков, имевшего место в 1609–1614 гг. При Филиппе II мориски, принудительно обращаемые в христианство, подняли восстание (1568–1570 гг.), и в результате 100 000 их было изгнано из Испании. Сорок лет спустя (в 1609 г.), при Филиппе III, были изгнаны последние 500 000 [Крачковский, 1937. С. 26].

К этому периоду относится творчество ярчайшего представителя арагонских авторов и одного из крупнейших мусульманских теологов Средневековой Испании – **Мухамада Рабадана** (Muhammad Rabadán). Ему принадлежит ряд поэм религиозного содержания, наиболее известная из которых – «Слово о Свете» (исп. *Discurso de la Luz*). Он жил на рубеже XVI–XVII вв. Исходя из его собственных слов, он был простого происхождения. Тем не менее он был знаком с основным христианскими авторами своего времени, а его стихи свидетельствуют о врожденном литературном даре [Vespertino Rodríguez, 2014. P. 218].

²⁶ Очевидно, подразумевается, что криптомусульмане вынуждены были присутствовать на мессах в католических храмах, выдавая себя за католиков.

²⁷ После изгнания иудеев из Испании в 1492 г., которым по Альгамбрскому декрету было предписано принять католицизм или покинуть Испанию в течение четырех месяцев, в 1-й пол. XVI в. началось принудительное обращение морисков в христианство. Инквизиционные преследования морисков усилились с 1560 по 1610 г. [Bernabé Pons, 2014. P. 20].

5. Период изгнания (1609 г. – кон. XVII в.). Литература на испанском в латинской графике.

Мориски продолжают писать уже в изгнании; в основном, это труды полемического характера в защиту ислама. Среди мусульманских авторов этого периода выделяется Ибрагим Ибн Тайбили (он же Хуан Перес) (1580, г. Толедо, Испания – 1650, г. Тестур, Тунис), который родился в Испании и был изгнан в Тунис вместе с морисками²⁸. Самая известная его работа – «Опровержение четырнадцати положений христианской веры, мессы и жертвы с прочими доказательствами и аргументами против ложной Троицы, сочиненной Ибрагимом Тайбили, жителем Тастора в этом 1036 г.» (исп. *Contradicción de los catorce artículos de la fe cristiana, missa y sacrificios, con otras pruebas y argumentos contra la falsa trinidad*)²⁹. Как отмечает И. Н. Воевуцкий, для Тайбили толчком к творчеству послужило не какое-то антимусульманское сочинение христиан, как это обычно бывало, а «исторические обстоятельства» [Воевуцкий, 1996. С. 42], заставившие его переосмыслить изгнание морисков из Испании. Он дает им такую оценку:

Филипп король Испании
думал показать свою силу,
а на деле орудием его сделал Бог.
Повелел Бог,
чтобы вышли мориски поспешно,
чтобы в свободе проводить жизнь и расселиться по всей Берберии.
[Воевуцкий, 1996. С. 45]

Описывая свои юношеские годы в христианской Испании Тайбили вспоминает, что «родился и вырос в почитании и согласии с пустым идолопоклонством [подразумеваются скульптурные изображения католических святых – О. Т.], заблуждением и слепотой, из которых был извлечен божественным провидением» [Воевуцкий, 1996. С. 43]. Намекая на недовольство морисков их нынешним положением и потерей имущества в Испании, он комментирует: «...этими словами они губят себя, Бог лучше знает, что нам необходимо и без наших просьб, мы же не умеем просить, ибо не знаем, что нам полагается»³⁰ [Воевуцкий, 1996. С. 48].

Знания арабского Ибн Тайбили были недостаточны, начитанности в мусульманской литературе, как утверждает [Воевуцкий, 1996. С. 42], ему не хватало, поэтому он писал на испанском и «к реисламизации морисков он обратился с багажом испанской христианской культуры», очень близкой к общеевропейской, что подтверждается цитированиями и аллюзиями на множество реалий христианской культуры, отсылками к именам и произведениям известных авторов [Там же]. Так, на страницах «исламской» поэмы он упоминает и «суд Сивиллы», и свою «музу Талию», и колесницу Феба, и Марциала, Горация, цитаты из Сократа, и Дон Кихота... [Воевуцкий, 1996]³¹.

²⁸ Сомнительно, что Ибн Тайбили, чье христианское имя – Хуан Перес, вообще был криптомусульманином в Испании; по крайней мере в автобиографических строках он ничего об этом не говорит [Воевуцкий, 1996. С. 41]. Скорее всего, он принял ислам уже в изгнании и с ревностью неопита взялся за сочинения в защиту ислама.

²⁹ Год оригинала, указанный Ибн Тайбили, соответствует 1628 году по христианскому летоисчислению.

Как аргументы против истинности христианской религии Тайбили оспаривается разумность безбрачия среди католического священства: «ведь такого не было ни у одного пророка, начиная с Адама; описан страшный разврат священников, Тайбили вспоминает о блуде монахинь в его родном Толедо» и т. д. [Воевуцкий, 1996. С. 47]. Указывает, что христиане «на мессе преклоняются перед священником, как перед Богом», что на мессе «мужчины и женщины... вместе и смотрят друг на друга, забыв о мессе», что наказание за грехи, указанные на исповеди, «зависит от темперамента священника» и т. д. [Воевуцкий, 1987. С. 47–48].

³⁰ Про себя Ибн Тайбили отмечает, что он в богатстве и обеспеченности в Испании не умел жить, а в бедности в изгнании стал писать [Воевуцкий, 1996. С. 50].

³¹ Упоминание Ибрагимом Ибн Тайбили романа «Дон Кихот» явилось еще одним аргументом Оливера Асина Паласьоса в пользу существования издания до 1605 г. [Oliver Asín, 1948. P. 89–126].

В целом, заключает Воевуцкий, «у Тайбили, несмотря на тему сочинения, испанское – почти все», весь культурный багаж [Воевуцкий, 1996. С. 51]. В этом его отличие от авторов текстов на алхамиадо, где, помимо испанского языка как формы выражения не было никакой испанской культуры.

Заключение

Делая главный вывод из вышесказанного, мы считаем, что термин «литература на алхамиадо морисков» является избыточным, так как литературы на алхамиадо (как в широком, так и в узком понимании термина), которая принадлежала бы не морискам, просто не существует. Отдельные вкрапления слов на романсе в арабских текстах мосарабов, равно как и двустиший (харджей) в арабских мувашшахах, вряд ли можно считать фактором, позволяющим отнести их к отдельной самостоятельной литературе.

Уточняя приведенную классификацию, можно сказать, что обоснован следующий ряд близких терминов/понятий: *литература испанских мусульман*, *литература морисков*, *литература на алхамии*, *мусульманская литература на романсе*, понимая под этими обозначениями как литературу на испанском в латинской графике (т. е. литературу мудехаров до Реконкисты и морисков после изгнания), так и литературу на романсе в арабской графике (т. е. литературу морисков после Реконкисты и до изгнания).

Только это последнее явление и стоит обозначать термином *литература на алхамиадо* в строго лингвистическом понимании.

Что касается понятия *литература на алхамиадо морисков*, то оно представляется избыточным, так как говорить о литературе на алхамиадо, принадлежащей не морискам, нет достаточных оснований.

По отношению к словам мосарабов на романсе, упомянутых в арабских глоссариях, топонимии, ономастиконах и отдельных слов в арабоязычных мувашшахах и заджалах, применимо, скорее, понятие *вкрапления на алхамиадо*, а по отношению к харджам в мувашшахах – *текст на алхамиадо*.

Список литературы

- Варьяш И. И.** Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. СПб.: Евразия, 2016. 390 с.
- Воевуцкий И. Н.** Орфографические принципы профессиональных языков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 2. М.: ГРВЛ, 1987. С. 53–56.
- Воевуцкий И. Н.** Хуан Перес vs Ибрагим Тайбили // Вестник Восточного института. № 2 (4). Т. 2. 1996. С. 41–51.
- Игнатенко А. А.** В поисках счастья: Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. М.: Мысль, 1989. С. 152–185.
- Ислам:** энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 315 с.
- Крачковский И. Ю.** Арабская культура в Испании. М.; Л.: АН СССР, 1937. 32 с.
- Сервантес Сааведра М., де.** Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 1 / Пер. Н. Любимов. М.: Художественная литература, 1988. 552 с.
- Тихонова О. В.** Литературно-исторические истоки темы плача в «Поэме о Йусуфе» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. Т. 18, № 4. С. 144–156.

- Тихонова О. В. И. Ю. Крачковский и Э. Гарсиа Гомес // Древняя и Новая Романия. № 25. 2020б. С. 154–165.
- Тихонова О. В., Шакунова Л. А. Первый перевод Корана на испанский и рукопись Т 235 // Письменные памятники Востока. Т. 16. № 2. 2019а. Наука – Восточная литература. С. 63–74.
- Тихонова О. В., Шакунова Л. А. Проблема авторства первого стихотворного перевода Псалтыри на арабский // Восток (Oriens). 2019б, № 4. С. 135–145.
- Фильштинский И. М. История арабской литературы. V – начало X века. (Истории литературы Востока). М.: Наука, 1985. 528 с.
- Фролова О. Б. Поэтическая лексика арабской лирики. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1984. 176 с.
- Oliver Asín, J. El Quijote de 1604. *Boletín de la Real Academia Española*, XXVIII, 1948, p. 89–126.
- Bernabé Pons, L. F. Bibliografía de la literatura aljamiado-morisca. Alicante, Univ. de Alicante, 1992.
- Bernabé Pons, L. F. Los manuscritos aljamiados como textos islámicos. In: Memoria de los Moriscos. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 27–44.
- Cervantes Saavedra, M. de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. T. 1. Barcelona, Imprenta de la viuda e hijos de Gorchs, 1832.
- García-Arenal, M. La Inquisición y los libros de los moriscos. Memoria de los moriscos. Madrid, SECC/BNE, 2010, p. 57–72.
- Harvey, L. P. Una referencia explícita a la legalidad de la práctica de la “taqiya” por los moriscos. *Sharq Al-Andalus*. 1995, no. 12, p. 561–563.
- López-Baralt, L., Narváez, M. T. Estudio sobre la religiosidad popular en la literatura aljamiado-morisca del siglo XVI. La Mora de Úbeda, el Mancebo de Arévalo y San Juan de la Cruz. *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares*, XXXVI, 1981, p. 17–51.
- López-Morillas, C. El Corán romanceado: la traducción contenida en el manuscrito T 235. *Sharq al-Andalu*, 1999-2002. no. 16–17, p. 263–284.
- López-Morillas, C. El Corán de Toledo. Edición y estudio del manuscrito 235 de la Biblioteca de Castilla-La Mancha. Gijón, Trea, 2011.
- Montaner Frutos, A. La literatura aljamiada. In: Memoria de los Moriscos. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 45–56.
- Narváez Córdova, M. T. La *Tafçira* del Mancebo de Arévalo. In: Memory of the *Moriscos*. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 166–168.
- Palencia, A.G. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII, vol. Preliminar. Madrid, Instituto de Valencia, 1930, 470 p.
- Paramio, A. M. Palabras más perdurables que las casas. In: Memory of the Moriscos. 2014. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 17–26.
- Vespertino Rodríguez, A. Poemas de Mohamad Rabadán. In: Memory of the Moriscos. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 218–220.
- Wieggers, G. A. La Tafría. Breviario Çunní, de Iça de Gebir. In: Memory of the Moriscos. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 130–133.

References

- Bernabé Pons, L. F. Los manuscritos aljamiados como textos islámicos. In: Memory of the *Moriscos*. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 27–44. (in Spanish)
- Bernabé Pons, L. F. Bibliography of Aljamiado-Moorish literature. Alicante, Univ. de Alicante, 1992. (in Spanish)
- Cervantes Saavedra, M. de. *El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha*. T. 1. Trad. N. Lyubimov. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1988, 552 p. (in Russ.)

- Cervantes Saavedra, M. de.** El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. T. 1. Barcelona, Imprenta de la viuda e hijos de Gorchs, 1832. (in Spanish)
- Filshinsky, I. M.** History of Arabic literature. V–X century. Moscow, Nauka, 1985, 528 p. (in Russ.)
- Frolova, O. B.** Poetic vocabulary of Arabic lyrics. Leningrad: Izd. Leningradskogo univ., 1984, 176 p. (in Russ.)
- García-Arenal, M.** La Inquisición y los libros de los moriscos. In: *Memory of the Moriscos. Writings and stories of a cultural diaspora*. Madrid, SECC/BNE, 2010, p. 57–72. (in Spanish)
- Harvey, L. P.** Una referencia explícita a la legalidad de la práctica de la “taqiya” por los moriscos. *Sharq Al-Andalus*, 1995, no. 12, p. 561–563. (in Spanish)
- Ignatenko, A. A.** In Search of Happiness: Social and Political Views of the Arab-Islamic Philosophers of the Middle Ages. Moscow, Mysl, 1989, 254 p.
- Islam:** encyclopedic dictionary / ed. C. M. Prozorov. Moscow, Nauka, 1991. 315 p. (in Russ.)
- Krachkovsky, I. Yu.** Arabic culture in Spain. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1937, 32 p. (in Russ.)
- López-Baralt, L., Narváez, M. T.** Estudio sobre la religiosidad popular en la literatura aljamiado-morisca del siglo XVI. La Mora de Úbeda, el Mancebo de Arévalo y San Juan de la Cruz. In: *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares*, XXXVI, 1981, p. 17–51. (in Spanish)
- López-Morillas, C.** El Corán de Toledo. Edición y estudio del manuscrito 235 de la Biblioteca de Castilla-La Mancha. Gijón, Trea, 2011. (in Spanish)
- López-Morillas, C.** El Corán romanceado: la traducción contenida en el manuscrito T 235. In: *Sharq al-Andalu*, 1999–2002, no. 16–17, p. 263–284. (in Spanish)
- Montaner Frutos, A.** La literatura aljamiada. In: *Memory of the Moriscos. Writings and stories of a cultural diaspora*. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 45–56. (in Spanish)
- Narváez Córdova, M. T.** La *Tafçira* del Mancebo de Arévalo. In: *Memory of the Moriscos*. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 166–168. (in Spanish)
- Oliver Asín, J.** El Quijote de 1604. In: *Boletín de la Real Academia Española*, XXVIII, 1948, p. 89–126.
- Palencia, A. G.** Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII, vol. Preliminar. Madrid, Instituto de Valencia, 1930, 470 p. (in Spanish)
- Paramio, A. M.** Palabras más perdurables que las casas. In: *Memory of the Moriscos*. 2014. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 17–26. (in Spanish)
- Tikhonova, O. V.** Features of Arabic Scripts in Aljamiado Manuscripts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 144–156. (in Russ.)
- Tikhonova, O. V.** Ignacio Y. Krachkovsky and Emilio García Gómez. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 2020, no. 25, p. 154–165. (in Russ.)
- Tikhonova, O. V., Shakunova, L. A.** The First Quran translation into Spanish and manuscript T 235. *Pis'mennye pamjatniki Vostoka*, 2019a, vol. 16, no. 2, p. 63–74. (in Russ.)
- Tikhonova, O. V., Shakunova, L. A.** The Problem of Authorising the First Arabic Psalter Translation in Verse. *Vostok*, 2019, no. 4, p. 135–145. (in Russ.)
- Varyash, I. I.** *Saratsiny pod vlast'iu aragonskikh korolei. Issledovanie pravovogo prostranstva XIV v.* [The Islamic and Crown Law Within the Aragonese Legal Space in the Fourteenth Century]. Saint-Petersburg, Eurasia, 2016, 390 p. (in Russ.)
- Vespertino Rodríguez, A.** Poemas de Mohamad Rabadán. In: *Memory of the Moriscos*. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 218–220. (in Spanish)
- Voevutsky, I. N.** Juan Perez vs Ibrahim Taybili. In: *Vestnik Vostochnogo instituta*, 1996, vol. 2, no. 2(4), p. 41–51. (in Russ.)
- Voevutsky, I. N.** Orthographic principles of confessional languages. *Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka*, 1987, no. 2, p. 53–56. (in Russ.)

Wieggers, G. A. La Tafría. Breviario Çunní, de Iça de Gebir. In: Memory of the Moriscos. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 130–133. (in Spanish)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
25.01.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Тихонова Оксана Викторовна, канд. филологических наук, ассистент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Oxana V. Tikhonova, Assistant Professor of the Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

pajaro@mail.ru

ORCID 0000-0002-7329-7250

Интерпретация дороги и связанных с ней реалий в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык

Е. А. Соловьева

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация

С изменением парадигмы гуманитарного знания новую актуальность приобретает проблематика художественного перевода, которая все больше фокусируется на изучении языковой личности и индивидуального стиля переводчика. Публикация романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» стала значимым событием литературной жизни России. Хронотоп дороги является одной из важнейших составляющих произведения. Он упорядочивает его композиционную структуру и формирует онтологическое пространство романа. Первый перевод романа на французский язык, принадлежащий перу близкого родственника и сослуживца поэта А. А. Столыпина (Монго), был опубликован в 1843 г. в парижской газете *La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples*. Его текст еще ни разу не становился предметом подробного исследования, что обуславливает новизну и актуальность настоящей публикации, которая является частью нашего дальнейшего исследования. Текст академического издания романа и французский перевод А. А. Столыпина были трансформированы в цифровые исследовательские корпуса. Методологической базой стала концепция хронотопа М. М. Бахтина, которая в сочетании с понятием о «тематической сетке» произведения И. В. Арнольд позволяет рассматривать наиболее частотные лексические единицы, актуализирующие дорогу и связанные с ней реалии, в качестве ключевых маркеров топической составляющей хронотопа. Исследование их переводческой интерпретации в сравнительно-семантическом аспекте позволяет оценить воспроизводимость тематической сетки в переводном тексте, а также выявить особенности наиболее регулярно повторяющихся переводческих решений. Дополнительный постпереводческий анализ отобранных микроконтекстов служит для более детального контекстуального анализа и иллюстрации полученных данных. Выявленная в переводе локальная конкретизация наименований, приводящая к некоторой «размытости» тематической сетки хронотопа, не препятствуют формированию художественного пространства романа и позволяет читателю ощутить своеобразие места разворачивания событий.

Ключевые слова

М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», А. А. Столыпин (Монго), хронотоп дороги, индивидуальный стиль переводчика, французский язык

Для цитирования

Соловьева Е. А. Интерпретация дороги и связанных с ней реалий в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 148–164. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-148-164

Interpretation of the Road and Associated Realities in the First French Translation of Mikhail Lermontov's Novel "A Hero of Our Time"

Evgeniya A. Solovyeva

*Southern Federal University
Rostov on Don, Russian Federation*

Abstract

The anthropological turn in humanitarian thought stimulated the interest in studying the linguistic personality and individual translator's style. The paper analyses that of A. A. Stolypin (Mongol), a well-known person to the specialists of Russian literature due to his relationships with Mikhail Lermontov, a famous Russian poet. The publication of Lermontov's novel "A Hero of Our Time" became at the time a significant event in the emerging literary life of Russia marked by Western aesthetic influences. The first French translation of this emblematic novel appeared in 1843 in the Parisian newspaper "La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples". It was made by mentioned above A. A. Stolypin (Mongol), the poet's close relative and comrade-in-arms who had reasons to leave Russia for some time. The philologists have long known about this translation, but it never became the subject of a close analysis. Filling the existing gap, we aim to introduce this notable translation into scientific circulation. The present paper is part of our research project which is based on Bakhtin's theory of the literary chronotope, since the road chronotope is a crucial component of Lermontov's novel. Coupled with the concept of "thematic grid" by I. V. Arnold, it forms the theoretical framework for the current study. To enhance its statistical validity, we transformed the Russian edition of the novel and Stolypin's French translation into digital research corpus. Through the lens of the above theoretical tools, we view the most frequent lexical units denominating the specific road realities, including those of the North Caucasus, as they are key thematic characteristics of time and place. Therefore, their interpretation may serve to evaluate the reproducibility of the "thematic grid" and reveal the nature of the most consistently repeated translator's solutions. An additional contextual analysis using the reverse translation completes the data and serves for a more detailed and contrasted illustration of the translator's style. Our analysis reveals the existence of a certain "blurring" of the "thematic grid" in the target text generally due to the use of specification of meaning, hyponyms instead of terms with a broader meaning. But this feature of Stolypin's translator style does not hinder the adequate recreation of the source text and allows the reader to feel the originality of the time and space in which the events, closely related to the Caucasus Mountain region, developed.

Keywords

M. Lermontov, "A Hero of Our Time", A. A. Stolypin (Mongol), road chronotope, individual translator's style, French language

For citation

Solovyeva, Evgeniya A. Interpretation of the Road and Associated Realities in the First French Translation of Mikhail Lermontov's Novel "A Hero of Our Time". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 148–164. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-148-164

1. Введение

Художественный перевод является одним из самых сложных видов перевода, и в настоящее время среди ученых отсутствует единое мнение в определении критериев, которым он должен соответствовать. Даже самый беглый обзор литературных источников наглядно показывает всю противоречивость существующих взглядов, которые варьируются от понимания перевода как неизбежной интерпретации [Seleskovitch, Lederer, 2014] до утверждения того, что от дословного перевода предпочтительно отказываться только при наличии достаточных семантических и прагматических причин [Newmark, 1988. P. 73, XI].

С другой стороны, на фоне стремительных процессов глобализации, происходит заметная переоценка роли перевода и переводчика в социуме и межкультурном взаимодействии. Активно развивающаяся дескриптивная парадигма изменяет и подходы к изучению феномена «индивидуального стиля» переводчика, который не рассматривается более только как некоторое воспроизведение авторского стиля. Предпринимаются попытки анализа переводных текстов во взаимосвязи с различными условиями их создания и в сравнении с текстами других переводчиков. В подобных исследованиях понятие «индивидуальный стиль» часто по-

нимается как своеобразный «отпечаток пальцев» переводчика (*a kind of thumb-print*), который находит свое наибольшее отражение в языковых особенностях переводного текста и регулярности использования тех или иных переводческих решений [Baker 2000. P. 245].

Наряду с этим осознается значимость влияния исторического контекста на понятие перевода и литературный дискурс [Gentzler, 2001]. В этом аспекте анализ переводов, близких ко времени создания тексту оригинала, представляется, на наш взгляд, важным звеном научного исследования.

В настоящей работе мы придерживаемся наиболее общего понимания индивидуального стиля переводчика как мотивированной «манеры перевода» (*way of translating*), которая может отличать работу одного переводчика от других [Saldanha, 2011. P. 30–31], и фокусируем наше исследование на анализе первого перевода романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, автором которого стал Алексей Аркадьевич Столыпин. Цель настоящей работы заключается в изучении особенностей интерпретации в первом переводе романа наиболее частотных лексических единиц (далее ЛЕ), актуализирующих дорогу и связанные с ней реалии.

2. Актуальность и методология исследования

Хотя существование перевода авторства А. А. Столыпина давно известно литературоведам, его текст еще ни разу не становился предметом подробного анализа. Некоторому восполнению данного пробела в истории переводов произведений М. Ю. Лермонтова, а также введению в научный оборот этого весьма интересного свидетельства эпохи и служит настоящая публикация.

Теоретической основой работы послужила концепция хронотопа как формы художественного освоения временных и пространственных отношений [Бахтин, 2000], а также положение о том, что повторяющиеся слова и семы несут главную художественную информацию и образуют «тематическую сетку» произведения [Арнольд, 1984. С. 7].

Хронотоп дороги является одной из важнейших составляющих лермонтовского нарратива и выполняет сюжетобразующую функцию [Меркулова, 2007. С. 109–128]. Он упорядочивает внешнюю (композиционную) структуру романа, представленную в виде путевых записок и личного дневника двух «странствующих» офицеров, а также участвует в формировании внутреннего (онтологического) пространства произведения. Выбор автора не случаен: в мировой культуре образ дороги имеет архетипический характер и часто используется в художественных текстах разных эпох для создания экзистенциальных и метафизических затекстовых референций (см., напр.: [Боголюбов, 2020. С. 170; Ноева, 2021]).

В соответствии с обозначенными выше теоретическими положениями мы рассматриваем наиболее частотные ЛЕ, актуализирующие дорогу и связанные с ней реалии, в качестве основных тематических маркеров хронотопа дороги. Многократно повторяясь на протяжении всего оригинального текста, они формируют топическую составляющую романа, т. е. выполняют роль системных, устойчиво воспроизводящихся элементов в структуре текста. Исследование особенностей их интерпретации в переводе представляется релевантным для оценки воспроизводимости тематической сетки в переводном тексте; по нашему мнению, они также могут давать возможность оценить характер наиболее стабильно повторяющихся переводческих решений на уровне исследуемого фрагмента архитектоники произведения. Подобный подход позволяет, на наш взгляд, уменьшить влияние субъективизма исследователя при отборе эмпирического материала и получить более систематизированное представление о наблюдаемых явлениях. Исследование осуществляется преимущественно в сравнительном семантико-функциональном аспекте. Дополнительный постпереводческий анализ отобранных микроконтекстов с применением методики обратного дословного перевода служит для более детального контекстуального анализа и иллюстрации полученных данных. Всего нами было проанализировано 337 микроконтекстов.

Что касается термина «реалия», то в настоящей работе он трактуется нами в широком смысле, обозначая «предмет, вещь, то, что есть, существует» [ТСРЯ, 2006. С. 671]. В частности, к обозначениям реалий мы относим ЛЕ, которые называют материальные объекты, связанные с дорогой и перемещением по ней.

В качестве основного русскоязычного источника мы использовали академическое издание романа 1954–1957 гг. [Лермонтов, 1957. Т. 6]. Однако ввиду наличия возможных разночтений с публикациями XIX в. мы также обратились к доступным для ознакомления текстам двухтомного издания романа 1843 г. [ГНВ, 1843] и первопечатным журнальным версиям трех глав [ОЗ-2, 1839; ОЗ-6, 1839; ОЗ-8, 1840]. Для удобства количественного анализа текст академического издания и французский перевод А. А. Столыпина были трансформированы в цифровые исследовательские корпуса.

3. Краткие сведения о первом переводчике романа

В первой половине XIX в. русская литература переживает период расцвета и начинает вызывать значительный интерес у западноевропейского читателя. Созданный на стыке различных жанров, нарушающий привычные структурные и хронологические принципы композиции роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» стал первым смелым опытом русской психологической прозы. Уже к концу столетия существовало несколько вариантов его перевода на французский язык [Кандель, 1962]. Они принадлежали перу различных авторов, иногда достаточно далеких от литературы и знания национальных реалий [Шульц, 1883].

Первым переводчиком романа стал Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) – представитель аристократии, сын сенатора, внук известного государственного деятеля графа Н. С. Мордвинова и дочери английского консула в Ливорно. Участник кавказских кампаний 1837 и 1840 гг., обороны Севастополя 1855 г. и негласный секундант на роковой пятигорской дуэли, А. А. Столыпин приходился двоюродным дядей М. Ю. Лермонтову и был однополчанином поэта. Среди близких друзей он имел прозвище «Монго» и стал героем одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова фривольного содержания [Ашукина-Зенгер, 1948; Недумов, 1974]. Этимология прозвища до конца не выяснена.

После дуэльной истории А. А. Столыпин достаточно длительное время проживал за границей. В 1843 г. он опубликовал в Париже свой перевод романа «Герой нашего времени» в литературном разделе новой ежедневной газеты *La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples*, которая начала выходить в августе 1843 г. и просуществовала около девяти лет, ее главным редактором был известный французский философ и социал-утопист Виктор Консидеран (Victor Considerant). Перевод увидел свет в номерах газеты, вышедших в период с 29 сентября по 4 ноября 1843 г. [DP, 1843].

Среди исследователей нет единого мнения в отношении того, что же побудило А. А. Столыпина выполнить перевод и поместить его в этом печатном издании. Наиболее убедительной нам представляется версия о материально-бытовой мотивации, которая следует из его писем к сестре: испытывая за границей финансовые затруднения и не обладая известностью в литературных кругах, А. А. Столыпин воспользовался случайной помощью знакомого литератора, который, вероятно, оказал ему некоторое содействие в размещении перевода в вышеуказанной газете [Недумов, 1974. С. 157–159].

Во всяком случае, знакомство с литературной рубрикой издания за 1843 г. (см.: [DP, 1843]) свидетельствует о том, что выбор материалов для публикации основан не на социальных взглядах авторов, а на литературных достоинствах самих произведений. Так, через день после окончания публикации перевода романа М. Ю. Лермонтова, здесь начала печататься новелла Марселины Деборд-Вальмор «Доменика» (Domenica), а в последующих номерах увидел свет роман Артюра Понруа «Старый поэт» (Le vieux poète).

4. Краткие вводные замечания о произведении и его первом переводе

Роман «Герой нашего времени» публиковался частями. В 1839–1840 гг. в журнале «Отечественные записки» были изданы в виде отдельных повестей главы «Бэла», «Фаталист» и «Тамань», а первое полное издание произведения вышло из печати в 1840 г. Затем последовали переиздания в 1841 и 1843 гг. Текст второго издания содержит дополнительное предисловие автора, написанное уже после опубликования первой полной версии романа. Однако это предисловие не было включено в переиздание 1843 г.

Прежде чем перейти к рассмотрению текста перевода, необходимо отметить, что в нем отсутствует упомянутое предисловие ко второму изданию, а заглавие интерпретировано достаточно вольно с дополнительным уточнением: «Un héros du siècle, ou les Russes dans le Caucase» («(Один) герой века, или Русские на Кавказе»). Нельзя не согласиться с тем, что подобная трактовка несет в своей первой части усиленную референцию на известный роман А. де Мюссе «La confession d'un enfant du siècle») («Исповедь сына века») [Фокин, 2014. С. 829]. С другой стороны, следует учитывать, что в сохранившейся черновой рукописи романа присутствует иное заглавие – «Один из героев нашего века», вариант прочтения «Один из героев начала века» [Герштейн, 1976. С. 30; Дурылин, 2006. С. 15]. А журнальное издание «Бэлы» имеет подзаголовок «Из записок офицера о Кавказе» [ОЗ-2, 1839. С. 167]. Поэтому мы полагаем, что интерпретация заглавия может быть обусловлена еще и тем, что А. А. Столыпин был в той или иной мере знаком с рукописными и/или первопечатными версиями произведения.

Кроме того, нельзя не принимать во внимание его возможное желание заинтересовать читателя того времени довольно распространенным приемом, то есть придав заглавию некоторый национальный и географический колорит. Похожее стремление можно встретить и в других переводах романа XIX в. Например: «Bela, ou Un héros de notre époque. Nouvelle circassienne» («Бэла, или Герой нашей эпохи. Черкесская повесть, 1853, автор перевода Жан-Мари Шопен); «Petchorine ou un héros d'aujourd'hui. Scènes de la vie russe dans le Caucase» («Печорин или сегодняшний герой. Сцены русской жизни на Кавказе», 1855, автор перевода Эдуард Шеффтер) (см.: [Кандель, 1962]).

В пользу использования в качестве исходного текста полного издания, а не отдельных журнальных версий наиболее явно говорит отсутствие в переводе фразы, которая была исключена уже в первой полнотекстовой публикации. Этот факт редакционной правки, обусловленной почти дословным повторением фрагмента в тексте «Бэлы», хорошо известен литературоведам. Прочитываем (курсив наш, здесь и далее сохранена орфография источников):

Тамань, 1839 г.	А. А. Столыпин, 1843 г.
Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствие, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну! <i>А право я ни въ чемъ виноватъ: любопытство вещь свойственная всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ.</i>	J'avais troublé leur vie tranquille comme la pierre brutale trouble le cristal de l'onde limpide dans laquelle on la jette. Et comme la pierre, hélas ! J'avais failli rester au fond.

В начале перевода указана фамилия переводчика: «Traduit du russe par M. Stolipine» («Переведено с русского г-ном Столыпиным») с пометой, оформленной в виде постраничной сноски: «La reproduction de ce roman ne peut avoir lieu sans l'autorisation du traducteur» («Воспроизведение романа не допускается без разрешения переводчика»). В конце публикуемых фрагментов указывается авторская принадлежность романа: «DE LERMONTOFF».

5. Маркеры хронотопа дороги и их переводческая интерпретация

Анализ частотного профиля романа свидетельствует о том, что топическая составляющая хронотопа дороги сформирована следующими основными элементами: 1) описанием дороги как линейного участка суши или моря, служащего для коммуникации; 2) описаниями окружающего дорогу пространства (ландшафта, географических объектов); 3) репрезентаций средств передвижения и реалий, связанных с путешествием.

5.1. Дорога как линейный участок пространства, служащий для коммуникации

Наиболее частотные ЛЕ, актуализирующие **дорогу** как линейный участок пространства, используемый для коммуникации, представлены следующими ЛЕ: *дорога* (35 употреблений в романе / 28 микроконтекстов), *путь* (12 употреблений / 12 микроконтекстов), *бульвар* (10 употреблений / 10 микроконтекстов) и *тропинка* (7 употреблений / 7 микроконтекстов).

Наблюдения показывают, что интерпретация лексемы *дорога* при ее использовании в своем наиболее конкретном и референциально четко соотношенном значении (21 употребление / 19 микроконтекстов), отличается стремлением к контекстуальной конкретизации (11 микроконтекстов), которая чаще всего реализуется путем распределения функциональных значений лексемы *дорога* между ЛЕ *route* и *chemin*. Данный факт может быть объяснен тем, что А. А. Столыпин был в той или иной степени знаком с описываемой в романе местностью. Рассмотрим пример.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод (здесь и далее перевод наш. – Е. С.)
<...> на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом; наши извозчики объявили, что обвалов еще не было, и, сберегая лошадей, повезли нас кругом.	Sur le sommet se dressait une croix de pierre ; au pied de la croix passait un chemin à peine visible, que gravissent les voyageurs lorsque l'autre, moins élevé, est obstrué par les neiges. Nos postillons, pour ménager leurs chevaux, prirent la route d'en bas ; ils assuraient qu'il n'était point encore tombé d'avalanches.	На вершине возвышался каменный крест; у подножия креста проходила едва заметная дорога, по которой взбираются путешественники, когда другая, менее возвышенная, завалена снегом. Наши извозчики, чтобы поберечь своих лошадей, отправились по нижней дороге; они уверяли, что лавин еще не было.

В приведенном фрагменте речь идет о подъеме по Военно-Грузинской дороге со стороны так называемой Чертовой долины к Крестовому перевалу. В конце 30-х гг. XIX века использовались две ветки дороги: первая, пологая и более широкая, понизу огибала Крестовую гору, а вторая, узкая и крутая, вела по склону вверх. Переводчик, имевший опыт поездок в Тифлис, топографически точно заменяет характеристику *боковая* на *moins élevé*, а выражение *повезти кругом* интерпретирует как *prendre la route d'en bas*. Избегая, в соответствии с французской нормой, повтора ЛЕ *chemin*, он адекватно различает номинации *chemin* и *route*, которые могут соответствовать русской ЛЕ *дорога*, но не являются семантически равноценными. Французская лексема *route*, обычно обозначающая относительно широкую дорогу с достаточно интенсивным движением, оказывается мало приемлемой для номинации узкого грунтового подъема, повторяющего все неровности склона, но может быть окказио-

нально использована для номинации более пологой и наезженной боковой дороги. Обращение к глаголу *gravir* для актуализации передвижения по узкой и крутой дороге тоже контекстуально обусловлено.

В следующем контексте для номинации всё той же боковой дороги переводчик уже обращается к ЛЕ *chemin*, так как она точнее соответствует описываемой реалии и ее дальнейшей вербальной характеристике (*fort étroit*).

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом ...	Le chemin était dangereux : à notre droite pendaient sur nos têtes des masses de neige prêtes à crouler sur nous au premier coup de vent ; le chemin, fort étroit, était en partie obstrué.	Дорога была опасной: справа висели над нашими головами груды снега, готовые обрушиться на нас при первом порыве ветра; очень узкая дорога была частично завалена.

Убирая элемент предположения (ЛЕ *кажется*), добавляя наречие *fort*, заменяя фрагмент *оборваться в ущелье* на *crouler sur nous* и конкретизируя описание дороги (*покрыта снегом*) до (*chemin*) *en partie obstrué*, он усиливает впечатление опасности преодоления горного перевала, что вполне соответствует реалиям того (и даже иногда нынешнего) времени.

Отметим, что тексте перевода ЛЕ *chemin* имеет 25 употреблений, а ЛЕ *route* – 27, что позволяет говорить об устойчивом и сопоставимом присутствии обеих лексем в тематической сетке хронотопа. При этом эпитеты, характеризующие обычно малоиспользуемую или малопроезжую дорогу (*tortueux, poudreux, étroit, escarpé, à peine frayé, à peine visible*), переводчик использует в сочетании с лексемами *chemin* или *sentier*, но не использует с ЛЕ *route*, что дополнительно подтверждает его достаточно четкое представление об отличиях семантического объема данных ЛЕ.

Аналогичное обращение к конкретизации можно наблюдать и в следующем примере.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, – а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.	Il y avait longtemps qu'on n'entendait plus ni le son de la clochette ni le bruit des roues sur le pavé, et le malheureux capitaine était encore à la même place, en proie à de pénibles réflexions.	Давно уже не было слышно ни звука колокольчика, ни шума колес на мостовой, а несчастный капитан был всё еще на том же месте, во власти тягостных раздумий.

Интерпретация *кремнистой дороги* как *ravé* может показаться несколько парадоксальной, поскольку ЛЕ *ravé* обычно номинирует *мостовую*. Тем более, что словосочетание *chemin pierreux* встречается в тексте перевода и используется для передачи синонимичного выражения *каменистая дорога*. Прочитируем:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Я беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.	Je fouettais sans relâche l'animal épuisé, qui, couvert d'écume et respirant avec effort, m'emportait rapidement sur un chemin pierreux.	Я безостановочно хлестал измученное животное, которое, покрытое пеной и с усилием дыша, быстро уносило меня по каменистой дороге.

Однако следует учитывать, что описываемые события разворачиваются во Владикавказе, на городской площади, недалеко от крепости. Коллокативная конструкция *sur le pavé (d'une ville)* являлась привычной для языка эпохи и могла актуализировать совокупность улиц и площадей города¹. Однако данная конкретизация более ориентирована на французскую действительность, поскольку мощение на улицах Владикавказа в то время часто отсутствовало.

ЛЕ *путь* имеет в тексте романа 12 употреблений (12 контекстов), из которых в семи случаях она служит для более общего обозначения дороги, а в четырех для ее метафорической актуализации. Подобное функционирование ЛЕ *путь* в тексте произведения порождает заметное контекстуальное разнообразие переводческих решений. А. А. Столыпин, в частности, обращается к таким лексемам как *route, chemin, passage, voie*. Однако в ситуациях можно выявить уже отмеченное стремление к конкретизации. Например:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем <...>	A la porte du fort la sentinelle croisa sa baïonnette sur lui <...>	У ворот форта часовой направил на него штык.
Там путь всё становился уже, утесы синее и страшнее, и, наконец, они, казалось, сходились непроницаемой стеной.	Là-bas, le chemin allait se rétrécissant toujours, les rochers devenaient plus bleus et plus menaçants ; il me sembla qu'ils se soudaient enfin en muraille gigantesque.	Там дорога шла сужаясь, скалы становились всё синее и всё грознее; мне показалось, что они смыкались, наконец, в гигантскую стену.

Для перевода выражения *загородить путь ружьем* А. А. Столыпин использует французский термин штыкового боя (*croiser la baïonnette*), который максимально точно описывает действия часового, состоящие в том, что последний принимает боевую стойку, направляя штык своего оружия на Казбича. Во втором случае обращение к ЛЕ *chemin* обусловлено контекстом, который отсылает к узкой горной дороге, ведущей к месту дуэли Печорина и Грушницкого.

Лексемы *тропинка* и *бульвар* употребляются в романе только в прямом значении. Для их перевода А. А. Столыпин использует соответственно ЛЕ *sentier* и *boulevard*, причем последняя имеет уже устаревшую орфографию. Дополнительный анализ также свидетельствует о стремлении к определенной конкретизации их контекстуальных описаний в соответствии с существующей действительностью. Рассмотрим пример.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Под мышкой он нес какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке.	Il portait un paquet sous le bras, et ayant tourné vers le port, il descendit un sentier étroit et glissant.	Он нес под мышкой какой-то сверток и, свернув к порту, спустился по узкой и скользкой тропе.

Заменяя характеристику *крутая* (тропинка) (*sentier escarpé*) на *скользкую* (*sentier glissant*) переводчик отступает от текста оригинала, но его характеристика вполне согласуется с реальностью, поскольку берег в районе станицы Тамань представлен достаточно скользкими песчано-глинистыми отложениями.

¹ TLFi: URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm>.

5.2. Окружающее дорогу пространство

Репрезентация в романе окружающего пространства происходит при помощи таких наиболее частотных ЛЕ как *гора* (47 употреблений / 40 микроконтекстов), *ущелье* (20 употреблений / 19 микроконтекстов), *скала* (18 употреблений / 18 контекстов), *аул* (8 употреблений / 8 микроконтекстов), *слободка* (6 употреблений / 6 микроконтекстов), а также топонима *Кавказ* (14 употреблений / 14 контекстов). Для этой цели служат и некоторые другие собственные наименования географических объектов, среди которых наиболее частотными оказываются: *Кисловодск* (9 употреблений / 9 микроконтекстов), *Машук* (8 употреблений / 8 микроконтекстов), *Пятигорск* (7 употреблений / 7 микроконтекстов). Наблюдения показывают, что выбор переводчиком лексических средств, используемых для актуализации особенностей ландшафта тоже заметно адаптирован к реальному рельефу местности. Прочитаем:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> кругом амфитеатром возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы.	Les pics du Beshtau, les cimes du mont des Serpents et du mont de Fer s'élèvent au-dessus en amphithéâtre.	Острые вершины Бешто, вершины Змеиной горы и Железной горы возвышаются амфитеатром.
Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; <...>.	Des nuages dorés s'entassant, sur les montagnes, leur formaient de nouveaux sommets aériens ; <...>	Золотистые облака, теснясь над горами, создавали им новые воздушные вершины; <...>
Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; <...>	A trois werstes de Kislovodsk, dans une vallée arrosée par le Podcoumok, se trouve un rocher qu'on appelle l'Anneau.	В трех верстах от Кисловодска, в долине, орошаемой Подкумком, находится скала, которую называют Кольцо.
Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом <...>	De tous côtés, des pics inaccessibles, des roches rougeâtres, festonnées de lierre <...>	Со всех сторон неприступные вершины, красноватые скалы, увитые плющом <...>
Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, <...>	A notre gauche une gorge ouvrait ses noirs abymes ; devant nous des pics bleuâtres, <...>	Слева от нас ущелье открывало свои черные бездны; впереди нас – голубоватые вершины <...>

Так, при переводе фразы *ущелье, где протекает Подкумок* (течение реки Подкумок в окрестностях Горы Кольцо) используется ЛЕ *vallée* (долина; лощина). Это вполне соответствует топографии местности, поскольку долина Подкумка в этом районе достаточно широкая. Для номинации же более узких ущелий переводчик обычно обращается к ЛЕ *gorge* (каньон; теснина). В целом заметная контекстуальная адаптация ЛЕ *ущелье* при помощи лексемы *vallée* выявляется в семи микроконтекстах, а при помощи ЛЕ *gorge* – в восьми. Частотность употребления лексем *vallée* и *gorge* составляет 17 и 14 употреблений соответственно, что говорит об их сопоставимом присутствии в тематической сетке текста. Интерпретируя фрагмент *синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы*, переводчик дополнительно конкретизирует описания и точно адаптирует сообразно географическим объектам ЛЕ *pic* (острая вершина) и *cime* (вершина). Наряду с этим, он опускает ороним *Лысая гора* (вариант перевода: *le mont Chauve*).

Перевод названий географических объектов реализуется не только при помощи транскрипции (*Piatigorsk, Kislovodsk, Larse, Mashouk, Casbek* и т. д.), но и путем их полного пере-

вода, что в сочетании с достаточно активным использованием переводческой сноски свидетельствует о желании эксплицировать незнакомые для зарубежного читателя кавказские реалии. Например: *Gué-Pierreux* (Каменный Брод, досл. каменистый брод), *mont / montagne de la Croix* (Крестовая Гора, досл. Гора Креста). Передача географических реалий, актуализированных апеллятивами тоже осуществляется либо путем транскрипции, либо путем подбора адекватных замен. Так, ЛЕ *аул* передается путем транскрипции (*aoul*) с дополнительным подстрочным комментарием, для интерпретации *слободки* во всех случаях избирается ЛЕ *village*. В написании имен собственных достаточно часто встречаются различные опечатки и некоторые неточности, что, возможно, обусловлено как ошибками французского наборщика, так и неразборчивостью почерка А. А. Столыпина, которую отмечают исследователи [Недумов, 1974. С. 158]. Звук [ʃ] иногда передается буквосочетанием *-sh*, что характерно для английского языка.

Интерпретация таких типичных ландшафтных объектов, как *гора* и *скала*, обусловлена как контекстуальным, так и лингвистическим факторами. Французские лексемы *mont* и *montagne*, обозначающие *гору*, семантически очень близки и часто выступают в качестве синонимов. Однако использование ЛЕ *mont* в сочетании с именем собственным является несколько более привычным. Помимо этого, ЛЕ *mont* точнее передает идею отдельно стоящей горы. Данные моменты находят свое отражение в переводе (см. примеры выше). В целом данный фрагмент тематической сетки формируется за счет ЛЕ *montagne*, которая встречается в тексте перевода 47 раз, тогда как лексема *mont* имеет только 9 употреблений, причем существенно и показательно то, что в 8 случаях она входит в состав топонимов. Иногда образ *горы* метонимически конкретизируется путем замены на лексемы *rocher* (скала), *pic* (острая вершина), *sommet* (вершина).

Лексемы *roche* и *rocher*, при помощи которых может быть интерпретирована *скала* обычно используются переводчиком в качестве синонимов. В тематической сетке переводного текста ЛЕ *rocher* (24 употребления) заметно доминирует над ЛЕ *roche* (7). Возможно, это связано с тем, что ЛЕ *rocher* несколько более точно передает принадлежность скалы к горному массиву.

Пейзаж имманентно связан со структурой произведения: он служит фоном, на котором разворачиваются события, дополнительно эксплицирует внутренний мир героев и является отражением философских размышлений и мировосприятия автора. Присутствующие в романе пейзажные описания сочетают в себе поэтическую лиричность с почти документально точной топографической соотнесенностью. Их перевод может представлять определенные сложности. В ряде случаев переводчик руководствуется собственным восприятием действительности. Так, переводя фрагмент «...на его вершине *чернелся* каменный крест...» (см. пример выше), он ограничивается констатацией факта: «Sur le sommet *se dressait* une croix de pierre...» (На вершине *возвышался* каменный крест <...>). Он не пытается передать более точно глагол *чернеться*, что было бы в данном случае возможным при помощи словосочетаний *se dessiner* (*se profiler, se détacher*) *en noir* (sur le fond clair de la neige). Сохранение авторской палитры представляется существенным, поскольку использование цвета свойственно живописному языку М. Ю. Лермонтова, а прилагательное *черный* занимает 232 позицию в тысяче наиболее частых слов его поэтического словаря [ЧСЯЛ, 1981]. Достаточно вспомнить лермонтовскую «Тамару» 1841 г.: «В глубокой теснине Дарьяла, Где роется Терек во мгле, Старинная башня стояла, *Чернея на черной* скале».

В другом месте, переводя описание вида, открывающегося с Койшаурской горы на узкое и обрывистое ущелье Белой Арагвы, А. А. Столыпин всё же находит вполне уместное контекстуальное решение для фразы «Налево *чернело* глубокое ущелье...», передавая ее как «À notre gauche une gorge *ouvrait ses noirs abîmes*...» (совр. орфография – *abîme* или *abime*). Заметим, что положение прилагательного, обозначающего цвет, перед существительным на первый взгляд кажется несколько непривычным. Однако в литературных текстах препозиция данной категории прилагательных тоже может использоваться для изменения их экспрессив-

ной нагрузки и в случаях метафорического употребления [Nølke, 1996. P. 43–44]. Можно полагать, что в процитированном примере это связано с активной метафорической семиотизацией цветовой характеристики, символизирующей бездонность бездны. В частности, коллокация *noirs abymes* имела в то время достаточно привычный характер. Приведем в качестве одного поэтического примера: «Neptune soulève son onde, Les noirs abymes sont ouverts» [Voltaire, 1832. P. 426].

5.3. Средства передвижения и связанные с путешествием реалии

Среди ЛЕ, номинирующих различные наземные средства передвижения, наиболее употребительными являются: *каре́та* (10 употреблений – 7 микроконтекстов), *коляска* (9 употреблений – 7 микроконтекстов) и *повозка* (5 употреблений – 5 микроконтекстов). Перечисленные ЛЕ дополнительно маркируют социальный статус персонажей, поэтому их устойчивое воспроизведение представляется, на наш взгляд, достаточно важным. Переводчик следует авторской градации:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Саяя княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим.	En reconduisant la princesse à la voiture, je pressai rapidement sa jolie main sur mes lèvres.	Провожая княжну обратно к карете, я быстро прижал ее красивую руку к своим губам.
Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! Да и зачем?..	La calèche était déjà loin ; mais Petchorine fit un signe de la main qui pouvait se traduire ainsi : jamais, et à quoi bon ?	Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести так: никогда, да и зачем?
Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка <...>	Je passai toute cette première journée de la façon la plus maussade. Le lendemain, de grand matin, un chariot entra dans la cour.	Весь первый день я провел самым унылым образом. На следующий день рано утром во двор въехала повозка.

Для перевода ЛЕ *каре́та* А. А. Столыпин использует гипероним *voiture*. Можно полагать, что данное решение следует рассматривать не как проявление универсалии упрощения, а как следование лингвистическим тенденциям эпохи, так как уже к концу XIX столетия словари рекомендуют использовать лексему *voiture* вместо *carrosse* для номинации кареты [Makaroff, 1887. С. 167]. Такую реалию, как *коляска*, переводчик конкретизирует при помощи ЛЕ *calèche*, которая соотносится с легким дорожным экипажем с откидным верхом. Для актуализации *повозки*, (средства передвижения минимальной комфортности), обычно используется ЛЕ *chariot* (повозка, телега, тележка). Только в одном случае переводчик отступает от такой интерпретации:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа.	<...> sur cette route, où deux équipages ne peuvent aller de front, que de fois passe un courrier, emporté à toute bride et par une nuit sombre, sans quitter son fragile chariot.	<...> по этой дороге, где два встречных экипажа не могут разехаться, иногда на полной скорости и темной ночью проезжает какой-нибудь курьер, не выходя из своей непрочной повозки.

Возможно, что это отступление от буквы текста тоже отчасти связано с его личным опытом, поскольку средства передвижения, используемые курьерами, не отличались особой комфортностью. Кроме того, ЛЕ *chariot* оказывается более совместимой с избираемой переводчиком вербальной характеристикой (*fragile*). Наряду с этим отметим, что для интерпретации езды на *перекладных* А. А. Столыпин использует словосочетание (*en*) *chariot de poste*, в то время как переезд на *перекладной тележке* он актуализирует при помощи словосочетания, включающего в себя гипероним: (*en*) *voiture de poste*.

В XIX в. животные являлись привычным средством передвижения. ЛЕ *лошадь* употребляется в тексте романа 63 раза (52 микроконтекста) и 2 раза в форме диминутива, ЛЕ *конь* – 24 раза (20 микроконтекстов), а ЛЕ *скакун* имеет 6 употреблений (6 микроконтекстов) и в 5 случаях используется для номинации Карагеца (лошади Казбича). Перевод первых двух лексем обычно реализуется при помощи ЛЕ *cheval* (112 употреблений), которая и участвует в формировании тематической сетки в переводном тексте. А. А. Столыпин лишь изредка употребляет гиперонимы *animal* (животное; 4 раза) и *monture* (верховое животное; 2 раза). Лексему *coursier* (скакун; конь), содержащую дополнительную поэтическую коннотацию, переводчик использует дважды и только по отношению к лошади Казбича, что соответствует авторской тенденции, которая продиктована спецификой литературного образа.

Что же касается водных средств передвижения, то наиболее частотной оказывается ЛЕ *лодка*, которая встречается в романе 15 раз (12 микроконтекстов) в своей основной форме и 3 раза в форме диминутива *лодочка* (1 микроконтекст), актуализированном переводчиком однократно в стихотворном фрагменте при помощи ЛЕ *chaloupe*. Во всех случаях ЛЕ *лодка* употребляется в романе в прямом предметном значении.

В отличие от оригинала, интерпретация реалии *лодка* отличается разнообразием, которое не является достаточно мотивированным и может быть отчасти объяснено стремлением избежать повторов. А. А. Столыпин использует в качестве синонимов такие французские ЛЕ как: *bateau* (5 употреблений), *barque* (3), *embarcation* (2), *chaloupe* (3), *esquif* (1). Их общей семантической основой выступает значение сравнительно небольшого плавательного средства. Протицируем в качестве иллюстративного примера:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку», – сказала моя спутница; я колебался, я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем.	Les vagues fatiguées rousaient pesamment l'une sur l'autre, et soulevaient à peine une frêle embarcation amarrée au rivage. – Entrons dans ce bateau, me dit ma compagne. J'hésitai une seconde. Je suis peu partisan des promenades sentimentales à la belle étoile et sur mer ; mais il était trop tard pour reculer. Elle s'élança la première, je la suivis, et bientôt je remarquai que la barque filait rapidement.	Усталые волны тяжело накатывались друг на друга и едва приподнимали хрупкую лодку, пришвартованную у берега. – Взойдем на это судно, – сказала мне моя спутница. Я поколебался секунду. Я не большой сторонник сентиментальных ночных прогулок под открытым небом и на море; но отступить было слишком поздно. Она устремилась первой, я последовал за ней и вскоре заметил, что лодка быстро движется.

Помимо этого, переводчик вводит дополнительные описательные характеристики, содержащие идиоматические выражения, отсутствующие в авторском тексте: (*emporté*) *à toute bride* и *à la belle étoile*.

Среди частотных лексических средств, актуализирующих другие связанные с путешествием реалии, можно выделить ЛЕ *чемодан* (11 употреблений – 9 микроконтекстов). В 10 случаях для ее перевода использована ЛЕ *malle*, лишь в одном имеет место метонимическая конкретизация:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи <...>	Je tirai de ma malle un bout de bougie, et l'ayant allumé, je me mis à ranger mes effets <...>	Я вынул из дорожного чемодана огарок свечи и, зажгя его, стал раскладывать свои вещи.
Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан.	Le domestique, sans se déranger, continua de défaire les courroies.	Слуга, не обращая внимания, продолжал расстегивать ремни.

Переводчик настойчиво избегает употребления ЛЕ *valise*, что может быть объяснено не только его желанием максимально точно интерпретировать данную реалию (*более напоминающую дорожный сундук*), но и дополнительным устаревшим значением ЛЕ *valise*, которая могла использоваться для номинации мягкого цилиндрического чемодана, закрепляемого на крупе лошади².

Заметную частотность в романе имеют также лексемы *верста* (14 употреблений – 14 микроконтекстов) и *извозчик* (7 употреблений – 7 микроконтекстов). В первом случае переводчик всегда прибегает к транслитерации *werste*, а во втором использует французскую ЛЕ *postillon*, тоже привносящую элемент конкретизации, так как она более соответствует русской ЛЕ *ямщик*, которая обозначала извозчика на почтовых лошадях.

6. Выводы

Проанализированный перевод отличают уверенное и достаточно нюансированное владение переводящим языком и его изобразительными средствами. Интерпретация дороги и связанных с ней реалий отличается заметным стремлением к контекстуальной конкретизации, поскольку ориентирована не только на текст произведения, но и на собственное восприятие современной переводчику действительности. Она характеризуется достоверностью и знанием деталей, которые могут быть объяснены наличием у А. А. Столыпина сопоставимого с автором военно-профессионального и бытового опыта.

По отношению к оригиналу переводчик рассматривает себя в качестве «корректора» произведения, стремясь адаптировать перевод к знакомой ему материальной реальности. Подобная установка не противоречила взглядам, присутствующим во Франции еще со времени Франсуа де Малерба, который оставлял за переводчиком право видоизменять авторский текст для устранения неясностей, несоответствий и неточностей как фактологического, так и лингвистического характера [Horguelin 1981. P. 78]. Кроме того, тенденция к «улучшению» оригинального текста была типичной для периода классицизма, эстетическое влияние которого еще ощущалось в России в первой половине XIX столетия (см., например: [Эткинд, 1973; Burnett, Lygo, 2013]). Однако в ряде случаев отступления от буквы текста не имеют достаточно весомых причин, связанных с французской конвенциональной нормой, и обусловлены лингвистическими предпочтениями переводчика.

В целом можно сказать, что выявленные расхождения приводят к некоторой локальной размытости «тематической сетки» хронотопа, возникающей чаще всего из-за переводческой конкретизации, но не препятствуют формированию художественного пространства произве-

² TLFi: URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm>.

дения и не лишают читателя возможности ощутить своеобразие места разворачивания событий.

Список литературы

- Арнольд И. В.** Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста. Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., 1984. С. 3–11.
- Ашукина-Зенгер М. Г.** О воспоминаниях В. В. Бобарькина о Лермонтове. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 741–760.
- Бахтин М. М.** Эпос и роман (Формы времени и хронотопа в романе). СПб: Азбука, 2000. С. 11–193.
- Боголюбов А. Ф.** Об истоках анонимной русской версии «Марша шпионов» Р. Киплинга // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, вып 4. С. 159–176.
- Герштейн Э. Г.** Герой нашего времени М. Ю. Лермонтова. М.: Художественная литература, 1976. 128 с.
- Дурьлин С. Н.** «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Комментарии. М.: Мультира-тура, 2006. 296 с.
- Кандель Б. Л.** Библиография переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки. М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 203–218.
- Меркулова И. И.** Хронотоп дороги в русской прозе 1830–1840-х годов: Дис. ... канд. филол. наук: Самарский гос. пед. ун-т. Самара, 2007. 221 с.
- Недумов С. И.** Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь: Книжное издательство, 1974. 307 с.
- Ноева (Карманова) С. Е.** Лиминальный мир в якутской культуре: роль и место человека в пространстве дороги // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, вып. 1. С. 40–52.
- Фокин С. Л.** Загадки и задачи двух французских переводов «Героя нашего времени»: Монго и Борис де Шлецер. Мир Лермонтова, 2015. С. 823–836.
- Шульц В. К.** Лермонтов в переводе французских писателей. 1842–1875. Русская старина, 1883. С. 457–472.
- Эткинд Е. Г.** Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. 248 с.
- Baker, M.** Towards a methodology for investigating the style of literary translator. *Target*, 2000, vol. 12, p. 241–266.
- Burnett, L., Lygo, E.** The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia. Peter Lang, 2013, 309 p.
- Gentzler, E.** Translation, hypertext, and creativity: Contemporary translation theories. Bristol: Multilingual Matters, 2001, 232 p.
- Horguelin, P. A.** Anthologie de la manière de traduire: domaine français. Linguattech, 1981, 230 p.
- Newmark, P.** A textbook of translation. Shanghai foreign language education press [New York: Prentice hall], 1988, 292 p.
- Nølke, H.** Où placer l'adjectif épithète ? Focalisation et modularité. *Langue française*, 1996, p. 38–58.
- Saldanha, G.** Translator style: Methodological considerations. *The Translator*, 2011, vol. 17, no. 1, p. 25–50.
- Seleskovitch, D., Lederer, M.** Interpréter pour traduire. Paris, Les Belles Lettres, 2014, 432 p.

Список источников

- Лермонтов М. Ю.** Герой нашего времени. Ч. 1–2. СПб.: В Тип. Ильи Глазунова и К°, 1843. (ГНВ)
- Лермонтов М. Ю.** Тамань // Отечественные записки, 1840, т. 8, № 2, отд. III. С. 144–154. (ОЗ-8)
- Лермонтов М. Ю.** Фаталист // Отечественные записки, 1839, т. 6, № 11, отд. III. С. 146–158. (ОЗ-6)
- Лермонтов М. Ю.** Бэла // Отечественные записки, 1839, т. 2, № 3, отд. III. С. 167–212. (ОЗ-2)
- Лермонтов М. Ю.** Сочинения: В 6 т. АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Stolipine A. A.** (trad.) « Un héros du siècle ou Les Russes dans le Caucase ». Démocratie pacifique. Paris, 1843. 29 sept.- 4 nov. (DP) URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date>
- Voltaire.** Œuvres complètes de Voltaire, avec des remarques et des notes historiques, scientifiques et littéraires revues par une société d'hommes de lettres. Théâtre. Tome II. Paris : Bazouge-Pigoreau, 1832. URL: <https://books.google.ru/books?id=y1VHAQAАААAJ&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false>

Список словарей

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М., 2006. 944 с. (ТСРЯ)
- Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 717–774. (ЧСЯЛ)
- Makaroff N. P.** Dictionnaire français-russe complet, СПб., 1887. 1086 p.

References

- Arnold, I. V.** Lexical-semantic field in the language and the thematic grid of the text. Text as an object of complex analysis at the university. Leningrad, 1984, p. 3–11. (in Russ.)
- Ashukina-Zenger, M.** About Bobarykin's memories of Lermontov. In: M. Yu. Lermontov of Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. (Pushkin. House), Moscow, 1948, vol. II, p. 741–760. (in Russ.)
- Baker, M.** Towards a methodology for investigating the style of literary translator. *Target*, 2000, vol. 12, p. 241–266.
- Bakhtin, M. M.** Epic and novel (Forms of Time and of the Chronotope in the Novel). St. Petersburg, Azbuka, 2000, p. 11–193. (in Russ.)
- Bogolubov, A. F.** On the Origins of the Russian Anonymous Spies' March Version. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 159–176. (in Russ.)
- Burnett, L., Lygo, E.** The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia. Peter Lang, 2013. 309 p.
- Durylin, S. N.** “A Hero of Our Time” by M. Yu. Lermontov. Comments. Moscow, Multiratura, 2006, 296 p. (in Russ.)
- Etkind, E. G.** Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin. Leningrad: Nauka, 1973, 248 p. (in Russ.)
- Fokin, S. L.** Riddles and Tasks of Two French Translations of “A Hero of Our Time”: Mongo and Boris de Schloezer. In: *Lermontov's World*, 2015, p. 823–836. (in Russ.)
- Gentzler, E.** Translation, hypertext, and creativity: Contemporary translation theories. Bristol, Multilingual Matters, 2001, 232 p.
- Horguelin, P. A.** Anthology of how to translate: French domain. Linguatex, 1981, 230 p. (in French)

- Gershtein, E. G.** “A Hero of Our Time” by M. Yu. Lermontov. Moscow, 1976, 128 p. (in Russ.)
- Kandel, B. L.** The bibliography of translations of the novel “A Hero of Our Time” into foreign languages. In: M. Yu. Lermontov. “A Hero of our time”. Moscow, 1962, p. 203–218. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/selected/gnv/gnv-203-.htm?cmd=p>.
- Merkulova, I. I.** Road Chronotope. In: Russian prose of the 1830–1840s: thesis of candidate in philological sciences, Samara, 2007, 221 p. (in Russ.)
- Nedumov, S. I.** Lermontov’s Pyatigorsk. Stavropol, Book Publishing House, 1974, 307 p. (in Russ.)
- Newmark, P.** A textbook of translation. Shanghai foreign language education press [New York: Prentice hall], 1988, 292 p.
- Noeva (Karmanova), S. E.** Liminal World in Yakut Culture: The Role and Place of Man in the Space of the Road. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 40–52. (in Russ.)
- Nølke, H.** Where to place the attributive adjective In French? Focalisation and modularity. *French language*, 1996, p. 38–58. (in French)
- Saldanha, G.** Translator style: Methodological considerations. *The Translator*, 2011, vol. 17, no. 1, p. 25–50.
- Seleskovitch, D., Lederer, M.** Interpret to translate. Paris, Les Belles Lettres, 2014, 432 p. (in French)
- Shultz, V. K.** Lermontov in translations of French writers. 1842–1875, *Russian antiquity*, 1883, p. 457–472. (in Russ.)

List of Sources

- Lermontov, M. Yu.** A Hero of Our Time. Ch. 1–2. Saint Petersburg: Ilya Glazunov and K^o, 1843.
- Lermontov, M. Yu.** Bela. *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 2, no. 3, dep. III, p. 167–212.
- Lermontov, M. Yu.** Fatalist. *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 6, no. 11, part III, p. 146–158.
- Lermontov, M. Yu.** Taman. *Otechestvennye zapiski*, 1840, vol. 8, no. 2, dep. III, p. 144–154.
- Lermontov, M. Yu.** Collected works in 6 volumes; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. literature (Pushkin house). Vol. 6. Prose. Letters. Moscow, Leningrad, 1957, 900 p.
- Stolipine, A. A.** (translator). A hero of the century or The Russians in the Caucasus. Peaceful Democracy, Paris, 1843, Sept. 29 – Nov. 4 (DP). URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date>
- Voltaire.** Complete works of Voltaire, with historical, scientific and literary remarks and notes reviewed by a society of men of letters. Theater. Volume II. Paris: Bazouge-Pigoreau, 1832. URL: <https://books.google.ru/books?id=y1VHAQAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false>

List of Dictionaries

- A Frequency dictionary of Lermontov’s language. In: Lermontov Encyclopedia, Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. (Pushkin House). Moscow, 1981, p. 717–774.
- Makaroff, N. P.** French-Russian Dictionary, Saint Petersburg, 1887, 1086 p.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu.** Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, 2006, 944 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
05.03.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Соловьева Евгения Анатольевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Evgeniya A. Solovyeva, Candidate of Sciences in Philology, Lecturer Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov on Don, Russian Federation)

e_rossignol@mail.ru

ORCID 0000-0001-8796-6059

УДК 81-13 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-165-168

Рецензия на книгу:

Тао Юань. Вопросы перевода текстов по гуманитарным и общественным наукам на основе параллельного корпуса русского и китайского языков. Пекин: Наука, 2018. 202 с.; 2-е изд., дополненное. Пекин: Наука, 2021. 212 с. (на кит. яз.)^{*}

В. П. Захаров

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Монография посвящена дескриптивному анализу перевода научных текстов с русского языка на китайский на основе методов корпусной лингвистики. Обсуждаются нормы перевода, вопросы специфичности и универсальности, а также влияние характеристик исходного текста на текст перевода, иначе говоря, исследуется совокупность факторов, которые оказывают влияние на перевод.

Ключевые слова

переводоведение, дескриптивный анализ перевода, корпусная лингвистика, параллельный корпус

Для цитирования

Захаров В. П. Рецензия на книгу: Тао Юань. Вопросы перевода текстов по гуманитарным и общественным наукам на основе параллельного корпуса русского и китайского языков. Пекин: Наука, 2018. 202 с.; 2-е изд., дополненное. Пекин: Наука, 2021. 212 с. // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 165–168. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-165-168

Review

Tao Yuan. Research on Translation of Academic Texts in Humanities and Social Sciences Based on Russian-Chinese Parallel Corpus. Beijing, Science Publishing, 2018, 202 p.; 2nd ed., revised. Beijing, Science Publishing, 2021, 212 p. (in Chin.)

Victor P. Zakharov

*Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The monograph is devoted to the descriptive analysis of the translation of scientific texts from Russian into Chinese based on corpus linguistics methods. The norms of translation, the issues of specificity and universality, as well as the

* 陶源. 基于俄汉平行语料库的人文社科类文本翻译研究.北京: 科学出版社, 2018年12月, 202页, 2021年5月第二次印刷, 212页.

influence of the characteristics of the source text on the translation text are discussed, in other words, the set of factors that influence the translation is investigated

Keywords

Translation Studies, descriptive analysis of translation, corpus linguistics, parallel corpus

For citation

Zakharov, Victor P. Tao Yuan. Research on Translation of Academic Texts in Humanities and Social Sciences Based on Russian-Chinese Parallel Corpus. Beijing, Science Publishing, 2018, 202 p.; 2nd ed., revised. Beijing, Science Publishing, 2021, 212 p. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 165–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-165-168

Книга известной исследовательницы по теории и практике перевода проф. Юань Тао (Tao Yuan) представляет собой первую в Китае монографию, посвященную корпусным исследованиям в области русско-китайского перевода. Проф. Юань Тао, филолог-русист, доктор филологических наук, заведует кафедрой европейских языков и Русским центром Юго-Восточного университета в г. Нанкин (Наньцзин, Nanjing), КНР. Является автором трех монографий и более 30 статей. Ее научные интересы – корпусная лингвистика, языковая политика, теория и практика перевода. Она является создателем первого в Китае параллельного (parallel) и сопоставимого (comparable) русско-китайского корпуса.

Монография посвящена дескриптивному анализу перевода научных текстов с русского языка на китайский на основе методов корпусной лингвистики. Обсуждаются нормы перевода, вопросы специфичности и универсальности, а также влияние характеристик исходного текста на текст перевода, иначе говоря, исследуется вся совокупность факторов, которые оказывают влияние на создание текста перевода в целом или на выбор варианта перевода определенных конструкций.

В частности, особое внимание уделяется в монографии углубленному исследованию универсалий перевода (*translation universals*) на основе параллельного корпуса русского и китайского языков. На материале восьми типовых конструкций, характерных для научного стиля русских и китайских текстов, проводится количественный и качественный анализ данных, извлеченных из параллельных текстов, описываются правила сочетаемости, выделяются характерные единицы перевода и т. д. Автор анализирует большое число литературных источников по теме, описывает серию проведенных ею лингвистических микроисследований, предлагает глубокую интерпретацию статистических данных. В результате это позволяет создать достоверную научную модель русско-китайского перевода научных текстов. Рецензируемая монография, на наш взгляд, окажет глубокое влияние на исследования русско-китайских языковых параллелей в области гуманитарных и общественных наук.

Монография состоит из четырех частей. В первой, вводной части излагаются теоретические основы научного языка (чаще называемого в русской лингвистике функциональным научным стилем) и корпусного переводоведения. Автор анализирует тенденции развития переводоведения в 1990-х гг., рассматривает сдвиг исследовательской парадигмы переводоведения от нормативной (прескриптивной) к описательной (дескриптивной). При этом дается обзор исследований в области русско-китайского перевода текстов общественных и гуманитарных наук, выделяются их характерные особенности с акцентом на корпусной лингвистике, подчеркиваются уже хорошо известные преимущества корпусного подхода.

Вторая часть монографии посвящена созданию и использованию параллельного корпуса русского и китайского языков на материале обозначенной предметно-тематической области. Автор описывает структуру корпуса, требования к репрезентативности, приводит его объемные характеристики, описывает поисковый инструмент и уточняет терминологический аппарат. Подробно рассматриваются основополагающие понятия, такие как *параллельный корпус*, *корпусный менеджер*, *контрастивная лингвистика*, *выравнивание (alignment)*, *метаданные* и др.

Третья, главная часть, состоит из четырех глав. Она посвящена определению единиц перевода, семантической просодии (*semantic prosody*), анализу синтаксической универсальности переводного языка, практике перевода отдельных языковых единиц и конструкций. Все этапы исследования следуют единой методологии: а) предварительный корпусный анализ переводов; б) выдвижение и формулировка гипотезы; в) выделение по запросам подмножества корпусных данных, соответствующих объекту исследования; г) анализ статистических данных; д) качественный анализ текстового материала; е) выводы, подтверждающие (или не подтверждающие) гипотезу.

Одним из самых интересных в этой части нам представляется исследование перевода с русского языка на китайский словосочетаний с предлогом «с». Анализ структуры минимальных конструкций с русским предлогом «с» типа *рассуждать с позиций модернизма, схож с портретом, листовка с призывом, воевать с турками, сохранить с 1991 года, начать с азов* и их переводных эквивалентов, полученных из выровненного по словам и клаузам параллельного корпуса, показывает совсем незначительное число пословных соответствий, что приводит автора к заключению, что основной неделимой единицей перевода в данном случае являются не слова, а предложные конструкции. При этом выявляются закономерности перевода на китайский, определяемые семантикой русских предложных конструкций.

Заслуживает внимания исследование влияния семантической просодии исходного языка на текст перевода на примере перевода побудительных глаголов в русском языке (*привести к чему-либо, вызвать что-либо*) на китайский. Интересны также особенности переводных предложений, соответствующих русским конструкциям с союзом *как*, универсальность (особенность) предложений со словом «*对*» (*dui*) в переводном тексте. Сочетание качественного и количественного подходов обеспечивает аргументированность и верифицируемую объективность приводимых результатов.

Красной нитью через все разделы проходит типичная тема корпусного переводоведения – универсалии перевода. Но применительно к переводу с русского на китайский такие универсалии, как *экспликация, импликация, упрощение, усложнение, иностраннизация (форенизация, обиностранивание)* и др., рассматриваются впервые.

В четвертой части работы подводится итог исследования и выдвигается новая парадигма дескриптивного исследования перевода, базирующаяся на использовании инструментов корпусного переводоведения. Автор предлагает новую модель русско-китайского перевода на основе методов корпусной лингвистики, тем самым закладывая основу для дальнейших исследований. Работа характеризуется ясным ходом мысли, возможностью следить за шагами исследования и логично подводит читателя к решению каждой следующей задачи. Все восемь глав книги формируют органическое целое.

Магистральная линия рецензируемой работы – корпусное переводоведение, анализ закономерностей перевода с применением корпусов, вспомогательная линия – особенности стиля текстов гуманитарных и общественных наук на русском и китайском языках. Монография представляет несомненный интерес для специалистов в области теории перевода, когнитивной лингвистики, практиков-переводчиков, а также аспирантов, студентов-филологов, изучающих русский и китайский языки.

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

05.05.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Захаров Виктор Павлович, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра математической лингвистики (Санкт-Петербург, Россия)

Victor P. Zakharov, PhD, Candidate of Philology (Linguistics), Associate Professor at Saint Petersburg State University, Mathematical Linguistics Department (St. Petersburg, Russian Federation)

v.zakharov@spbu.ru

Информация для авторов

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

**Русская и итальянская
абстрактная адъективная метафоризация**

М. А. Кузьмина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Maria A. Kuzmina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список словарей / List of Dictionaries

Список источников / List of Sources

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

05.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы

в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго опре-

деленные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной

терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru